

RELAȚIILE MOLDO-BULGARE
în epoca medie și modernă

Chișinău
1998

**RELAȚIILE
MOLDO-BULGARE
ÎN EPOCA MEDIE ȘI
MODERNĂ**

Discuția
Българските
С. З. Новак

17.05.11 *Новак*

SOCIETATEA ȘTIINȚIFICĂ DE BULGARISTICĂ DIN
REPUBLICA MOLDOVA
MINISTERUL EDUCAȚIEI ȘI ȘTIINȚEI
AL REPUBLICII MOLDOVA
Universitatea Pedagogică de Stat "Ion Creangă"
Facultatea de Istorie și Etnopedagogie.
Catedra Istoria Românilor

**RELAȚIILE MOLDO-BULGARE
ÎN EPOCA MEDIE ȘI MODERNĂ**

Comunicări la conferința științifică internațională
Chișinău, 21-23 octombrie, 1996

CHIȘINĂU — 1998

НАУЧНО ДРУЖЕСТВО НА
БЪЛГАРИСТИТЕ
В РЕПУБЛИКА МОЛДОВА
МИНИСТЕРСТВО НА ВЪЗПИТА-
НИЕТО И НАУКАТА
НА РЕПУБЛИКА МОЛДОВА
Държавен педагогически
университет
"Ион Крянгэ"
Факултет "История и етнопедагогика"
Катедра "Румънска история"

**МОЛДОВСКО-
БЪЛГАРСКИ
отношения
през
средновековието
и новото време**

Доклади на международна научна
конференция
(Кишинев,
21—23 октомври 1996 г.)

КИШИНЕВ — 1998

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО БОЛГАРИ-
СТОВ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА
МИНИСТЕРСТВО ВОСПИТАНИЯ
И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА
Кишиневский государственный
педагогический университет
им. И.Крянгэ
Исторический и этнопедагогический
факультет.
Кафедра истории румын

**МОЛДАВСКО-
БОЛГАРСКИЕ
отношения
в
средние века
и новое время**

Доклады международной
научной конференции
(Кишинев,
21-23 октября 1996 г.)

КИШИНЕВ — 1998

Coordonatori: dr. Nicolai Cervencov
dr.hab., prof. univ. Gheorghe Gonta
dr. Nicolai Russev

Recenzenți: dr.hab., prof. univ. Pavel Cocărlă
dr.hab., prof. univ. Boris Vizer

Tehnoredactare computerizată Constantin Cervencov
Desenul Denis Topal
Culegere computerizată Leonid Mosionjnic

Culegerea a fost editată cu sprijinul financiar
al Fundației SOROS din Republica Moldova

C U P R I N S

Pag.

Introducere	10
Предговор	11
Предисловие	12

ISTORIE ȘI ISTORIOGRAFIE

Certan E.	Bulgaristica istorică din Republica Moldova <i>Историческа българистика в Република Молдова</i>	13
Артамонов В (Россия)	Болгарский и молдавско-валашский очаги державности в средневековье <i>Focarele bulgar și moldo-vlah de statalitate în Evul Mediu</i>	21
Атанасов Г. (България)	Археологическите източници за потеклото на гагаузите <i>Sursele arheologice despre trecutul ai găgăuzilor</i>	29
Павлов Пл. (България)	България, Византия и куманите (1186 г. — началото на XIV век). Някои бележки с оглед на предисторията на българо-молдовските връзки <i>Bulgaria, Bizantul și cumanii (1186 — începutul sec. XIV). Unele considerații cu privire la preistoria relatiilor moldo-bulgare</i>	43
Руссев Н.	Болгарско-молдавские контакты на Нижнем Дунае (вторая половина XIV в.) <i>Contactele bulgaro-moldave la Dunărea de Jos în sec. XIV</i>	51
Gonta Gh.	Regimul dominației otomane în Moldova și Balcani (unele aspecte) <i>Османското господство в Молдова и на Балканите (някои аспекти)</i>	63

		Pag.
Ștefănescu Ș. (România)	"Războiul de 15 ani", moment important în relațiile româno-bulgare. <i>"15-годишната война" — важен момент в румъно-българските отношения</i>	71
Аствацатуров Г.	Переселение болгар в Левобережное Поднепровье в конце XVIII века <i>Migrațiunea bulgarilor la malul stâng a Nistrului la sfârșitul sec. XVIII</i>	81
Chirtoagă I.	Etapele așezării unor grupuri de populație din Balcani pe teritoriul Moldovei <i>Etape на миграцията на отвът отвъддунавските преселниците в Молдова</i>	87
Грек В.	Экономические связи Пруто-Днестровского междуречья и болгарских земель до 1878 года: тенденции и особенности <i>Relațiile economice Basarabiei și pământurilor bulgare până la anul 1878: tendințe și particularități</i>	93
Бачинская Е. (Украина)	Болгарское и молдавское население в Дунайском казачьем войске. 1828-1869 гг. <i>Populația bulgară și moldovenească în trupele cazace de pe Dunărea (1828-1869)</i>	101
Червенков Н.	Деятели болгарского национально-освободительного движения в Бессарабии <i>Activiștii mișcării eliberatoare naționale bulgare în Basarabia</i>	107
Pavlov L.	Relațiile româno-bulgare în perioada anilor 1866-1875 în viziunea istoricilor români <i>Румънско-български отношения през 1866-1875 г. в румънската историография</i>	117

		Pag.
Cibotaru N.	România și mișcarea națională din Balcani în deceniile 7-8 a secolului XIX <i>Румъния и националното движение на Балканите през 60-70 г. на XIX в.</i>	125
Челак Е.	Общее и особенное в системе образования болгар Бессарабии и болгарских земель <i>General și deosebit în sistema educației la bulgari din Basarabia și a pământurilor bulgare</i>	133
Хаджиниколова Е. (България)	Бесарабските българи през XIX-XX век в съвременната българска историография <i>Bulgarii basarabeni din sec. XIX-XX în istoriografia bulgară contemporană</i>	141
Bîrladeanu V.	Interferențe istoriografice în problema "balcanismului" <i>Историографични взаимовлияния по проблема на "балканизма"</i>	151
Кустрябова С.	Из опыта изучения проблемы болгаристики в системе научно-исследовательской работы студентов <i>Din experiența studierii problemei bulgaristicii în sistemul cercetărilor științifice a studenților</i>	157
ETNOGRAFIE, FOLCLOR ȘI LIMBĂ		
Чиримпей В.	Болгарские народные песни, подтверждающие высказывание Димитрия Кантемира о Дойне как имени фракийского божества <i>Cîntece populare bulgare confirmând părerea lui Dimitrie Cantemir despre Doina ca nume de zeitate tracică</i>	167

		Pag.
✓ Стоянов П.	Общие элементы в болгарской и молдавской народной музыке <i>Elemente comune în muzica populară bulgară și moldovenească</i>	181
Hanganu L.	Caloianul. Viziuni mitologice în tradiția populară românească și cea bulgărească <i>Калоян. Някои общи митологични аспекти в румънска и българска народна традиция</i>	187
✓ Кавалов А.	Към въпроса за заимствувания в календарната обрядност на българите в Молдова <i>Probleme de interferență în tradițiile calendarice ale bulgarilor din Moldova</i>	203
Сорочану Е.	Общие элементы в зимней календарной обрядности болгар и молдаван <i>Elemente comune în ritualul calendaric de iarnă între bulgari și moldoveni</i>	211
Пригарин А. (Украина)	О фракийских элементах в этнической культуре болгар Бессарабии на материалах жилища XIX — XX вв. <i>Despre elemente tracice în cultura etnică a bulgarilor din Basarabia pe materiale locuinței (sec. XIX — XX)</i>	219
Зайковская Т.	Этнокультурная информация в сравнительных конструкциях болгар, молдаван и русских <i>Informații comparate de ordin etnocultural în frazeologie la bulgari, moldoveni și ruși</i>	227
Дамьян Н.	Румынско-болгарские параллели на уровне лексики <i>Paralele româno-bulgare la nivel lexical</i>	239 ✓

		Pag.
Рацесва Е.	К вопросу о языке славяно-молдавских летописей XV—XVI вв. (элементы румынско-славянской интерференции) <i>Probleme de lingvistică în cronicile moldo-slavone din sec. XV—XVI. Elemente de interferență româno-slave</i>	243
Попова Р. (България)	Поети-българи в Молдова <i>Poeți-bulgari în Moldova</i>	249

I N T R O D U C E R E

Legăturile seculare ale popoarelor Moldovei și Bulgariei се cercетеază sub diverse аспекти: историче, культурале, лингвистиче. Аcestor проблеме ле сунт dedicate numeroase lucrări. Тотодатá unele проблеме necesitá studii mai ample. În тоамна анулуй 1996 (21-23 octombrie) în Chișinău а avut loc Conferința știинțificá интернационалá “Relațiile moldo-bulgare în епока medie și moderná”, care а avut drept scop de а elucida unele проблеме din cadrul ацестеи теме. Conferința а fost organizatá de Catedra Istoria Românilor а Facultáții de Istorie și Etnopedagogie а UPS “Ion Creangá” și Societatea Științificá de Bulgáristicá din Republica Moldova, cu susținerea Institutului Minoritáților Naționale și Institutului de Istorie al Academiei de Științe а Republicii Moldova. Suportul financiar pentru ацестá manifestáție știинțificá а fost acordat de cátre Fundația SOROS din Republica Moldova.

La conferința au participat alături de cercеtátori din Republica Moldova, savánți din Bulgaria, România, Rusia și Ucraina.

Discuțiile știинțifice din cadrul conferinței au atras atenția cercurilor știинțifice din țарá, fiind comentate în presá, în emisiunile radiofonиче și televizate. Pentru оaspeții de peste hotare а fost organizatá о excursie în partea de sud а Moldovei, în s. Cairaclia, rnul Taraclia, unde au luat cunoșтинță de obiceiurile și tradițiile bulgarilor de aici.

Îн culegerea de față сунт prezentate referatele și comunicările participanților la conferința. Textele comunicárilor сунт prezentate în redacția autorilor.

Comitetul organizatoric al conferinței și coordonatorii ацестеи culegeri се considerá obligați să exprime mulțámiri Fundației SOROS din Republica Moldova pentru susținerea inițiативеи și contribuția substanțialá la organizarea conferinței și editarea ацестеи culegeri.

Coordonatorii

La baza compoziției heraldice de pe coperta се aflá imaginile de pe monedele emise de domnul Moldovei Petru Mușat (1375–1392) și а țарului bulgar Ivan Șişman (1371–1395).

П Р Е Д Г О В О Р

Вековните връзки между народите на Молдова и България са предмет на изследвания от различни аспекти: исторически, культурен, лингвистичен. Посветени им са многобройни трудове. Обаче има редица въпроси, които изискват своето проучване. През есента на 1996 г. (21-23 октомври) в Кишинев се състоя международна научна конференция на тема: “Молдовско-български отношения през средновековието и новото време”, която имаше цел да освети някои въпроси от тази проблематика. Тя беше организирана от катедра “История на румънците” към факултета “История и етнопедагогика” на Държавния педагогически университет “Йон Крянга” и от Научно дружество на българистите в Република Молдова с участието на Института за националните малцинства и Института по история към Академията на науките на Република Молдова. Тази научна среща стана възможна благодарение на финансовата подкрепа на фондация “Сорос” в Република Молдова.

В конференцията наред с молдовски изследователи участваха учени от България, Румъния, Русия, Украйна. Обсъждането на докладите предизвика интерес сред молдовската научна общественост и намери отражение в пресата, в предаванията на радиото и телевизията. Чуждестранните участници в конференцията посетиха село Кайраклия, Тараклийски район, където се запознаха с традициите, културата и бита на местните българи.

В този сборник са включени доклади и съобщения на участниците в конференцията. Текстовете се дават в авторска редакция.

Организационният комитет на конференцията и координаторите на този сборник смятат за свой дълг да благодарят фондация “Сорос” в Република Молдова за поддръжката ѝ на инициативата и реалното съдействие в провеждането на конференцията и издаването на нейните материали.

Координаторите

В основата на хералдическата композиция на корицата са положени изображения върху монетите на молдовския господар Петру Мушат (1375–1392) и българския цар Иван Шишман (1371–1395).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вековые связи народов Молдовы и Болгарии исследуются в самых различных аспектах: историческом, культурном, лингвистическом. Им посвящены многочисленные труды. Однако целый ряд вопросов все еще требует изучения. Осенью 1996 г. (21-23 октября) в Кишиневе состоялась международная научная конференция "Молдавско-болгарские отношения в средние века и новое время", которая ставила своей целью осветить некоторые проблемы этой темы. Она была проведена кафедрой истории румын исторического и этнопедагогического факультета Кишиневского государственного педагогического университета им. Иона Крянгэ и Научным обществом болгаристов Республики Молдова при участии Института национальных меньшинств и Института истории Академии наук Республики Молдова. Эта научная встреча смогла состояться благодаря финансовой поддержке Фонда Сороса в Республике Молдова.

В конференции, наряду с молдавскими исследователями, приняли участие ученые из Болгарии, Румынии, России и Украины. Заинтересованное обсуждение докладов на ней вызвало положительные отклики молдавской научной общественности и нашло отражение в прессе, передачах радио и телевидения. Иностранцы участники конференции посетили село Кайраклия Тараклийского района, где ознакомились с традициями, культурой и бытом местных болгар.

В настоящий сборник включены доклады и сообщения участников конференции. Тексты даются в авторской редакции.

Организационный комитет конференции и координаторы этого сборника считают своим долгом поблагодарить Фонд Сороса в Республике Молдова за поддержку инициативы и содействие, оказанное в проведении конференции и издании ее материалов.

Координаторы

В основу геральдической композиции на обложке положены изображения на монетах молдавского господаря Петру Мушата (1375 — 1392) и болгарского царя Ивана Шишмана (1371 — 1395).

Eugen CERTAN BULGARISTICA ISTORICĂ DIN REPUBLICA MOLDOVA

Numeroși bulgari, salvându-se de jugul greu al Imperiului otoman, au fost nevoiți în decursul secolelor să emigreze în alte țări. Mulți din ei s-au așezat cu Traiul în Moldova și Ucraina. Activitatea lor multilaterală și prodigioasă a fost descrisă în multiplele lucrări istorice. Au apărut și primele articole istoriografice.¹ Dar până acum n-au fost analizate lucrurile istorice bulgaristice editate de savanții din Republica Moldova. Diminuarea acestei lacune este sarcina prezentului articol.

Noile concepții științifice în tratarea istoriei, au necesitat o lucrare de generalizare care ar fi făcut bilanțul tuturor ajunșurilor obținute și ar fi trasat noile sarcini în domeniul dezvoltării bulgaristicii. Această sarcină a fost realizată de doctorii în științe I.Grec și N.Cervenkov în monografia editată la Sofia "Bulgarii din Ucraina și Moldova. Trecut și prezent".² Meritul autorilor constă nu numai în faptul că pentru prima dată a fost sistematizat materialul imens care se găsește în diferite lucrări științifice, dar și în înlăturarea pe baza noilor materiale de arhivă a unor lacune existente în cercetarea acestei probleme.

Bazându-se pe noi materiale de arhivă și o literatură vastă, în lucrare se studiază etapele principale ale procesului de migrație și așezarea coloniștilor bulgari în Besarabia și Ucraina. Caracterizând începutul migrației bulgare în secolele XV-XVIII, se evidențiază arealul geografic din Moldova în care așezat coloniștii, numărul lor, evoluția proceselor demografice.³ Mai detaliat se caracterizează prima strămutarea de masă a bulgarilor din anii 1806-1812, se evidențiază cauzele și procesul migrației, numărul coloniștilor și evoluția organizării administrative a coloniilor bulgare, se precizează anii formării noilor sate, constituirea organilor administrateve.

Caracterizând a doua emigrație de masă din anii 1828-1830 autorii intră în polemică cu privire la numărul coloniștilor bulgari și găgăuzi. Dacă V.Kabuzan consideră că în anul 1832 în Rusia erau 36.529 bulgari și găgăuzi,

iar I.Meșceriuc 66.462, I.Grec și N.Cervenčov bazându-se pe noile investigații ajunge la concluzia că în Basarabia în anul 1835 locuiau 61 de mii migranți-bulgari. Se demonstrează detaliat procesele demografice, formarea noilor colonii, în proprietățile coloniștilor și evoluția organelor de cîrmuire a lor.

În lucrare pentru prima oară se demonstrează procesele de reemigrare a coloniștilor bulgari din Basarabia în Silistria în anul 1836.

Înfringerea Rusiei în 1854-1856 a adus la o nouă emigrație a coloniștilor bulgari și găgăuzi. 6617 coloniști s-au așezat în 62 colonii noi din Basarabia. Însă guvernul rus n-a luat măsurile convenite pentru aranjarea noilor coloniști. În septembrie 1856 conform înțelegerii cu Poarta 777 de familii s-au întors în Turcia, care a promis amnistierea lor.

Prin hotărîrea Congresului de pace de la Paris din anul 1856 Sudul Basarabiei în care se găseau 40 de colonii bulgare au trecut în componența Principatului Moldovei. Fiind lipsiți în anul 1860 de privilegiile pe care le aveau în epoca precedentă, parte din coloniștii bulgari, găgăuzi au emigrat în Rusia, mai ales în regiunea Azovului și Crimei.

În lucrare se analizează dezvoltarea social-economică a coloniilor bulgare și găgăuze. Dacă în prima jumătate a secolului al XIX-lea primul loc îl ocupa vităritul, de la mijlocul acestui secol se cultivă cerealele, se dezvoltă viticultura, grădinăritul.

Merită atenție mai ales cercetarea dezvoltării economice a coloniilor după anii 70 nestudiată în literatură. Folosind arhivele și datele statistice ale zemstvelor, autorii determină trăsăturile principale ale dezvoltării gospodăriei sătești: largirea suprafeței semănăturilor cerealiere și tehnice, folosirea noilor metode agro și zootehnice, trecerea de la gospodăria extensivă la cea intensivă. Se analizează dezvoltarea mării proprietăți funciare, creșterea diferențierii țărănimei, aparatia muncitorilor agricoli salariați.

Autorii fac concluzia veridică ca și în a doua jumătate a secolului al XIX-lea și la începutul secolului XX domină industria casnică, care asigură necesitățile coloniștilor. Numai la începutul secolului XX apar primele manufacturi și uzine în Bolgrad și Akerman. În monografia se elucidează atât dezvoltarea comerțului intern a coloniștilor în Basarabia și Ucraina cât și comerțul extern cu Bulgaria.

În lucrare se analizează viața culturală a coloniștilor. Se descrie procesul mai puțin cunoscut al construirii bisericilor, dezvoltarea învățămîntului, a bibliotecilor și a teatrelor. Prezintă un interes deosebit analiza presei și

activitatea tipografiei de la Bolgrad. Se descriu legăturile coloniștilor bulgari cu reprezentății Renașterii bulgare, vizitele și ajutorul reciproc ale bulgarilor Veliko Tîrnovo și coloniștilor din Basarabia, ajutorul a celor din urmă în constituirea bisericii autocefale din Bulgaria.

Descriind obiceiurile populare, tradițiile, folclorul autorii ajung la concluzia justă că bulgarii și găgăuzii din Basarabia și Ucraina au păstrat caracterul național, dar au folosit și unele elemente culturale și etnografice a popoarelor vecin moldav, ucrainean, rus, german.

În monografie pentru prima dată se prezintă caracteristică generală a participării coloniștilor din Basarabia și Ucraina la mișcarea de eliberare națională din Bulgaria. Una din formele principale era participarea coloniștilor bulgari la războaiele ruso-turce din 1806-1812, 1828-1829, 1853-1856 și 1877-1878, în calitate de voluntari și cercetași asigurarea armatei ruse cu provizie și armament, transportarea și îngrijirea răniților. Altă formă era participarea la răscoale și comploturi de la Brăila a organizațiilor din Reni, Bolgrad, Izmail, colectarea banilor pentru editarea ziarelor bulgare și difuzarea lor, participarea la activitatea cetelor lui P.Hitov, legăturile cu Gh.Rakovschi. Autorii analizează participarea emigranților bulgari din Basarabia la lucrările Comitetului central secret bulgar, Comitetului de binefacere din București, Comitetului central revoluționar bulgar, și organizarea filialelor lor în Basarabia. Mai puțin cunoscut sunt apelurile acestor emigrați la organele internaționale pentru rezolvarea problemei bulgare.

După eliberarea Bulgariei de la jugul otoman legăturile bulgarilor din Basarabia și Novorosia cu patria s-au întărit. Intelectualii bulgari din Bolgrad s-au îndreptat la lucru în instituțiile noului stat bulgar. Bolgradul a dat Bulgariei doi prim-miniștri, 7 miniștri, generali, 25 colonei, 2 rectori și 6 profesori ai Universității din Sofia, 2 scriitori și alți oameni de vază.

În decursul primului război mondial Rusia și Bulgaria luau partea la diferite alianțe și aceasta a avut o influență nefastă asupra legăturilor bulgarilor din Basarabia cu Patria lor. În 1915-1917 sute de bulgari și găgăuzi au fost deportați din Basarabia.

Istoria bulgarilor din Moldova și Ucraina în anii 1918-1944 este prezentată mai succint. În schimb sînt studiate detaliat procesele demografice și așezarea teritorială a bulgarilor din Moldova și Ucraina în anii 1945-1991, sînt publicate multe tablouri. Se face concluzia că pînă la războiul mondial locuitorimea bulgarilor și găgăuzilor în procesul migrației a format sate noi sau se așezau în sate unde aveau majoritatea în

comparație cu alte grupe etnice, ceea ce permite de a păstra caracterul compact și specificul lor național. După al doilea război bulgarii se așezau pe tot teritoriul fostei Uniunii Sovietice mai ales în centrele industriale și astfel nu mai puteau păstra obiceiurile sale naționale. Bulgarii din Crimeea și de lângă Marea Azov s-au asimilat. A avut loc mari schimbări în satele bulgare din regiunea Odesa.

În monografie se descriu procesele social-economice, colectivizarea forțată, deportările, diferite abuzuri ale autorităților, înrăutățirea situației ecologice în perioada sovietică.

Una din problemele mari puțin cercetate în istoria bulgarilor basarabeni este cultura spirituală, învățământul. La intersecția sec. XIX și XX s-a început studierea acestei probleme mai ales de către cercetorii locali. Au fost publicate letopisețele bisericilor din Tvardița, Zadunaevka, Cioc-Maidan. În ajunul războiului II mondial s-a făcut încercare de a pregăti istoria bisericilor bulgare din Basarabia. Însă și acest lucru n-a fost dus până la sfârșit.

De aceea prezintă un mare interes articolul lui N.Cervenkov "Construirea bisericilor în coloniile bulgare din Basarabia în prima jumătate a secolului al XIX-lea"⁴ se descrie construcția lăcașelor religioase din Chișinău, Akkerman, satul Zadunaevka, Kirsovo, Enichioi, Karagaci, Tașbunar și a. În 1826 erau deja construite 33 de biserici în 60 de colonii. Se analizează componența preoțimii și activitatea lor religioasă culturală și morală, se precizează că nu toți slujitorii cultelor aveau pregătirea corespunzătoare.

O mare importanță se acordă cercetării dezvoltării învățământului și culturii. A fost editată monografia lui I.Grec "Școala în așezările bulgare și găgăuze din sudul Imperiului rus în prima jumătate a secolului al XIX-lea".⁵ În lucrare se analizează procesul complicat al dezvoltării învățământului în satele bulgare și gagauze, tipul școlilor, metoda instruirii și obiectele de studii, cadrele profesorilor și ale elevilor, succesele lor la învățătură, atitudinea autorităților și a populației locul față de școală în viață spirituală a bulgarilor și găgăuzilor.

După părerea autorului, școlile bulgare și gagauze erau superioare, școlilor unde învățau țărani moldoveni și coloniștii ruși și ucraineni din Basarabia și Novorosia însă cedau școlilor coloniștilor germani din aceasta regiune. Dar această concluzie trebuie să fie mai argumentată cu material factologic. Singur autorul menționează că "tipul școlilor care erau în coloniile bulgare și găgăuze" nivelul pregătirii profesionale a profesorilor, metoda predării au determinat eficacitatea joasă a învățământului în școlile

coloniștilor bulgari și gagauzi. Apărind în același timp cu sistemul de învățământ din Bulgaria, școlile bulgare și găgăuze din Basarabia și Ucraina n-au fost atât de dezvoltate și nu au avut același randament ca cele din Patrie. Prezintă interes și multiplele anexe la carte, reestrul școlilor din 1838 și 1846, regulile principale în școlile bulgare și a.m.d.

Tematica dezvoltării învățământului este continuată și în articolul lui I.Grec și E.Celac "Gimnaziul de la Bolgrad. Istoria formării, activitatea. Problemele restabilirii".⁶ Folosind materialul factologic din articolele lui Doncev, Dundarev, Diacovici, I.Ivanov, K.Mislovski, Radcova, Tatarov, Ianov ei au reușit să publice o istorie prețioasă a acestui lăcaș de învățământ. Se evidențiază factorii obiectivi și subiectivi care au condiționat apariția acestui gimnaziu, se caracterizează statutul lui autonom.

În cadrul sistemului de învățământ român. Predarea se efectua în limbile bulgară și română. Contingentul de profesori și elevi erau bulgari de naționalitate. Gimnaziul era inclus în sistemul european de instruire clasică: pe lângă limbile bulgară și română se prevedea studierea limbilor germană, franceză, latină, slavă veche, rusă și greacă.

Autorii menționează că mulți absolvenți au reușit să învețe mai departe în Universitățile din Paris, Geneva, Bruxelles, Viena, Praga, București, Berlin, Sanct-Petersburg, Moscova, Kiev, Novorosia și a. Din 214 absolvenți jumătate a lucrat în Bulgaria în calitate de profesori, ingineri, ofițeri, juriști, savanți. Gimnaziul bulgar a devenit un centru național metodic pentru toate școlile bulgare din sudul Basarabiei în el se pregăteau și au fost publicate 70 de cărți din care 65 în limba bulgară, se editau perioadicele bulgare. Pe lângă gimnaziul erau 2 biblioteci, teatrul care deserveau elevii și profesorii, precum și locuitorii bulgari din sudul Basarabiei. Autorii demască politică de asimilare a populației bulgare de către autoritățile sovietice, pun problema de a restabili gimnaziul din Bolgrad ca un centru de iluminare culturală națională bulgară. În culegerea de articole este publicat și lucrarea lui E.Celac în care se compară lucrul gimnaziului din Bolgrad și a școlii centrale din Comrat în anii 1856-1878.⁷

În sfârșit, este publicat articolul lui N.Cervenkov despre activitatea lui I.Grec pentru reînființarea învățământului bulgar, adresările lui organelor de partid și sovietice, acțiuni care nu s-au soldat cu succes.⁸

În anul 1995 Institutul de minorități naționale a editat culegerea de articole "Pagini din Istoria și etnografia bulgarilor din Moldova și Ucraina". Reieșind din tematica studiului nostru analizăm numai lucrările consacrate istoriei. I.Grec în articolul "Organele de cărmuire a coloniștilor de după

Dunăre” în prima jumătate a secolului XIX-lea⁹ a studiat formarea și funcționarea sistemelor organelor administrative de conducere a coloniștilor, funcțiile lor, caracterul și relațiile dintre aparatul administrativ și coloniști.

Autorul a ajuns la concluzia că particularitatea organizării administrative-teritoriale a coloniștilor constă într-o anumită autonomie. Acest specific era determinat de către politică Rusiei în Basarabia, de tendința ei de a întări influența sa în Balcani, în deosebi în Bulgaria. În anii 30-40 ai sec. al XIX-lea funcțiile principale în organele de conducere bulgare erau ocupate de coloniști (mai ales în organele sătești și parțial în districte) și de reprezentanți ai diferitelor stări din Rusia. Sub influența proceselor interne în Rusia feudală aparatul de conducere se transforma într-un organ de exploatare a coloniștilor. Aceasta a dus la o puternică revoltă a bulgarilor. Organele supreme au fost nevoite să facă unele schimbări de cadre ceea ce a adus la oarecare îmbunătățire a situației coloniștilor.

În aceeași culegere de articole a fost publicată lucrarea lui N. Cervencov “Studierea istoriei bulgarilor din Moldova și Ucraina”,¹⁰ care prezintă caracteristica generală a etapelor principale ale istoriei bulgarilor din această regiune și evidențiază rolul savanților și centrilor științifice în studierea acestei importante probleme.

Autorul analizează lucrările bibliografice existente. El diferențiază 5 etape de studierea a bulgaristicii:

1. De la începutul sec. al XIX-lea până la războiul Crimeei. În această perioadă se acumulează materialul științific și apar primele stadii consacrate istoriei și culturii bulgarilor din Basarabia și Novorosia;
2. De la Războiul Crimeei până la eliberarea Bulgariei (1878). Se publică lucrări despre procesul migrației bulgarilor și aspectele social-economice, dezvoltarea învățământului;
3. Perioada de la eliberarea Bulgariei până la sfârșitul primului război mondial se caracterizează printr-o cercetare a istoriei diasporei bulgare nu numai în Odesa și Chișinău, dar și Petersburg și Moscova precum și în Bulgaria. Apar primele monografii și schițe istorice;
- 4: Perioada de la sfârșitul primului război mondial până la sfârșitul celui de-al doilea război. În Bulgaria se publică regulat lucrări despre diaspora bulgară, liceul de la Bolgrad, biografii a oamenilor de vază, memorii. În România se publică lucrările istorico-etnografice și revistele “Vozrojenie”, “Bugeacul”, “Nașiat glas”.
5. Perioada 1944-1991. Chișinăul devine un centru de cercetări unde se editează monografiile care reflectă diferite probleme ale diasporei bulgară

din Basarabia. În alte centre aceste aspecte se publică numai articole. Aproape nimic nu este publicat pe această temă în Bulgaria și în România.

În încheiere N. Cervencov subliniază necesitatea studierii problemelor dezvoltării social-politice a bulgarilor în a doua jumătate a secolului XIX-lea — începutul secolului XX, deportarea bulgarilor din Crimeea și Basarabia, soarta tragică a intelectualității Ucrainei în ajunul Războiului mondial, istoria bulgarilor basarabeni în anii 1918-1940, foametea din 1946-1947, lărgirea bazei izvoristice de studiere a diasporei bulgare. Dar în articol nu se analizează studiile de după 1991.

O contribuție importantă o are și “Societatea științifică de bulgaristică din Republica Moldova”. Ea a editat lucrarea lui Gh. Astvațaturov “Schițe din istoria satului Parcani”¹¹ (v.I — 1995, v.II — 1996), culegerea de articole “Bulgaria în inima mea”,¹² consacrată cunoscutului savant K. Poglupco, “Bulgarii basarabeni despre sine”.¹³

Societatea împreună cu alte instituții a organizat o serie de conferințe: “Liuben Karavelov: scriitor, publicist, activist pe tărîm obștesc”, “Învățământul bulgarilor: istorie, situația actuală și perspectivă”, “Situația și funcționarea limbii bulgare în Republica Moldova”, “60 de ani a bulgaristului K. Poglupco” și Conferința științifică internațională “Relațiile moldo-bulgare în epoca medievală și modernă”.¹⁴

În concluzie se poate constata succesele indiscutabile a savanților din Republica Moldova în studierea problemelor bulgaristice în general și mai ales în cercetarea istoriei bulgarilor din Basarabia și Sudul Rusiei, în special. Centrul științific de studiere a bulgaristicii nu numai trebuie păstrat, dar și dezvoltat.

Sarcinile principale a istoricilor bulgariști din Republica Moldova sînt:

1. Cercetarea minuțioasă a relațiilor economice, politice și culturale moldo-bulgare.
2. Analiza mișcării de eliberare națională și socială de pe poziții general-umane. Desigur, în trecut acestei teme i-sa acordat multă atenție, însă tratarea ei era deseori ideologizată.
3. Este puțin studiată istoria coloniștilor din Sudul Basarabiei în anii 1856-1878 și a perioadei din anii 1918-1940 cînd ei erau în componența statului român. E necesar de a folosi într-o măsură mai mare arhivele și literatura română.
4. O sarcină importantă este de a contribui la scrierea și editarea istoriei orașelor și satelor din Republica Moldova. În Universitatea de Stat a Moldova și Universitatea de stat pedagogică “Ion Creangă” au fost scrise

multe teze de licență și acest material poate fi folosit pentru cercetarea ținutului natal și educarea patriotică a cetățenilor bulgari din Republica Moldova.

5. Una din sarcinile principale este ridicarea nivelului teoretic a lucrărilor istorice bulgaristice. Actualmente este adunat un material bogat factologic care trebuie interpretat și conștientizat a face concluziile științifice necesare.

NOTE

¹ Поглубко К.А. *Историческая болгаристика в Молдавской ССР* // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. М. 1983. С.123-126; Дыхан М.Д. *Исследование истории Болгарии одесскими учёными* // Там же. С.145-147; Червенков Н.Н. *Изучение истории болгар Молдовы и Украины*. // Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины. Кишинёв. 1995. С.5-32. и др.

² *Българите от Украина и Молдова. Минало и настояще*. София. 1993.

³ Mai detaliat vezi bibliografia în: История, археология и Этнография Молдавии. Т.1. Кишинёв. 1973. Т.2. Кишинёв. 1982. Н.Червенков. Указ. соч. С.25-32. La mijlocul secolului XV în Moldova se aflau 37 de sate cu 2960 de locuitori. Patriarhul Makarii din Antiohia și D.Kantemir atestază așezarea bulgarilor în secolele XVII-XVIII. În a doua jumătate a secolului XVIII-lea și începutul secolului XIX bulgarii s-au așezat în Bugeac și guberniile Harkov, Herson, Crimeea. Ei nu se foloseau încă de privilegii și se supuneau legilor locale.

⁴ Червенков Н. *Създаване на черквите в българските колонии в Бессарабия през първата половина на XIX в.* // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т.IV. Велико Търново. 1993. С. 169-180.

⁵ Грек И. *Школа в болгарских и гагаузских поселениях Юга Российской империи в первой половине 19 века*. Кишинёв. 1993.

⁶ Грек И., Челак Е. *Болградската гимназия: История на създаването, дейност: проблеми на възстановянето* // Болградската гимназия. София. 1993.

⁷ Челак Е. *Болградска гимназия и Комратското централно училище* // Болградската гимназия. София. 1993. С. 90-98.

⁸ Idem. P.

⁹ *Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины*. Кишинёв. 1995. С.33-59.

¹⁰ Там же. С.5-32.

¹¹ Аствацатуров Г. *Очерки истории села Парканы*. Часть первая. Бендеры. 1995; Часть вторая. Кишинев. 1996.

¹² *България в сърцето ми...* София. 1996.

¹³ *Бессарабските българи за себе си*. София. 1996.

¹⁴ Discursurile la această conferință sînt publicate în această culegere.

Владимир АРТАМОНОВ (Россия)
БОЛГАРСКИЙ И МОЛДАВСКО-ВАЛАШСКИЙ
ОЧАГИ ДЕРЖАВНОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Тема, в которой можно поставить больше вопросов, чем ответов, требует серьезного научного исследования. Ниже предлагаются лишь общие наблюдения историка, посещавшего семинары талантливого эрудита-слависта Владимира Дороевича Королюка (1921-1981) в Институте Славяноведения и Балканистики АН России, на которых высказывалось много интересных идей по "волошским" сюжетам. Толчком к концепции послужили работы русского просветителя Даниила Леонидовича Андреева (1906-1959).

Очаг (ядро) державности ("ОД") — локальная зона зарождения государственности и ее военного потенциала. ОД рождаются, развиваются и гибнут, как живые организмы. Их особенностью является как защита "тела народа", так и тяга к максимальной экспансии во все стороны. (Древний Рим был в центре своей средиземноморской империи: периферийные Кордова и Самарканд отстояли примерно на равное расстояние от столицы Арабского халифата — Дамаска в 661-750 гт., почти за одно и то же время можно было одолеть степи до Прута, Иртыша и Новгорода (степи и леса) от столицы Улуса Джучи — Сарая-Бату, "Швецкая империя" на Балтике в XVII в. расширялась почти равномерно до Выборга, Штеттина и Риги).

Преемственность ОД прослеживается в течение веков и тысячелетий даже при смене этносов. Прародина кельтов (VI в. до н.э.) — долина Рейна стала ОД империи Карла Великого в VIII в. н. э. Почти рядом были центры гуннов при Аттиле в V в. (Верхняя Тисса), авар в VII в. (Нижняя Тисса), венгров в X в. (Буда на Среднем Дунае). В зоне Босфора и на месте Византия-Константинополя (с I тыс. до н. э.) установился ОД Османского государства в XIV-XV вв. Из одного и того же ОД периодически выплескивались волны тевтонов, кимвров,

амбронов в V-III в. до н. э., готов в I в. н. э., ютов и англов в V в. н. э., норманнов в IX-X вв., шведов в XVII в.

Поражения, предваряющие смерть государства, происходят, как правило, в ОД. (Разгром главного аварского "Ринга" Карлом Великим в 796 г., захват Константинополя в 1204 и 1453 гг., взятие города Владимира монголами в 1238 г., битва при Мохаче в 1526 г., взятие варшавской Праги в 1794 г., оккупация Антантой после 1918 г. зоны вокруг Босфора и Дарданелл, штурм Берлина в 1945 г. и другие). Вот почему ОД защищаются очень упорно.

Иногда военная сила народов может существовать и без "державности", например, у славян, нахлынувших на Византию в VI — VII вв., в большинстве княжеств удельной Руси в XIII — XIV вв., у Швейцарского союза и германских княжеств "Священной Римской империи" до XVII века.

Мощь ОД бывает разной:

А. Вплоть до мировых сверхдержав. Чудовищный взрыв народно-го котла в верховиях рек Керулена и Онона в 1202-1206 гг. и масштабная личность Чингиз-хана, выплеснувшие монголов до Вьетнама и Адриатики, образовали мировую сверхдержаву. В наше время существует одна военная и экономическая сверхдержава, претендующая на мировое господство, — США.

Б. Вплоть до империи. Османы, начав военную экспансию, подобно византийцам, от Мраморного моря и Брусы в 1326-1365 гг. одновременно в обе стороны и сокрушив к XVI-XVII вв. десятки королевств, княжеств, деспотатов и империй, заняли почти все пространство бывшей Византии. Реконкиста испанцев переросла в конкисту, и Испанская колониальная империя достигла зенита в конце XVI века. Китайская империя в XVIII в. раскинулась до устья Амура, озера Балхаш и Тибета. Евразийско-американской империей трех континентов была до 1867 года Россия.

В. Вплоть до великих держав. Четыре великих державы в VIII-IX вв. существовали на западе Старого Света: держава Карла Великого, Византия, Болгария (Первое Болгарское царство) и Арабский халифат. Великими региональными державами в Центральной и Восточной Европе были в 527-803 гг. Аварский каганат, прорывавшийся до Афин, и распространявший претензии на все земли, заселенные славянами вплоть до Балтики; королевство Венгрия (до 1526 г.); Древняя Русь,

ходившая морскими походами до Царьграда и Тамани, Польское королевство Болеслава Храброго в начале XI века, развернувшее экспансию от Балтики до Дуная и от р. Заале до Днепра.

Г. Локальные очаги державности. Возникали повсеместно: например, в Дакии до римского завоевания в 106 г. н.э., в долине р. Моравы (Великая Моравия в 822-907 гг.), в "чешском бастионе" с X в., в Литве с XIII в., в Крыму в XV в. (Крымское ханство), в Запорожье в XVI в. ("Запорожская Сечь"). Одновременно, в XIV в. возникли ОД османский, московский, молдавский и валашский.

Как зарождаются, развиваются и идут к упадку ОД — не ясно. В первом приближении можно лишь отметить, что здесь сказываются:

1) историческая предопределенность — любой народ мира выполняет свойственную свою историческую миссию (для Болгарии и Руси — распространение культуры и духовности, восходящей к православно-византийской цивилизации);

2) крупномасштабность целей, к которым стремится народ, соотношение его державно-военного потенциала и духовной силы;

3) степень развитости производительных сил и производственных отношений;

4) степень централизации;

5) талантливость и целеустремленность вождей;

6) симбиоз разных культур и народов.

Сила ОД выражается в интенсивности и масштабности военной (или экономической, как в наше время) экспансии, вплоть до претензий на мировое господство, в народной (национальной) колонизации (у русских вплоть до Тихого океана).

Применительно к выбранной теме возникает вопрос, почему молдавская и валашская государственность не возникли тут же после Великого переселения народов, почему не была развернута экспансия, подобная протоболгарской, венгерской, польской, литовской и т.д., почему в начале молдавской и валашской истории стоят скромные "господарства", а в начале болгарской — "царство-империя", соперничавшая с самим Царьградом?

Предварительно следует отметить черты общности и различий между молдавско-валашской и болгарской историей. Общими для болгарской, молдавской и валашской народности был фракийский субстрат с IV-го периода бронзового века (с 1100 г. до н.э., пребывание

скифов, кельтов, римлян на землях современной Румынии и Болгарии и заселение их славянами с VI в. н.э.). Принадлежность болгар большей части волохов и влахов, так же, как греков, сербов, македонцев, великороссов, карпатороссов, украинцев и белорусов мировой православной цивилизации, предопределило общность не некоторых страниц их исторической судьбы.

Вместе с тем, в отличие от молдавских и валашских, болгарские земли не были колонизованы в IV-VI вв. германскими племенами аварами в VI-VII вв. и венграми с IX в. К северу от Дуная было крайне мало греческого и эллинизированного населения. Молдавская и валашская государственность, в отличие от болгарской, не была в такой степени результатом синтеза с кочевниками, как болгарская (В.Я. Гросул).

И, самое главное, подвижный пастушеско-животноводческий образ жизни влахов в гористых районах всего Балканского полуострова отличался от оседлого земледельческого быта славян и кочевого — протоболгар (В.Д.Королюк).

Быстрое разгорание ОД Болгарии в Нижнедунайской низменности сопоставимо по интенсивности с взрывом державной силы у арабов на Аравийском полуострове с 636 г., а по степени централизации государственной власти — с чингизидской империей.

Болгарский ОД формировался по обоим сторонам Дуная и наслонился не только на славянский, но и волошский субстрат. Как варяги для Руси, протоболгары оказались государственно-образующим началом для Первого Болгарского царства.

Вокруг “цитадели державности” Плиски были образованы концентрические круги военных поселений, цепи болгарских крепостей, а по периметру государства — мощные пограничные валы (“Эрексия”, “Сюдика”, “Новакова бразда” и др.). Как авары и венгры, протоболгары претендовали на распространение своей власти повсюду, где на Балканах жили славяне “болгарской группы” — практически до Эпира и Адрианополя (южнее Эпира были осколки славян).

Болгарские ханы не ограничились в IX в. экспансией только на север и запад от Нижнего Дуная, как это было при Круме (803-814) и Омуртаге (814-831), но развернули наступление к Мраморному и Эгейскому морю, на ОД Византии, чем опрометчиво вступили с ней в смертельную схватку. Единую в геополитическом отношении

Паннонскую низменность Первое Болгарское царство не смогло освоить и поделило с Великой Моравией и державой франков. Великая Моравия, достигшая краткого исторического апогея развития при князе Святоплуке (в 875 г.), не смогла и, видимо, не имела сил распространить свое влияние в Карпатскую котловину до вторжения венгров.

При царе Симеоне (893-927) Первое Болгарское царство отбило в 895 г. венгров у устья Дуная, заставив их идти в Карпатскую котловину в основном через Верецкий и Яблонецкий перевалы, и стало великой державой “трёх морей” (Чёрного, Эгейского и Адриатического).

Два с половиной века симбиоз кочевой тюркской и оседлой славянской силы держал Первое Болгарское царство на уровне великих держав Европы (681-927). Великий миссионерский подвиг солунских братьев Кирилла и Мефодия в IX веке, христианизация тюркок-болгар, изменили поведенческие стереотипы кочевников, ускорили ославянивание и таяние кочевой закваски в военной силе Болгарского царства.

В 972 г. Византия расправилась с Восточной Болгарией, нанеся смертельный удар по ОД царства при помощи Руси. После этого разгром Западной Болгарии в 1018 г. был делом времени. Русский князь Святослав, следуя варяжской традиции, попытался в очередной раз переместить ОД Руси — теперь из Киева на место ОД Болгарии. Но этому плану не позволил осуществиться Константинополь. Карпато-волошские земли легко отошли от Болгарского царства, и Дунай превратился в геополитический рубеж между ними и Болгарией.

Удары кочевников сотрясали Карпатский и Балканский регион сильнее, чем Русь, где тюркские суперстраты не наслаивались на восточных славян. Даже после монгольского разгрома 1237-1238 гг. русские княжества оставались автономными, хотя и под контролем Джучидов.

В Карпатской котловине было место всего лишь для одного ОД, так же, как в Нижне-Дунайской низменности при первых болгарских ханах в VII-IX вв. Магьяры после поражений в 933 г. в Тюрингии и в 955 г. при Лехе отказались от грабительских набегов в Западную и Южную Европу, быстро сели на землю и построили сильное государство в Центральной Европе.

Зажатое между венграми, печенегами (в Валахии в 1061-1171 гг.)

и половцами (в Молдавии в 1061-1240 гг.) молдавско-валашское население оказалось в сельскохозяйственной “свободной нише” по Карпатской дуге, где не только продолжало вести отличный от земледельцев и кочевников животноводческо-пастушеский образ жизни (славяне редко поднимались на высоту выше 500 м: М. Комша), но и почти беспрепятственно развернуло широкую колонизацию. В X-XIII вв. в Карпатском регионе в “дисперсном состоянии” находились многочисленные “волошские” кнезы и воеводы. Однако национальный характер “волохов” не уподоблялся характеру горцев, например, черкесов, шотландцев, швейцарцев, гуркхов Непала, превративших военное дело в свою наемную профессию.

Венгерские короли в XIII в. в качестве тогдашних “граничар” использовали в основном, секлеров, “сасов” — саксонцев, колонистов из Нидерландов, Германии, печенегов, тевтонцев (в 1211-1225 г.); и только при возрастании татарской опасности стали прибегать к помощи валахов и молдаван (В.Я. Гросул).

В XIII-XIV вв. Второе Болгарское царство удивительно быстро после 1185 г. возродило ОД в Тырново и свой мощный духовный потенциал. При еще существующем “Втором Риме” — Константинополе оно развернуло теорию “Велико Тырново — Третий Рим”. Тырновская патриархия в середине XIII в. охватывала албанские, сербские, македонские, фракийские, эфирские, молдавские и валашские земли. В восстановленном Втором Болгарском царстве в XII-XIII вв. волошское население восприняло высокую церковную культуру от своих славянских соседей с юга. Однако венгерские, никейские, сербские, эфирские и татарские вторжения на болгарские земли вплоть до Македонии и Эгейского моря во второй половине XIII — первой половине XIV вв. превратили все в хаос. С 1328 г. у р. Марицы стали появляться османские отряды.

Второе Болгарское царство было добито османами, византийцами и, частично, валахами с севера, которые к XIV в. уже сформировали не “очаг”, а “дугу державности” вдоль Карпат. Венгерское великодержавие выдавило зарождающуюся государственность молдаван и валахов за пределы Карпатской котловины, за гребень Карпат на восток и на юг. (Историки советской Молдавии справедливо критиковали гипотезу о начале молдавской и валашской государственности в зависимости от венгерской). Движение же на восток было

всеобщим в Центральной и Восточной Европе для немцев, поляков, литовцев, русских и молдаван.

Молдавская и валашская государственность укрепились в тот узкий временной промежуток XIV в., когда Золотая Орда была занята внутренними смутами, а османы еще не успели нахлынуть за Дунай. Возможно, венгерский и польский ОД не позволили родиться еще двум центрам государственности, близким к молдавскому и валашскому: карпаторусскому и словацкому, где население вело образ жизни и имело культуру, схожие с “валашско-волошской” (колибы, геометрический орнамент — В.Д.Королук). В последующем молдавская и валашская государственность была усилена синтезом со славянским земледельческим элементом.

Румынская и молдавская историография много дискутировала о причинах сохранения турками господств Молдавии и Валахии. В определенной мере можно согласиться с тем, что ОД этих господств были сохранены ради создания “буферной зоны” на рубежах с Венгрией и Польшей. Вместе с тем, надо иметь в виду, что османы раздавили, а не превратили в “буферные зоны” против Венгрии Сербию, захваченную в 1459 г., Боснию, захваченную в 1463 г., против Венеции — Герцеговину, захваченную в 1489 г., против Габсбургов — Венгрию, занятую после 1526 г.

Прежде всего, Молдавия и Валахия уцелели потому, что они не лежали на основном пути османской экспансии Адрианополь — София — Ниш — Белград в сторону Центральной Европы. Болгария, Сербия и Венгрия были “проутюжены” до основания, так как были для турок “землей войны” (“дар уль-харб”), а Молдавия, Валахия и позже Трансильвания получили статус “земли мира” (“дар уль-сулх” — В.И. Шеремет).

Турки даже не препятствовали объединению валашских, молдавских и банатских земель при Михе Храбром в 1600-1601 гг., также, как татары не препятствовали расширению Московского княжества, исправно собиравшего дань со всех русских земель. Молдавское и Валашское государства физически не могли развернуть экспансию, подобную той, что развернуло Первое Болгарское царство, ибо они, как в тиски, были зажаты между крупнейшими государственными образованиями Средневековья: Османской империей, Крымским ханством, Венгерским и Польским королевством.

Георги АТАНАСОВ (България)
**АРХЕОЛОГИЧЕСКИТЕ ИЗТОЧНИЦИ ЗА
ПОТЕКЛОТО НА ГАГАУЗИТЕ**

Това е един от най-спорните проблеми в съвременната наука, където произходът на гагаузите се извежда от тюркоезични прабългари, узи, печенегни, кумани, проторумъни, славянобългари, славяни и селджуки¹. Различните теории са изградени основно на база писменни източници, езиковедски проучвания, етнография и фолклор. След като се твърди обаче, че гагаузите са най-многобройното старо християнско население, обитавало добруджанското Черноморие от Средновековието до Възраждането, то не може да се дискутира сериозно без изясняване на етнодемографската картина в тази зона въз основа на археологическите проучвания за периода между VII-XVII вв. За щастие благодарение системните и дългогодишни разкопки на българските и румънските археолози през последния половин век почти няма непроучен център по морския бряг между Варна и Дунавската делта. Ето и основните резултати относно поселищната мрежа. Установено е, че след големите славяно-аварски нашествия от 623-626 г. почти всички селища и крепости в Добруджа са опожарени и напуснати, което води и до прекратяване на монетната циркулация². По Черноморието живота мъждука единствено в Истрия, Томи и Одесос, а по Дунава в Дуросторум и Аугесиос (в тези крепости има изолирани монети от втората половина на VII в.)³. Във вътрешността на Добруджа няма регистрирани обитаеми поселения след 626 г. На този фон идеята за съхранено проторумънско население, от което може да се изведе етногенезиса на гагаузите изглежда безмислена.

След създаването на българската държава от Аспарух в 681 г. животът във вътрешността на Добруджа и особено по Черноморието се възстановява. По брега са регистрирани около 25 селища при Варна, Девня, Виница, Кичево, Балчик, Топола, Божурец, Селце, Каварна,

Българево, Св. Никола, К. Бряг, Шабла, Тузла, Констанца, Корбу Истрия, Шести март и в самата делта (табл. I), 4 които според керамиката могат да се отнесат VIII-IX в. Успоредно с тях възникват и 10 езически некропола от VIII - началото на IX в. при Варна, Девня Балчик, Топола, Селце, Шабла (?), Корбу, Истрия и Шести март⁵. Забележително е, че почти всички са с трупополагане и трупоиизгаряне. Трябва да се доуточни още, че трупоиизгарянията доминират и има както урнови, така и безурнови. През X в. селищната мрежа както в цяла Добруджа, така и по Черноморието се сгъстява и освен посочените по-горе 25 селища, възникват около 20 нови поселения, някои от които като Дуранкулак, Балчик и Нуфър (Вичина) са укрепени (табл. I)⁶. Регистрирани са и 8 християнски некропола от X в. Причините за това явление вече съм ги коментирал и няма да се спирам отново на тях, но само ще подчертая, че добруджанското Черноморие е сред гъсто заселените зони на Първото българско царство⁷.

По време на похода на киевския княз Светослав и последвалите българо-руско-византийски конфликти към края на X в. някои селища около Варна, Топола, Дуранкулак, Констанца, Истрия и Делтата изглежда са опожарени или напуснати. За сметка на това към края на X и началото на XI в. се активизира живота в други по-големи черноморски центрове като Варна, Балчик, Каварна, Калиакра, Констанца и др., където има усилена монетна циркуляция, намират се моливдовули, специфична керамика, култови предмети. Вероятно това се дължи на засиленото византийско присъствие, разработването на пристанищата и въвеждането на военни гарнизони⁸. При голямото печенежко нашествие през 1036 г. обаче почти без изключение крепостите и останалите селища във вътрешността на Добруджа са опожарени и напуснати⁹. Макар и не така катастрофално тази опустошителна вълна засяга и някои черноморски поселения. Много по-тежки последствия има следващото печенежко нашествие от 1048 г., когато прекъсва монетната циркуляция в Калиакра, Енисала, Сулина и пр.¹⁰ При узкото нашествие през 1064 г. пък са изоставени Мангалия и Констанца¹¹. Тогава спира и монетното обръщение в балчишкото укрепление (кв. Хоризонт) и малко останали обитатели са принудени да се изселят върху естествено защитените хълмове Джани баир и Сусам баир¹².

И така, към края на XI и през целия XII в. в източна Добруджа от

близо 50 поселения през X в. със сигурност са останали обитатели само във Варна и има незначително население в Балчик и Каварна. На фона на тази безпристрастна археологическа картина могат да се направят някои по-обща заключения, касаещи произхода на гагаузите. Първо, те не могат да бъдат единствено тюркоезични прабългари, защото според проучените езически некрополи от VIII-IX в. тук живеят както прабългари, с които се свързват трупополаганията, така и славяни, с които се свързват по-големия процент трупоиизгаряния. Дори да приемем, че славянски са само урновите трупоиизгаряния¹³, то само техният процент от всички гробове надвишава 30%. И въпреки това дори да допуснем, че тюркоезичните българи все пак се съхраняват през X в., то видяхме, че към средата на XI в. селищата както по Черноморието, така и във вътрешността на Добруджа и Североизточна България са обезлюдени. Културен континуитет от VIII-IX до XI-XII в. е регистриран само във Варна и донякъде в Балчик и Каварна, но едва ли това незначително население може да се умножи до такава степен, че да бъде в основата на етногенезиса на гагаузите. Прекъснатият близо век и половина живот по Черноморието и Източна Добруджа обезмисля не само прабългарската, на славянската, печенежката, узката и гръцката теория за потеклата на гагаузите. Прочее, как може да се твърди, че са потомци на печенеги и узи (едни от най-често застъпвани тези), когато унищожаването на поселищния живот и населението в Източна Добруджа е резултат тъкмо на печенежките и узкото нашествие през XI в.? Освен това се знае, че при инфилтрирането на печенеги в дунавските крепости Дръстър, Диногечия, Капидава, Ветрен, Пъкюл луй Соаре, Троезмис, Аугесиус-Тулча, Тутракан и пр. те остават ярки археологически следи (котли, специфични гърнета, накити, лети монети и пр.), каквито не са регистрирани в черноморските поселения от XI в.¹⁴

След началото на XIII в. археологическата картина в крайморска Добруджа започва видимо да се променя (табл. II). Възстановява се отново животи в Калиакра, активизира се монетното обръщение във Варна, Балчик, Каварна, Вичина, възникват нови крепости като Кранеа, Кастрици, Енисала и неукрепени селища около Варна, Виница, Осеново, Кранево, Балчик, Бабадаг, Камен бряг¹⁵. Така към края на XIII — началото на XIV в. има сравнително многобройно население в най-източна Добруджа (вътрешността продължава да е обезлюдена)

и най-долното течение на р. Провадийска¹⁶ — зони, където се търсят потеклото на гагаузите. Некрополите, църквите във Варна, Каварна, Калиакра, Нуфър, многобройните култови предмети от почти всички крепости свидетелстват за присъствието на християни. Остава обаче принципно важният въпрос откъде се появява толкова много население през XIII в., в една почти обезлюдена към края на XI и през целия XII в. зона. Не може да е резултат на естествен прираст, защото обитаваните през XII в. Варна, Каварна, Балчик, Нуфър и Килия са все още малки поселения (с изключение на Варна може би). Може да се допусне, че става реч за вътрешна миграция от източния Предбалкан и Подбалкан, където има множество селища и крепости от X-XIV в. Даже в източния Подбалкан и Тракия е установено, че към края на XII в. са опожарени и напуснати десетки поселения и укрепени пунктове, като причината навярно е Вторият кръстоносен поход¹⁷. Дали обаче обитателите им се насочват тъкмо към Черноморието не може да се уточни, защото липсват всякакви писмени и археологически податки в тази насока. Според мен по-вероятно е някои от изоставените през XI в. и слабо заселени през XII – началото на XIII в. поселения край брега да са се превърнали в притегателен център за кръстосващите през XII-XIII в. Североизточна България кумани. Те се появяват в тази зона многократно между края на XI и края на XII в., но при внимателен анализ на източниците се установи, че до въстанието на Асен и Петър не усядат на юг от Дунав¹⁸. Едва след утвърждаването на българо-куманския съюз през 1186 г. тези номади стават желани гости на търновските царе и участват във всичките им военни начинания срещу Византия между края на XII и средата на XIII в.¹⁹. При положение, че основния съюзник на Асеневци са половците от западното обединение (т.нар. Днепровска група, която абсорбира много печенег и узи и която номадства до Дунав)²⁰, то съвсем естествено е при многократните им сезонни прииждания в България да преминават през Добруджа. Това от една страна е най-краткият и безприщатствен маршрут, а от друга страна удовлетворява и българските владетели, защото по това време Добруджа е почти обезлюдена. Така по естествен път се изключват обичайните конфликти между уседналите земеделци-българи и номадстващите кумани. Най-сетне добруджанската степ е възможно най-подходящия

терен при есенно-зимното установяване на куманите на юг от Дунав²¹. Започва и християнизирването на лица от кумански произход (предимно вождове), които се инфилтрират сред българската аристокрация още в началото на XIII в.²² В тази връзка на теория е допустимо още в началото на XIII в. ранно усядане на кумани в слабо заселеното добруджанско Черноморие (вътрешността на Добруджа продължава да е напълно обезлюдена до края на XV в.), но тази идея не е подкрепена от сериозни източници. По-големи основания има тя след 1237-1241 г., когато татарите съвършено разбиват и изтласкват половците в посока югозапад. Мнозина се предвиждат към Унгария, но немалко се установяват и в съюза България²³. Като знаем, че в случая става реч за голяма маса бегълци и във връзка с направените по-горе разсъждения, то Добруджа и по-специално крайбрежието изглежда най-подходящо за усядането им. Известни податки в тази насока има в арабския хронист Ибн Тагри-Бирди, който пише, че в навечерието на татарското нашествие кипчаците (куманите) влезли в преписка с българския владетел Унус-хан (Иван Асен II) и го помолили да се укриват в неговите земи. След съгласието му те се прехвърлили през Судако (Черно) море и се установили между две планини. По-късно обаче, воден от свои съображения българския владетел ги разпръснал и разселил²⁴. Специално внимание в случая заслужава упоменатия маршрут през Черно море. По-скоро трябва да се разбира, че куманите навлизат в българските земи по крайбрежието, респективно през източна Добруджа. Трудно е да се прецизира какво точно е имал пред вид автора по наименованието две планини, но по-важното е, че към Източна България се регистрира куманска имиграция. Прочее, има и други косвени улики, че по добруджанския бряг се инфилтрират кумани. На първо време възстановяването на живота в тази зона съвпада с голямата миграция на куманите през първата половина на XIII в. Много по-сериозен аргумент в тази насока е куманското потекло на добруджанските деспоти. Вън от всякако съмнение кумански са имената както на първия известен деспот Балик, така и на племенника му Йоан (Иванко?) Тертер²⁵. Даже има сериозни податки, че резидиралите в Карвуна, Калиакра, Варна и Дръстър (Силистра) добруджански владетели се родят с търновската царска фамилия на Тертеровците. А тя вече е безспорно куманска и е разклонение на един от влиятелните кумански родове Тертероба²⁶. Затова не

изключвам падането от власт на търновските Тертеровци да е довело до известно недоволство сред добруджанските Тертеровци, които самите две десетилетия след кончината на Георги Тертер II (1322 г.) започват да водят сравнително независима политика от цар Иван Александър²⁷. Може би и като близки сродници на Георги Тертер II да са получили като апанаж Карвуна и Карвунската хора (спомената като част от България в една от грамотите на Иван Асен II²⁸, когато на трона в Търново между 1323-1330 г. е техния братовчед Михаил III Шишман²⁹). Действително от някои монетни емисии, сечени в Карвуна се остава с впечатлението, че около 1330-1340 г. Източна Добруджа вече има полунезависим владетел, именуван Йоан Тертер, за който се предполага, че е баща на Балик и Добротица, и съответно дядо на Иванко Тертер³⁰. Разбира се, това е малко хипотетично предположение, но пък е несъмнено, че добруджанските деспоти имат кумански произход. В този смисъл ориентирането им към добруджанското Черноморие едва ли е случайно, имайки предвид податките за инфилтрирането на кумани в тази зона около средата на XIII в. Аз даже не изключвам възможността установяването им в България и Източна Добруджа да е една от причините за наказателния поход на татарските пълководци Бату и Кадан през 1242 г. За татарите куманите са отколешни смъртни врагове и приемането им от търновския цар е своеобразно предизвикателство към Сарай. Най-после едно от двете направления на татарската армия през българските земи е тъкмо по добруджанското Черноморие и съвпада с разрушенията и намалената монетна циркулация в Калиакра, Балчик и Каварна³¹.

При така очертаните демографски и етнокултурни процеси в крайморска Добруджа през VII-XV в. и при положение, че гагаузите са старото тюркоезично и християнско население, то те могат да бъдат потомци единствено на тюркоезични кумани, в който обаче има абсорбирани български, печенежки и узки прослойки. Забележително е, че през османската епоха гагаузите са преобладаващото християнско население по целия бряг от Бабадаг до Варна и Провадийско³². На фона на изнесените по-горе факти е многозначително, че тази територия почти съвпада с границите на Добруджанското деспотство през XIV в. Даже най-голямото съсредоточване на гагаузите е около Калиакра, Каварна, Балчик и Варна — най-важните средновековни

градове и резиденции на добруджанските владетели Тертеровци. По този повод не мога да не спомена една легенда сред гагаузите в Българево (Гяур суютчук, отбелязано в турски регистър от 1574 г. като християнско село)³³, според която те са средновековни обитатели на крепостта Калиакра, напуснали я след превземането и от турците³⁴.

При формиране теорията за куманския произход вече е отбелязано тюркоезичието на едните и другите, както и предосманското им наречие, което изключва да се местни потурчени етноси след турското нашествие³⁵. Изобщо писменните източници, топонимията, генеалогията на десетки български аристократични фамилии показва широко вливане на кумани в българската народност. Затова без преувеличение може да се твърди, че през XIII в. българите преживяват вторичен етногенезис, абсорбирайки множество кумани. За разлика от Видинско обаче, куманите по добруджанското Черноморие не са напълно езиково и антропологически асимилирани, защото според археологическите проучвания тук българите през XII-XIII в. са малцинство. Въпреки това християнското население по Черноморието с българско самосъзнание демонстрирано както в документи от XIV в.³⁶, така и в самоопределението на гагаузите през Възраждането³⁷. Спекулирайки с тюркоезичието им обаче в най-ново време се възражда теорията за огузкия (турския) им произход³⁸. За аргумент се ползват два османски извора от XV-XVI в., според които към края на XIII в. в Добруджа се установяват селджуки на избягалия от Малка Азия султан Изеддин Кейкавус и техните сродници начело с вожд, в който някои виждат Саръ Салтък. Въпреки убийствената критика на П. Мутафчиев³⁹, идеята за огузка държава в Добруджа през последните десетилетия се актуализира⁴⁰. Но нека само за момент допуснем, че към края на XIII в. тук действително се установяват хората на Изеддин и Саръ Салтък. Първо, ако следваме писменните източници, те се настаняват основно в делтата, защото им е поставена задача да охраняват границата. Освен това, два пъти се съобщава, че селджуките на Изеддин и Салтък се изселват по посока Крим и Малка Азия⁴¹. Значи през XIV в. в пограничната зона при делтата ще да са останали твърде малко огузи. И кой знае как става така, че от тази шепя селджуки се извеждат гагаузите, които през XV-XIX в. са преобладаващото християнско население в Източна Добруджа? При това необяснимо защо хората на Изеддин са в делтата, а подавяващото мнозинство гагаузки

селища са на стотина километра на юг, между Калиакра, Варна и Провадия. Необяснимо е още как през XVI в. селджуките-мюсюлмани в Северна Добруджа изоставят исляма и приемат християнството и то в една зона, където татарите-мюсюлмани имат влияние и реално присъствие в Исакча и Вичина⁴². В този смисъл няма християнска власт, която може да оказва религиозен натиск върху тях до 1368 г., когато татарите се изтеглят от делтата. Само две десетелетия по-късно тук се появяват османските турци, които са още по-фанатични мюсюлмани. В регистрите от начало и края на XVI в. пък гагаузките села около Калиакра, Варна и Каварна са обозначени като християнски⁴³. Така че идеята за огузите-мюсюлмани станали през XIV-XVI в. християни никак не е убедителна. И ако все пак невъзможното е станало, то как авторите на огузката теория ще преценят прокламирация от тях непрекъснат култ към мюсюлманския светец Саръ Салтък между XIII-XVIII в. Та нали самите те твърдят, че хората на Изеддин и Саръ Салтък са приели християнството през XIV в. Най-после са приведени сериозни аргументи, че култът към Саръ Салтък се привнася в Добруджа едва през XV в.⁴⁴ Изобщо на фона на етнокултурните и демографски процеси в Добруджа теориите за селджукския, проторумънския, славянския, узкия или печенежкия произход на гагаузите изглеждат като съшити с бели конци.

БЕЛЕЖКИ

¹ Пълен преглед на литературата по проблема в: Градешлиев Ив. *Гагаузите*. — Добрич, 1993; Мутафова Кр. *Теории и хипотези за гагаузите* // БСП, Т. 2, 1993. С. 94-105; Димитров Стр. *Гагаузкия проблем* // БСП, Т. 4, 1995. С. 147 сл.; Атанасов Г. *Отново за етногенезиса на гагаузите* // БСП, Т. 5, 1996.

² Димитров Хр. *Аварите в Малка Скития (565-626)* // ИПр, XLVIII, 8-9, 1992. С. 115.

³ Атанасов Г. *Етнодемографски и етнокултурни процеси по Добруджанското Черноморие през Средновековието* // ИПр, LII, 2, 1996. С. 3.

⁴ За селищата вж.: Бобчева Л. *Ранносредновековни български селища и некрополи по южнодобруджанския черноморски бряг* // Средновековна България и Черноморието. — Варна, 1982; Димитров Д.Ил. *Археологически проучвания във Варненско за периода VI-X в.* // ИНМВ, 19 (34), 1983. С. 36-39; *Прабългари и славяни във Варненския край непосредствено след създаването на българската държава* // Средновековна България и Черноморието. — Варна, 1982. С. 89-98. Най-пълна представа за селищната мрежа: Плетньов В., Димитров М., Йотов В. *Материали за историята на средновековната българска държава* (Територията на

днешна Североизточна България) // Плиска-Преслав, 7, 1995. За северна Добруджа вж.: Bârnea I., Ștefănescu Șt. *Din istoria Dobrogei*. Vol. III. — București, 1971. Harta 1; Simeon G. *Descoperiri arheologice pe grindurile din Delta Dunării* // Peuce, 2, 1971. P. 58 etc.; Cirgan C. *Ceramica epoca feudală timpurie descoperita teritorialul orașul Constanța* // Pontica, II, 1970. P. 373; Custora G. *Schimburile economice in regiunea Damibiano-Pontica in secolele VIII-XI* // Pontica, XXIV, 1991. P. 383.

⁵ Димитров Д.Ил. *Древнеболгарские некрополи в Варненском округе* // Славяните и Средиземноморския свят VI-XI в. — София, 1973. С. 75-91; Бобчева Л. Цит. съч.; Дончева-Петкова Л., Ангелова Ст., Йотов В. *Ранносредновековния некропол при с. Топола, Толбухински окръг* // Проблеми на прабългарската история и култура. — София, 1989. С. 178-196; Димитров М. *Старобългарски некропол в гр. Балчик* / Проблеми на прабългарската история и култура, 2, 1991. С. 87-99; Плетньов В.; Димитров М., Йотов В. Цит. съч.; Зирра В. *Двубрядовый могильник раннефеодальной эпохи в "Капул Вишлор"* — *Истрия* // Dacia, 7, 1973. С. 355-412; Fidler U. *Studien Graberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau*. — Bonn, 1992. I. S. 307-312. 336-342. Abb. 115-117; 2. S. 427-442.

⁶ За селищата вж.: Пленъв В., Димитров М., Йотов В. Цит. съч.; Атанасов Г. *Етнодемографски и етнокултурни...* С. 6; Custora G. *Op. cit.* P. 383; Bârnea I., Ștefănescu Șt. *Op. cit.* За укрепленията вж.: Димитров М. *Приноси към историята на гр. Балчик* // Добруджа, 5, 1988. С. 72-77; Тодорова Х. *Дуранкулак*. 1. — София, 1989; Атанасов Г. *Етнодемографски и етнокултурни...* С. 8-12.

⁷ Атанасов Г. *Етнодемографски и етнокултурни...* С. 3-22.

⁸ Кузев А. *Варна* // Български средновековни градове и крепости. — Варна 1981. С. 286-293; Димитров М. *Поглед към монетната циркулация в Дионисополис през Ранното Средновековие* // Нумизматика, 1, 1982. С. 34-36; Йорданов Ив. *Балчик — древност и съвремение*. — Добрич, 1989. С. 52-69; същият. *Монети от Чиракман* // Чиракман — Карвуна — Каварна. — София, 1982. С. 59-60; Парушев В. *Средновековни монети от Калиакра* // ИНМВ, 26 (41), 1990. С. 141; Jordanov Iv. *Dobrudza (491-1092). Selon les données de les numismatiques et de la sphragistiques* / Dobrudza. Études ethno-culturelles. — Sofia, 1987. P. 195-199; Oberländer-Târnoveanu E. *Cronica descoperiri monetare in Dobrogea* // Peuce, 8, 1980. P. 509.

⁹ Атанасов Г. *Етнодемографски промени в Добруджа (X-XVI в.)* // ИПр, XLVII, 2, 1991. С. 75-89.

¹⁰ Парушев В. *Цит. съч.* С. 141; Атанасов Г. *Етнодемографски и етнокултурни...* С. 7 сл.; Oberländer-Târnoveanu E. *Op. cit.* P. 509; Jordanov Iv. *Op. cit.* P. 180.

¹¹ Bârnea I. *Descoperiri arheologice din epoca feudală de la Mangalia*. // MCA, 6, 1957. P. 903-906; Jordanov Iv. *Op. cit.* Tabl. I.

¹² Димитров М. *Приноси...* С. 77 сл.

¹³ Fidler U. *Op. cit.* S. 307-312, 361-362.

¹⁴ Атанасов Г. *Поглед към добруджанския дунавски бряг през XI-XII в.* // ИПр, XLVIII, 8-9, 1992. С. 13-31.

¹⁵ Кузев А. *Варна, Кранеа-Кастрици, Карвуна*. // Български средновековни градове и крепости. С. 280 сл.; Димитров М. *Приноси...*; Плетньов В., Димитров М., Йотов В. Цит. съч.; Атанасов Г. *La Vicina medievale et la forteresse de Nufăru*. // Études balkaniques, 1, 1994. P. 109; Bârnea I., Ștefănescu Șt. *Op. cit.* Harta 6.

¹⁶ За селищата XII-XIV в. по р. Провадийска вж.: Плетньов В., Димитров М.,

- Йотов В. Цит. съч.
- ¹⁷ Борисов Б. *Североизточна Тракия през XI-XII в.* (По археологически данни). Автореферат на дисертация. — София, 1995. С. 26-29.
- ¹⁸ Павлов П. *България, Византия и куманите (седемдесетте години на XI — началото на XIV в.)*. Автореферат на дисертация. — В. Търново, 1991. С. 7-10.
- ¹⁹ Расовский Д. А. *Роль половцев в войнах Асеней с Византийской и Латинской империями (1186-1207)*. // СпБАН, 58, 1939.
- ²⁰ Павлов П. *България...* С. 5-6.
- ²¹ Расовский Д. А. Цит. съч.
- ²² Коларов Хр. *Средновековната българска държава. Уредба, характеристика, отношения със съседните народи*. — В. Търново, 1977. С. 153-156; Павлов П. *България...*
- ²³ Павлов П. *По въпроса за заселването на кумани в България през XIII в.* // Втори международен конгрес по българистика. — София, 1987.
- ²⁴ Лазаров Ив., Пютонджиев Ив., Павлов П. *Документи за политическата история на средновековна България XII-XIV в.* — В. Търново, 1993. С. 40.
- ²⁵ Мутафчиев П. *Още за Добротица*. // Избрани съчинения, II. — София, 1973. С. 122; Иванов В. *Към историята на карвунската средновековна област (XIII-XIV в.)*. // Добруджа, 4, 1987. С. 19-27; Павлов П. *България...* С. 16-17; Diaconi P. *Sitani și originea familiei lui Dobrotița* // Revista istorică, 3-4, 1994. P. 287-288.
- ²⁶ Павлов П. *По въпроса...* С. 629-637.
- ²⁷ Гюзелев В. *Очерци върху историята на българския Североизток и Черно-морието (края на XII — началото на XV в.)*. — София, 1995. С. 51 сл.
- ²⁸ Пак там. С. 14-15.
- ²⁹ Павлов П. *Куманите в обществено-политическия живот на средновековна България*. // ИПр, 7, 1990. С. 24-25.
- ³⁰ Иванов В. *Още веднъж за деспот Йоан Тертер* // Добруджа, 11, 1994. С. 52.
- ³¹ Павлов П., Атанасов Г. *Преминването на татарската армия през България (1241-1242 г.)*. // ВИС, 1, 1994. С. 9-20.
- ³² Градешлиев Ив. Цит. съч. С. 7; Мутафчиев П. *Мнимото преселване на селджукски турци в Добруджа през XIII в.* // Избрани съчинения, II. С. 272-273.
- ³³ Стойков Р. *Селища и демографски облик на Североизточна България през втората половина на XVI в.* // ИБАД, XV, 1964. С. 117.
- ³⁴ Градешлиев Ив. *Краят на един мит и началото на една легенда*. // ИПр, XLVII, 1, 1991. С. 80-89.
- ³⁵ Иречек К. *Няколко бележки върху остатъците от печенеги, кумани, както и върху т. нар. гагаузи и сургуци в днешна България*. // ПСП, XXXII, 1899. С. 829; Младенов С. *Печенеги и узи-кумани в българската история*. // БИБ, IV, 1, 1931. С. 131-134.
- ³⁶ Гюзелев В. Цит. съч. С. 26-29, 86-87, 136.
- ³⁷ Градешлиев Ив. *Гагаузите*. С. 9; Димитров Стр. Цит. съч. С. 153.
- ³⁸ Баласчев Г. *"Огузнамето" на Изеддин*. // СпБАН, IX, 1915.
- ³⁹ Мутафчиев П. *Мнимото преселване...* С. 688 сл.
- ⁴⁰ Wittek P. *Les Gagaouzes = les gens de Kaykaus*. // Rocznik Orientalistyczny,

- XVII (1951-1952). P. 12-24; Decei A. *Relații româno-orientale*. — București, 1978.
- ⁴¹ Мутафчиев П. *Мнимото преселване...* С. 621, 653; Wittek P. Op. cit. P. 12-24.
- ⁴² Атанасов Г. *Етнодемографски и етнокултурни...* С. 22 сл.
- ⁴³ Стойков Р. Цит. съч. С. 116-119.
- ⁴⁴ Димитров Стр. *Към историята на добруджанските двуобрядни светилища*. // Добруджа, 11, 1994. С. 76-97.

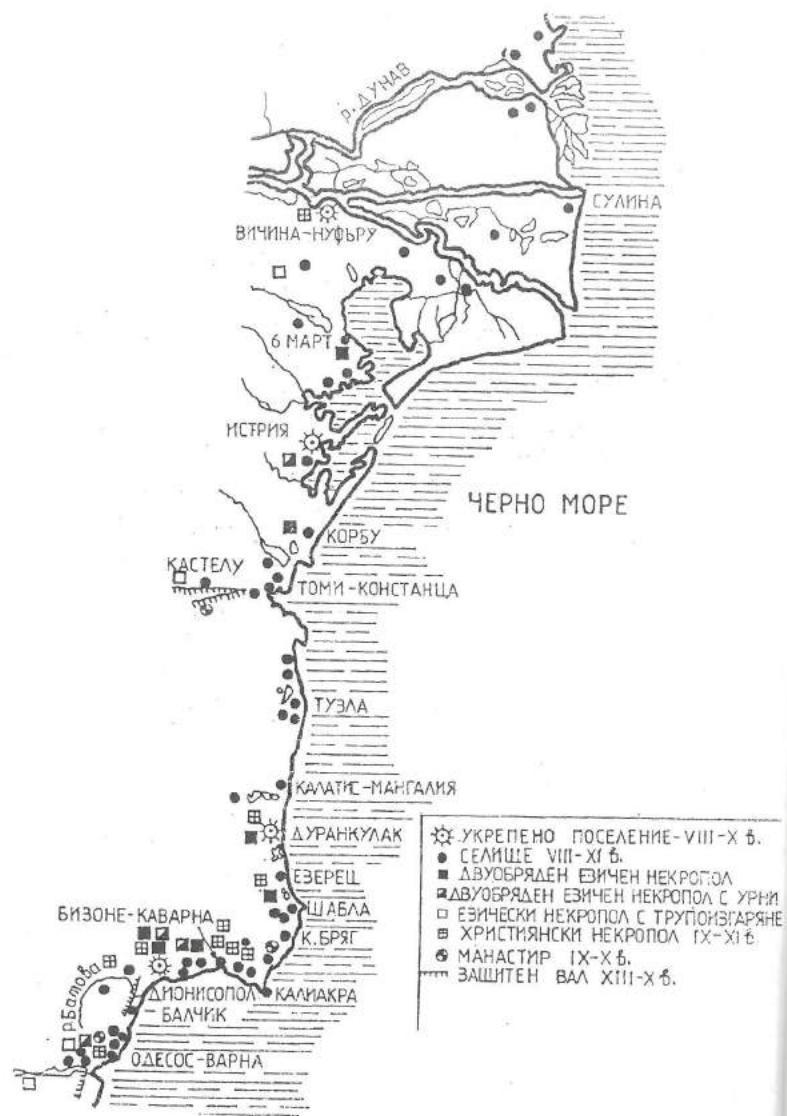

Табл. I.

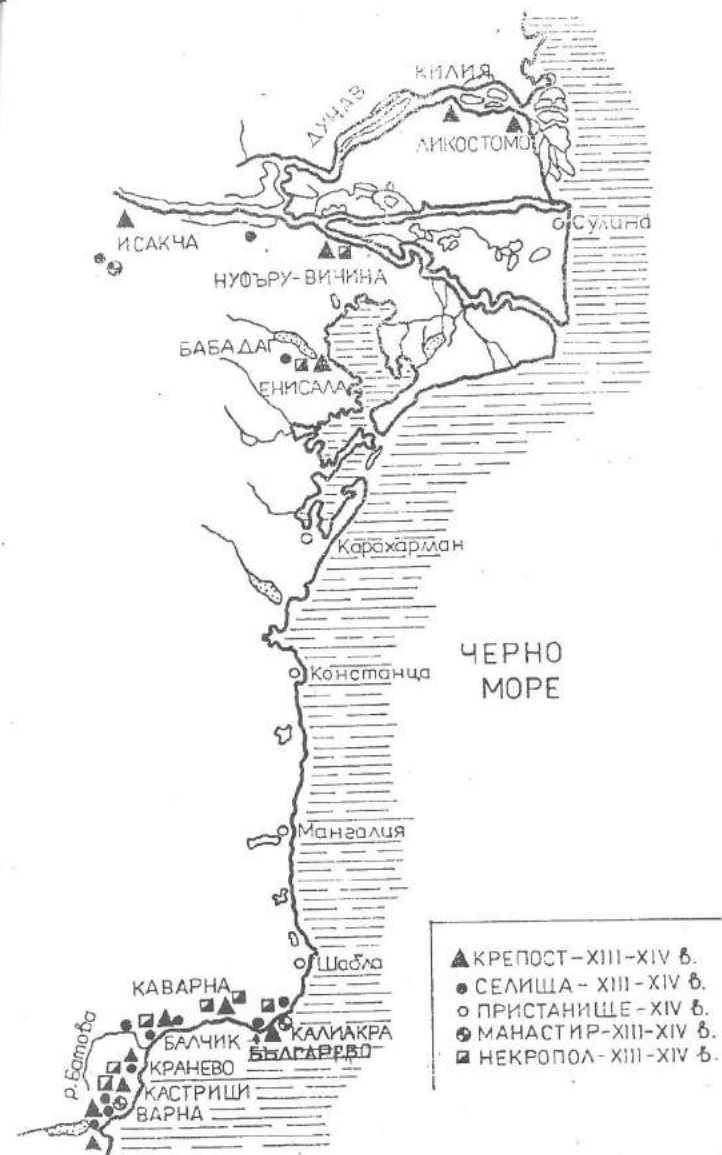

Табл. II.

Пламен ПАВЛОВ (България)
БЪЛГАРИЯ, ВИЗАНТИЯ И КУМАНИТЕ
(1186 г. — началото на XIV век):
НЯКОИ БЕЛЕЖКИ С ОГЛЕД НА
ПРЕДИСТОРИЯТА НА БЪЛГАРО-
МОЛДОВСКИТЕ ВРЪЗКИ

В своята вековна история средновековната българска държава винаги е била свързана със земите между Дунав и Днестър, където през средата на XIV в. се създава княжество Молдова — една млада и жизнена формация, която в определен смисъл възприема и част от българското политическо наследство в този район на Югоизточна Европа. Родила се именно по тези места, в т.нар. “Онгъл”, средновековна България почти до гибелта на Първото българско царство включва в територията си земите в междуречието на Дунав и Днестър¹. Византийското владичество в България (1018-1186 г.) и засиленият натиск на късни номади значително отслабва българските позиции в този район. Още в зората на своето съществуване Второто българско царство поне частично възстановява властта си по двата бряга на Дунава, макар в това отношение оскъдицата на изворовите сведения да е изключително голяма пречка за една по-сигурна реконструкция на политическите реалности². След 1242-1243 г., когато в Източна Европа се появява една нова “суперсила”, татаро-монголската “Златна Орда”, възможностите за българската активност на север от Дунав по посока на Днестър намаляват още повече, особено когато по тези места се формира улусът на Ногай (от края на 60-те години на XIII в. до 1300-1301 г.). Въпреки временното възстановяване на български контрол над междуречието по времето на цар Теодор Светослав (1300-1321), татарската хегемония продължава да влияе на българския Североизток през XIV в. След този обоб-

шен поглед нека се насочим към онзи етнически и политически фактор, който най-здраво е свързал България с интересувания район — куманите (половците), номадската общност, която от средата на XI в. е хегемон на степите в Северното Причерноморие³. Наред с тях търновските царе поддържат повече или по-малко трайни връзки и с т.нар. “бродници”, част от които (можат би споменаваните в руските летописи в средата на XII в. “берландници”) са живеели в днешна Молдова⁴. Българската активност тази посока навярно е засягала и представителите на романоезичното население в Източните Карпати, чиято численост и политическа роля през XIII-XIV в. постепенно се засилват, за да стигне до появата на молдовската държава.

Без да правим подробен преглед на българо-куманските отношения, както и на усилията на Византия за противодействие на изградения от търновските царе военнополитически съюз с номадите, нека очертаем основните събития, като подложим на коментар някои обстоятелства във връзка с интересувашата ни тема. Още през лятото на 1186 г. братята Петър и Асен търсят помощта на куманите, като вероятно достигат поне до поречието на Днестър, а може би и много по-далече на североизток. Ако съдим по някои откъслечени, но показателни данни за куманските вождове — съюзници на България (“Коча” и “Губан”), както и от самата геополитическа логика, то Търново е в най-активни връзки с т.нар. “Западно” (Днепровско) обединение. Според О.Прицак тук ръководната роля играят кланове Бурджогли, Итогли, Урусоба и Улашогли⁵, както и някои други — напр. Кочоба, известен отново от Ипатиевската летопис. Фактически споменатият от византийския историк Никита Хониат кумански хан “Коча” (1205 г.) е навярно Бегбарс “Кочаевич” (1190 г.) от руската летопис или негов наследник. Същото важи и за “Губан” от унгарските летописи (1202-1203 г.), в чието лице директно можем да видим куманския хан Кобан “Урусобич”, споменат на същото място от руския летописец⁶. Именно тези ханове с техните поданици са най-близо до България и в географски план. Ако се доверим на О.Прицак, то Итогли са обитавали поречието на Южен Буг, а лете се спускали към Черно море, т.е. в региона на днешна Одеса. Урусоба били техните непосредствени източни съседи зад Днестър, докато Бур-

жогли и Улашогли са живеели на север — североизток по средното течение на Днестър⁷. Това положение обаче е характерно за XII в., докато по-късно, вероятно не без връзка и с развитието на българо-куманските съюзни отношения, куманската територия се разширява в западна и югозападна посока, като засяга и част от днешна Молдова. Създаден още през 1186 г., българо-куманският военнополитически съюз преживява своя апогей през следващия четвърт век. С помощта на големи кумански сили Петър и Асен освобождават бившата византийска провинция “Паристрион” (Подунавие) от византийска власт още през есента на 1186 г., като проникуват и на юг от Балкана, в Тракия. През пролетта на 1190 г. един мащабен византийски военноморски удар в делтата на Дунав цели да пресече пътя на куманите към България⁸, но очевидният резултат не е постигнат, защото още през есента на 1191 г. в състава на Асеновата армия отново има кумански подкрепления. При преговорите си с немския император Фридрих Барбароса по време на Третия кръстоносен поход (1189-1190 г.) Петър и Асен отново изтъкват своя съюз с куманите, предлагайки за общи действия срещу Константинопол 40-хилядната армия от “българи и кумани”. Най-големият размах на българо-куманските действия обаче е при царуването на Калоян (1197-1207 г.), когато съюзните войски постигат най-грандиозните си победи над византийци, латинци и унгарци. В изворите се съобщава за много числени кумански отряди от 10-15 хиляди конници, което се потвърждава и от един интересен надпис от старата българска столица Велики Преслав⁹, в която в началните години на Второто царство е резидирал върховният български владетел, цар Теодор-Петър (до 1195 г., когато именно се утвърждава новата столица Търново). При цар Борил (1207-1218), най-вероятно към 1213 г., българо-куманските отношения са разстроени, като причините за тази промяна остават не съвсем ясни. Във времето на Иван Асен II (1218-1241) добрите отношения са възстановени. Макар в българската армия редовно да участват кумански контингенти (вкл. в битката при Клокотница на 9 март 1230 г., където е разгромен солунският император Теодор Ангел Комнин, след което България постига военнополитическа хегемония на Балканите), то помощта на номадите вече няма мащабите от времето на първите

Асеновци. В това отношение несъмнено влияят и вътрешнополитически процеси в куманската общност, както и упадъкът и спадът на първите татаро-монголски победи през 1221 г. (над алано-куманската коалиция) и 1223/1224 г. (над руско-куманските сили при р.Калка). Татаро-монголската експанзия в Източна и Централна Европа и създаването на "Златната Орда" (1237-1242 г.) нанася унищожителен удар на куманската общност, но все пак не изчиства напълно куманския политически живот. Унгарските грамоти от 40-те-50-те години на XIII в. и византийските автори (Арополит, Скутариот и Теодор II Ласкарис) споменават за "Куманския", която е съседна и съюзна на България и подобно на нея плаща данък на татарите. Според Ипатиевската летопис неин владетел е Тегак¹⁰. Очевидно тази политическа формация е заемала най-когашните най-западни кумански земи, като е обхващала и степните райони в Молдова. Близките връзки на Тегак с галицко-волинския княз Даниил Романович също са едно косвено свидетелство в това отношение. Тези кумани попадат под пряка златноординска власт към 1260 г., когато управител на западните тунети на "Ордата" става Бурундай. В последвалия период, когато татарските завоевания са продължени от могъщия Ногай, местните кумани окончателно стават част от "безбожните татари" макар да съхраняват отчасти етническата си самобитност и някаква автономия дори и през първите десетилетия на XIV в. Макар и спорадично, те участват в събития в България. Куманите (заедно с татари) се споменават например във войската на бранчевските боляри Дърман и Куделин (самите от кумано-български произход), както и в тази на видинския владетел Шишман (куманин по род) през 1291-1292 г. Факт е също така, че Шишмановият син, цар Михаил III Шишман Асен (1323-1330), е разполагал с подкрепления от власи (както от самото Влашко на Иванко I Басараба, така може би и от молдовските земи?), "черни татари" и "яси" от загъдъчно "Господство Яшко" — аланската формация около дн. Яш, която също е била зависима от татаро-монголите¹². Един интересен и недостатъчно известен пример за куманското участие в събитията на Балканите имаме от 1321 г. Тогава сръбският крал Стефан Милутин изпраща в помощ на своя тъст,

византийският император Андроник II Палеолог, една куманска военна част от около 2 хиляди конници¹³. Идването на тези кумани от Сърбия във Византия не е било възможно без съдействието или поне доброжелателния неутралитет на България, доколкото според Кантакузин те били поданици на "скитския цар" (татарският хан Узбек). За разлика от България, Сърбия е нямала обща граница със "Златната орда", което прави посредническата роля на търновския цар Теодор Светослав или на деспот Михаил Шишман — Асен (тогава все още владетел на Видинската област) не само вероятна, но и наложителна.

Един проблем, който директно насочва вниманието ни към куманите в земите на Молдова през XIII-XIV в., е този за т.нар. "Куманска епископия" предмет на редица изследвания, вкл. в молдовската историография¹⁴. За съжаление, в малкото извори няма пряка информация за позицията на България към този опит за политическо и религиозно проникване от страна на Унгария и папския Рим. Опитите за католическа пропаганда сред куманите от страната на ордените на цистерцианци и доминиканци, протегирани от Унгария, започват още в началото на XIII в., като легендата свързва с тях дори самия Св. Доминик¹⁵. Те едва ли са останали без българска реакция, тъй като в своята клетвена грамота до папа Инокентий III във връзка с църковната уния между Търново и Рим (1204 г.) цар Калоян претендира, че само българската църква трябва да има право да покръства "езичниците"¹⁶. Тези езичници могат да бъдат единствено куманите, а целия диалог с Рим отразява сериозното напрежение в българо-унгарските отношения по същото време. По-късно, в 1211 г., Унгария предоставя земи в района на Брашов ("земята Бърса") на тевтонските рицари, отново с фронт срещу куманите, респективно и срещу България¹⁷. В 1225 г. самовластните рицари са изгонени от кралството, но мисионерската дейност сред куманите е вече разгъната от доминиканците. Още към 1217 г. може би е създадена Куманската епископия в Източните Карпати и прилежащите молдовски земи, като активността ѝ в 1227-1228 г. дава резултати — покръстен е "Борц" (очевидно ханът от клана Бурджогли) заедно с хиляди свои поданици. Ако се доверим на разсъжденията на Т.Сенга обаче, то тези действия са срещнали съпротивата на Иван

Асен II, като в 1228 г. се е стигнало до българо-унгарски конфликт¹⁸. И по-късно някакви “лъжеепископи” (православни архиепископи) пречели на католическата пропаганда, както се твърди в едно папско писмо от 1234 г. Едва ли става дума за активност на Вселенската патриаршия, намираща се тогава в изгнание в Никея (с произтичащото вследствие на това отслабване на влиянието ѝ на Балканите), както смята напр. Р. Теодореску¹⁹, а по-скоро за ответните действия на Търновската църква. Именно тя е призната от самия Рим за “църква на България и Влахия”, като е имала свои епархии северно от Дунав²⁰. В този смисъл българската църква е имала своето влияние далече на север и е дала своя принос за опазването на православието от страна на българското и романското население във Влахия и Молдова.

Тези наблюдения, струва ми се, илюстрират по приемлив начин връзките на България с района, където само след броени десетилетия се създава самостоятелна държава Молдова²¹. За съжаление, тези връзки не получават възможностите за по-широко изяви в политически план предвид османската експанзия в българските земи и гибелта на средновековната българска държавност в края XIV — началото на XV в. Опит за някаква съвместна инициатива, най-вероятно предвид османската заплаха, е регистриран единствено в 1397 г. между българският добруджански деспот Иванко и молдовския господар Стефан I (1394-1399)²². И все пак, тези вековни контакти се отразяват не само в областта на културата, но и в представата за своеобразно единство на българските и молдовските центрове в известния “Списък на руските градове далечни и близки” от края на XIV в.: “А се болгарскии и волошкии гради”²³.

БЕЛЕЖКИ

¹ Тъпкова-Займова В. Долни Дунав — гранична зона на византийския “Запад”. — София, 1976. С. 17-73; Божилов Ив. Анонимът на Хазе. — София, 1979. С. 48 и сл.; Русев Н. Някои проблеми на изучаването на средновековната българска материална култура в междуречието на Дунав и Днестър. // Българите в Северното Причерноморие. Т. IV. — В. Търново, 1995. С. 103-112.

² Коледаров П. Политическа география на средновековната българска държава. Ч. 2 (1186-1396). София, 1989; Павлов П. Бележки по въпроса за българското етническо и политическо присъствие в междуречието на Дунав и

Днестър през XII-XIV в. // Българите в Северното Причерноморие. Т. I. — В. Търново, 1992. С. 57-69.

³ Литература в: Moravcsik G. *Byzantinoturcica*, I. Berlin, 1958. S. 92-94; Diaconu P. *Les Coumans au Bas-Danube aux XI-e et XII-e siècles*. — Bucharest, 1978. P. 141-147; Paloszi-Horvath A. *Petschenegen, Kumanen, Jassen*. — Budapest, 1989. P. 39-120; Плетнева С.А. *Половцы*. М., 1990 (Обобщение на многобройните и по-ранни проучвания). Обзор на изследванията и проблемите около българо-куманските отношения с посочената там литература: Павлов П. *Средновековна България и куманите. Военнополитически отношения (1186-1241)* // Трудове на ВТУ “Св.Св. Кирил и Методий”. Т. 27 (1989), кн. 3 (история), 1992. С. 9-59.

⁴ Котляр М.Ф. *Хто такі бродники?* // Український історичний журнал. 1969. № 5. С. 96-101; Павлов П. *Древноруските бродници в българската история (XII-XIII в.)*. // Българо-украински връзки през вековете. София, 1983. С. 119-137; Spinei V. *Moldavia in the 11th-14th Centuries*. — Bucharest, 1986. P. 104-108.

⁵ Pritsak O. *The Polovcian and Rus*. // *Archivum Eurasiae medii aevi*. Т. 2. — Wiesbaden, 1982. P. 343-369, 374-376.

⁶ ПСРЛ. Т. II. Кол. 671. За “Коча”, командвал куманските сили в генералното българо-латинско сражение при Адрианопол-Одрин (14 април 1205 г.), вж.: Choniates N. *Historia*. P. 813 (ГИБИ. Т. 11. С. 76). Нашата идентификация на това родово име се потвърждава от унгарски и египетски материали, свързани с куманите. Срв.: Rasonyi L. *Les anthroponimes coman de Hongrie*. // *Acta Orientalia hungarica*, 20, 1967. Nr. 3. P. 142 (във формата Cochola); Sauvaget J. *Noms et surnoms de Mamelouks*. // *Journal asiatique*, 238, 1951. Nr. 1. P. 55 (във формата kocaba и kocor). За Gubanus вж.: Font I. *Ungarn, Bulgarien und das Papstum um die Ende vom 12. zum 13. Jahrhundert*. // *Hungaro-Slavica* (Hrsg. P. Kiraly, A. Hollos). Budapest, 1988. P. 259-267. Идентификацията на “Губан” с Кубан от Урусоба е обоснована в статията: Павлов П. *Към интерпретацията на някои археологически и нумизматически находки от Северното Черноморие*. // Българите в Северното Причерноморие. Т. V. — В. Търново, 1996.

⁷ Вж. по-подробно статията: Pritsak O. *The non-“wild” Polovcians*. // *To Honor Roman Jakobson*. Т. II. — The Hague — Paris, 1967. P. 1615-1623.

⁸ Choniates N. *Orationes*. // *Sathas K. Meseioniki bibliotiki*. Т. I. — Venetiis, 1872. P. 8; ГИБИ. Т. 11. — София, 1982. С. 95.

⁹ Расовский Д. *Роль половцев в войнах Асеней с Византийской и Латинской империями (1186-1207 гг.)*. // *Списание на БАН*. Т. 58. 1939. С. 206-211; Malingudis Ph. *Die Nachrichten des Nicetas Choniates über Entstehung des Zweiten bulgarischen Staates*. // *Byzantina*. Т. X. 1978. P. 101-105. За надценяването на куманския фактор вж. критика у Литаврин Г.Г. *Новое исследование о восстании в Паристрионе и образовании Второго болгарского царства* // *Византийский временник*. Т. 41. 1980. С. 105-106; Павлов П. *За ролята на куманите в българската военна история*. // *Военноисторически сборник*. 1990, кн. 6. С. 14-23.

¹⁰ ПСРЛ. Т. II. Кол. 819; DRH.V. Vol. I (1247-1500). — București, 1967. P. 3-7. Вж. още Параска П.Ф. *Золотая Орда и образование Молдавского феодально-*

- го государства. // Юго-Восточная Европа в средние века. — Кишинев, 1972. С. 175 и сл.
- ¹¹ Павлов Пл. *Татарите на Ногай, България и Византия (около 1270–1302)*. // Българите в Северното Причерноморие. Т. IV. — В.Търново, 1993. С. 123-126.
- ¹² *Византиј извори за историју народа Југославију*. Т. 6. — Београд, 1989. С. 208. Бел. 7.
- ¹³ *Ioannis Cantacuzeni ex imperatoris historiarum...* Ed. L.Schopeni, I. — Bonnac 1928. P. 35, 259; *Византијски извори...* Т. 6. С. 308, 319-320.
- ¹⁴ Ferent I. *Simani și episcopii lor*. Blaj, s.a.; Пашуто В.Т. *Половецкое епископство*. // Festschrift für E.Winter. Berlin, 1966. С. 33-40; Князький И.О. *О половецких епископиях в Карпато-Дунайских землях*. // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.). — Кишинев, 1980. С. 244-250.
- ¹⁵ Пашуто В.Т. Цит. съч. С. 36-40; Pleiffer N. *Die ungarische Dominikanerordenprovinz von ihrer Gründung 1221 bis zur Tatarenverwüstung 1241-1242*. Zürich 1913. S. 178-179; Шушарин В.Н. *Свидетельства письменных источников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII в.* // История СССР, 1978. № 2. С. 47-48.
- ¹⁶ ЛИБИ. Т. III. — София, 1965. С. 335-336.
- ¹⁷ Humuzaki-Densusianu E. *Documente privitoare la istoria românilor*. Vol. I/1. — București, 1887. P. 57.
- ¹⁸ Senga T. *Bela kiralyfi Bolgar, Halicsi es Osztrak hadjarataihos*. — Szazadok 1988. Nr. 1-2. P. 36-51.
- ¹⁹ Theiner A. *Vetera monumenta Hungaricam sacram illustrantia*. Т. I. — Romae, 1859. P. 130-131, nr. 224; Theodorescu R. *Bizant, Balcani, Occident la inceputurile culturi medievale românești (sec. X-XIV)*. — București, 1974. P. 171-174.
- ²⁰ Bonev C. *L'église orthodoxe dans les territoires carpato-danubiens et la politique pontificale pendant la première moitié du 13-e siècle*. // *Études balkaniques*. 1986, nr. 4. P. 103-104.
- ²¹ Параска П.Ф. *Внешиполитические условия формирования Молдавского феодального государства*. — Кишинев, 1981; Spinei V. *Op.cit.* P. 173-221.
- ²² Руссев Н. *Нижний Дунай в истории Молдовы XIV в.* // Молдавский исторический журнал. 1993, № 1; Павлов Пл., Тютюнджиев Ив. *Българите и османското завоевание (краят на XIII — средата на XV в.)*. — В.Търново, 1995. С. 110-111.
- ²³ Наумов В.П. *Болгарские топонимы "Российской географии" XIV в.* (Некоторые текстологические вопросы "Списка русских городов дальних и ближних"). // Българското средновековие (Българо-съветски сборник в чест на 70-годишнината на акад. Ив. Дуйчев). София, 1980. С. 99-104.

Николай РУССЕВ
БОЛГАРСКО-МОЛДАВСКИЕ КОНТАКТЫ НА
НИЖНЕМ ДУНАЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIV В.)

Сведений о ранних болгарско-молдавских контактах в памятниках средневековой письменности сохранилось совсем мало. Однако по своему географическому положению Молдавия, наряду с Валахией, обладала преимуществами непосредственного взаимодействия с болгарскими землями как истоком единой в культурно-типологическом отношении славянско-православной общности. По этой причине очень важной задачей является сбор и систематизация разрозненных материалов. Однако прежде чем они смогут стать основой для серьезного исследования поставленной проблемы, в рамках данной работы я пытаюсь набросать основные элементы композиции диалога с источниками.

Время и место интересующих нас контактов между соседями определить нетрудно. Поскольку датой возникновения Молдавского государства условно принято считать 1359 г., а падение Болгарии под власть османских завоевателей относят к 1393-1396 гг., возможность официальных связей измеряется максимум тремя или четырьмя десятилетиями. Географически линия этих отношений могла проходить только низовьями Дуная и далее от впадения реки в море на северо-восток вдоль побережья до устья Днестра. Стратегическая значимость очерченной зоны и общая нестабильность политической ситуации в Северо-Западном Причерноморье второй половины XIV в. тревожили многие страны. Не остались безучастными болгарские и молдавские правители. В таком случае их более-менее активные действия неизбежно порождали отношения партнерства или вражды.

Наиболее известным средневековым источником, освещающим этот круг вопросов, представляется многократно анализированный «Список русских городов дальних и ближних». Перечень городов в нем очень велик и охватывает огромную территорию на востоке Европе. Однако при этом перечисленные населенные пункты сгруппированы по регионам, каждый из которых снабжен отдельным заголовком. Исключение составляет одна двоякая рубрика: «А се болгарский и волоский гради», объединяющая городские центры северо-восточной Болгарии и Молдавии. Этот документ в настоящее время убедительно связывается с деятельностью «митрополита Киевского и всея Руси» Киприана, датированная концом 1394 — серединой 1396 гг.²

Реже привлекается к исследованию т.н. «Похвала о великом князе Витовте», правившем в Литве и юго-западных русских землях в 1392-1430 гг. Памятник перечисляет целый ряд королей, князей и других владетельных особ того времени, преклонявшихся перед могуществом Витовта и живших с ним «во велицей любви». Среди них побывавшие лично у великого князя, направлявшие в Литву своих послов и те, кто «служухуть ему». В длинном списке привлекают внимание «господарь земли Мольдавской Босарабьская, по власкому языку зовемем воеводы, такожъ господарь тои земли Болгарской, по болгарскому языку зовемья деспоты»³. Полагают, что болгарский деспот — это сын Добротицы Иванко или его наследник⁴.

Историю контактов молдаван и болгар, как я думаю, можно проследить и несколько ранее. Известно, что в 1386 г. из главной генуэзской колонии на Черном море — Каффы — два итальянских посла отправились в направлении Маокастро (современный Белгород-Днестровский). Им предписывалось прибыть к «Constantino et Petro vuvoda». Последний из них, несомненно, молдавский господарь Петр Мушат (ок. 1375-1392). Задачи этого посольства не совсем ясны, но они формулировались в связи с войной, которую генуэзцы вели с татарами Крыма «ex occasione guerre de Sorcat»⁵ (имеется ввиду Солхат — ныне Старый Крым). Однако тогда же Генуя продолжала вести долголетнюю войну и с государством Добротицы. Мир установился с подписанием 27 мая 1387 г. в Пере договора с Иванко. Знаменательно, что в том же

году те же послы республики Св.Георгия подписали мирный договор «с господином Сорката» — «Pax cum domino Sorcatiensi»⁶. Почти одновременно Петр Мушат с 1387 г. становится вассалом польского короля Владислава Ягайло (1386-1434). Затем в начале 1388 г. молдавский господарь занимает своему сюзерену сумму в три или четыре тысячи рублей «фряжского серебра»⁷. Речь идет об определенной формы серебряных слитках итальянского происхождения («фряжского») происхождения — соммо. Это были весьма ходовые деньги, широко применявшиеся при заключении солидных торговых сделок в Каффе и генуэзских колониях в низовьях Дуная. Соммо отливались из высокопробного серебра и весили в среднем ок. 200 г⁸. Столько «фряжских рублей» Молдавия и ее господарь могли скопить, только имея активную внешнюю торговлю, а значит, и прочные политические позиции на Нижнем Дунае.

Действительно, на дунайском правобережье, главным образом в северной части Добруджи, достоверно отмечено более десятка мест обнаружения монет Петра Мушата. Здесь же зафиксировано довольно много находок валашских и болгарских монет. При этом есть случаи, когда молдавские и болгарские деньги происходят из одного памятника и даже комплекса⁹. Движение болгарских денег в земли, лежащие севернее Дуная, также происходило. Однако, по всей видимости, поступление в Валахию было несравненно более интенсивным, чем в Молдавию¹⁰. Тем не менее, их проникновение в молдавские земли нельзя считать случайным.

Это, в частности, доказывает клад из Буруйенешть, найденный в долине Сирета недалеко от г. Роман. Из 1751 экз. серебряных монет 1738 (более 99,25%) принадлежали выпускам Петра Мушата. Иностранцы эмиссии представлены 13 монетами: по одной — Валахии и Галицкой Руси, 3 — Венгрии, 8 — Видинской Болгарии. Все монеты отчеканены в сравнительно короткий промежуток 1360-1396 гг. Кроме того, в составе сокрытых ценностей находились украшения и 30 палочковидных слитков из серебра. При длине ок. 10 см и 830-й пробе металла их средний вес равнялся 206 г¹¹. Данный комплекс находок, несомненно, следует связывать с торговлей из молдавских земель в направлении низовий Дуная и монетным обращением на севере Добруд-

жи. Денежные слитки, да и чеканное серебро названных стран, исключением галицкорусских, не являются редкостью в этой зоне во второй половине XIV в.

Состав и локализация клада из Буруйенешть вызывают все еще любопытную параллель. В славяно-молдавских летописях XVI вв. сообщается о сражении Стефана Великого в 1486 г. со своим врагом, турецким ставленником на молдавском троне Петром Хронотом "у Българех на Сирети". Предполагается, что с таким названием существовало "в Романской волости"¹². Можно ли иметь болгары, судя по всему, основавшие это поселение какое-то отношение к недавнему открытию клада или на данном этапе познания история сталкивается с простым совпадением, сказать трудно. Однако более правдоподобным представляется для нас в средние века торговые пути, военные дороги и направления переселенческих волн чаще всего имели единые маршруты. Похоже, это и зафиксировали приведенные факты.

Согласно высказанному в историографии мнению, продвижение границ Молдавского государства на юг, где еще долго сохранялись остатки автономных структур, имели место только в 1395-1392 гг., уже с установлением власти Романа¹³. В свете же нумизматических данных более обоснованной выглядит другая точка зрения, отличная от традиционной. Важнейшие территориальные перемены в районе, прилегающем к Нижнему Дунаю, в этом случае датируются второй половиной правления господаря Петра — между 1386 и 1390 гг.¹⁴ Действительно, анализ исторической ситуации показывает, что решающих успехов в регионе молодое государство могло добиться только при Петре Мушате. Романи же, именовавший себя в 1392-1393 гг. самодержавным господарем Земли Молдавской от гор до моря, указывал на установленные его предшественником рубежи страны. Правда, очень очевидно, в течение последнего десятилетия XIV в., молдавские господа твердые позиции на Нижнем Дунае утратили, хотя не отказались от борьбы за него. С попытками вновь утвердить свою роль, возможно, связано участие Молдавии в совместных с деспотом Добротицы дипломатических акциях, отраженных "Списком русских городов" и "Похвалой Витовту"¹⁵.

Интересны в данном контексте сведения по исторической географии

обоих берегов Нижнего Дуная конца XIV в., сообщаемые баварским рыцарем Иоганном Шильтбергером. Как известно, он прежде всего посетил три Болгарии. Первая лежит напротив Венгрии, близ Железных ворот. Ее главный город называется Идин. Вторая Болгария лежит напротив Валахии, столица ее — Бранав. Третья примыкает к устьям Дуная, столица здесь Каликра". Более сложной оказывается картина, которую тот же автор рисует для левобережья. "Был я также в Валахии и двух ее столицах: Арджише и Тирговиште. Есть там еще город, именуемый Браилов, который лежит на Дунае. Он служит складом товаров, которые вывозятся из земель язычников на судах и галерах. Необходимо заметить, что народ как в Великой Валахии, так и в Малой исповедует христианскую веру и говорит на особом языке. Они никогда не бреют бороду и не стригут волосы. Был я также в Малой Валахии и в Трансильвании, земле немецкой, с главным городом Германштадт, а также в Бурцелланде, где главный город Брашов. Эти страны я посетил по эту сторону Дуная¹⁶.

Содержание второго отрывка из сочинения Иоганна Шильтбергера, насколько я понимаю, в несколько завуалированной форме указывает на то, что владения Валахии на востоке заканчивались в Брэиле. Где-то совсем неподалеку от города должны были находиться "земли язычников". Надо думать так именуются ордынские территориальные объединения, из которых и через некоторые в дунайский порт поступали восточные товары. Содержание рассматриваемых пассажей позволяет допускать, что определенное отношение к политической ситуации на левой стороне реки могут иметь "Малая Валахия" (Молдавия) и трансильванские центры.

Проверка такого варианта понимания источника возможна лишь на основе всей совокупности доступных исследований материалов. Истинность отдельных сообщений баварского рыцаря подтверждают несколько документов того времени, регламентировавших придунайскую торговлю. В их числе привилей, выданных, вероятно, ок. 1390 г. валашским господаем Мирчей Станьем (1386-1418) львовским купцам. Он четко фиксирует права торговли львовян, территориально ограниченные протяженностью дунайской границы Валахии: "Почавше от Железных врат дори

до самого Браилова¹⁷. Путь к этим землям был открыт для торговцев из Львова, вероятно, после переговоров 1389-1390 гг. и создания антивенгерского союза между валашским господарем польским королем. Нельзя не учитывать, что посредником в этих делах двух правителей выступал Петр Мушат. Я думаю, что в результате этих и других успешных дипломатических шагов признали права Молдавии на земли левого берега Дуная ниже Брэил¹⁸.

Между тем, несколько ранее этот район контролировали венгры и ордынцы. Еще по грамоте от 28 июня 1358 г. король Венгрии Людовик I (1342-1382) предоставил брашовянам свободу передвижения в коммерческих целях к Дунаю по междуречью Бузау — Прахова. Через десять лет тот же правитель гарантировал безопасность взаимных торговых связей купцов Брашова и лежащих где-то в степях Нижнего Подунавья владений татарского князя Дмитрия. В период бескоролья 1382-1387 гг. венгры, по видимости, утратили эти позиции, но затем вновь предъявили претензии на власть в регионе. Не случайно всего через несколько недель после, казалось бы, неудачного похода 1395 г. Сигизмунда I (1387-1437) в Молдавию, венгерский король восстановил действие упомянутой грамоты 1358 г.

Стремилась сохранить свои улусы и политически ослабевшая орда по-прежнему жившие в крае ордынцы. Упоминания о соседствовавших с Валахией «татарских пределах» встречается в литературе Мирчи Старого и его преемников вплоть до 1421 г. моменты некоторого усиления ордынцев на Нижнем Дунае чеканились монеты с их символикой. Такими монетами, являющиеся отдельные разновидности денег правившего в 80-е гг. XIV в. в Силистре деспота Тертера, которого считают сыном Добротицы²⁰. Примерно в 1360-1380 гг. «генуэзско-татарские» выпуски осуществлялись и где-то в зоне дунайской дельты может быть, в Килии²¹. Известен и молдавский вариант рода «гибридов», несущий на себе изображения головы тура татарской тамги. Эти редкие монеты предложено датировать началом XV в. Их происхождение также можно связать с землями в дунайских низовьях²².

Не были новинкой для болгар и отношения с брашовянами

основания считать, что один из наиболее вероятных путей большого числа болгар, бежавших от голода к Брашову в 1392 г., проходил через Нижний Дунай с проторенными торговцами кур-²³. Перемещение населения с правого берега на левый, должно быть, существенно усилилось в условиях османской угрозы и сопутствующих ей бед. Высказывалось предположение, что в конце XIV в. произошло переселение какой-то части жителей Добруд-

жи в южную часть Молдавии²⁴. Следы этого значительного потока миграции, который изначально едва ли строго регулировался государственными мероприятиями, фиксируется по топонимам ранних молдавских документов. Как выяснилось из анализа господарских грамот, во второй половине XIV в. количество географических названий южнославянского происхождения на территории страны заметно возрастает. Подсчеты показали, что в XIV-XV вв. в Молдавии существовало не менее 36-37 сел с обитателями болгарскими или сербскими названиями. Диалектологические исследования также убедительно демонстрируют наличие в юго-западных молдавских говорах ощутимого влияния южных славян²⁵. Значительная этническая «оазисность» типа «Болгары на Сирете» в средневековой Молдавии породила в последние годы пока еще недостаточно развитую гипотезу об остатках тут компактных групп старожилых населения, имевшего, в частности, прямое отношение к политическому властвованию Второго Болгарского царства в землях на левобережье Дуная²⁶.

Как бы ни обстояло дело с письменными свидетельствами, убедительных археологических доказательств предполагаемого болгарского присутствия в южных молдавских землях для XIV в. очень мало. Тем ценнее находки, сделанные за последние годы близ Дуная в районе Рени (современная Одесская область Украины) с Орловка (бывш. Картал) происходит хранящаяся в Ренийском краеведческом музее монета болгарского царя Ивана Александра (1331-1371). Это медный скифатный экземпляр диаметром ок. 20 мм. На лицевой стороне монеты помещено изображение в полный рост царя, держащего в правой руке крест (?). Исполнение рисунка грубое и схематичное. Чеканка не отличается изяществом, монетный кружок не вполне совпадает со штемпелем. На оборотной стороне такого типа денег обычно помеща-

лась монограмма первой половины имени эмитента — “Александр”. Однако в данном случае четко читается только буква “Е”.
Еще более интересен перстень из серебра высокой пробы, случайно найденный в земле на одном из огородов с.Новосельское.

К сожалению, в настоящее время эта исторически дорогая вещь утеряна, а судить о ней можно только по сохранившимся рисунку и карандашной “протирке”. На круглом щитке перстня видна двуглавая птица с распахнутыми крыльями, вероятнее всего орел. По форме изделия и иконографии, находку можно отнести ко второй половине XIV в. Аналогии явно геральдическому изображению тянутся в Силистру к монетам с орлом уже упоминавшегося деспота Тертера. Там же в недавно открытом погребении обнаружены золотые серьги с типологически близким изображением двуглавого орла²⁹. Если эти наблюдения верны, описанный перстень может указывать на интересы конкретных владетельных особ из Добруджи в левобережном Придунавье.

В связи с находками в районе Новосельское — Орловка хочется обратить внимание и на грамоту Стефана Великого от 24 сентября 1468 г. Ею от имени господаря “дали и подтвердили” правобоярину Штефула Чернэтескула на вотчинное владение большим количеством имений. Среди других в документе перечисляются “половина озера Ковурлуйское и половина гырло, и село у млинов от Прута, где был Фара, и, на Ковурлуе, <село> на име Рэдишешти, и, повыше, где было село былгарское”. И село, и селища на Ковурлуе помещаются в районе современного населенного пункта Фырцэнешть, недалеко от Прута и примерно в 30 км севернее Галаць (Румыния)³⁰. Небольшое расстояние между местонахождениями уже исчезнувшего к 1468 г. болгарского села и болгарских вещей второй половины XIV в., а также их хронологическая близость позволяют в самом общем виде очертить реальный регион активного проникновения болгар из Добруджи. Кстати, возникают мысли и о возможности иной локализации некоторых топонимов из грамоты Стефана Великого. Исходным является название “озеро Ковурлуйское”. Однако не иначе как “Ковурлуй” зовется действительно соединенное с Дунаем протока ми-гирлами большое озеро (точнее, лиман), на берегу которого расположено с.Новосельское. Существует ли между близкими по

вучанию названиями историческая связь и какого рода — вопрос далеко не праздный, ибо она может фиксировать некий привычный маршрут миграций с правого берега реки на левый.

Как раз между Новосельским и Орловкой, напротив Исакчи находится древняя переправа через Дунай. Она во все времена привлекала торговцев и полководцев, соединяя историю населения обоих берегов. В этом аспекте показателен один турецкий документ 1520 г., отмечающий сложившиеся, надо думать, в течение многих десятилетий традиции природопользования в регионе. Из содержания источника выясняется, что бывший воевода страны “Богдан” (т.е. Молдавии) уже после отторжения Придунавья турками брал для рыболовства на определенных условиях два из 15 озер, находящихся на противоположной от Исакчи стороне реки. Кроме того, население из Молдавии и Валахии ежегодно перегоняло по льду с берега на берег отары овец, зимовавших на придунайских островах и озерах. В свою очередь, жители “Добринче” (т.е. Добруджи), разводившие овец у Исакчи, покупали соль для животных из Молдавии. Эти взаимовыгодные отношения обитатели с противоположных берегов Дуная продолжали поддерживать даже в условиях иноверного господства, когда Османское государство в поисках собственной выгоды стремилось всячески урезать и трансформировать вековой уклад местного христианского населения³¹.

В историко-философской литературе немало говорено о плодотворности средневековых молдавско-болгарских связей в области культуры. Они особенно значительны и ощутимы в церковной жизни. Этим контактам обязан своим появлением в конце XIV в. монастырь Нямец. Основателями обители стали болгарские монахи Софроний, Пимен и Сильван. Благодаря им и другим неизвестным теперь поименно представителям православного духовенства, в отдаленном на сотни километров от болгарской столицы молдавском монастыре сохранилось немало книг из царской библиотеки в Тырново³².

Впрочем, было бы ошибкой думать, что в XIV в. это движение имело обусловленную османской экспансией единственную направленность — с юга на север. Напротив, подобно экономическим связям, культурные контакты населения болгарских и мол-

давских земель оставались взаимными. Примечательной в этом смысле выглядит история митрополита Мавровлахийского Иеремии. Изгнанный из Молдавии в 1394 г. господарем Стефаном Мшатом (1394-1399), он удалился в уже разгромленную турками болгарскую столицу. Понятно, что его прибытие в Тырново означало попытку константинопольского патриарха прибрать местную паству к своим рукам. В Молдавии тогда действовали некие "лжеепископы". Можно предположить, что тут дело не обошлось без болгар, находившихся как среди возглавленных господарем родственников, Иосифом, молдаван, так и в свите ушедшего в Тырново митрополита. Не случайно в церковный конфликт попытался вмешаться пребывавший тогда в Киеве тырновский уроженец Киприан, а распутать "молдавский узел" удалось его племяннику, Григорию Цамблаку³³.

Завершая этот разговор о болгарско-молдавских контактах XIV в. и отражении их в исторических памятниках, подчеркнем необходимость различения нескольких уровней взаимодействия: а) государственно-политического; б) торгово-экономического; в) культурно-религиозного. Время от времени они могут переплетаться, но все же существуют автономно. По этой причине исторические источники сравнительно легко организуются на каждом из них. Необычайная сложность нижнедунайского региона состоит в том, что здесь особенно часто сталкивалось множество противоборствующих сил. В результате некоторые из них могли становиться проводниками иных влияний, посредниками в диалогах сторон и т.д. Тут возникает новая трудная задача по разложению чрезвычайно насыщенного спектра локальной истории на составные.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950. С. 475. Из-за недостатка места ссылки на историографию даны в сильно сокращенном объеме.
- ² См.; Наумов Е.П. К истории летописного "Списка русских городов дальних и ближних" // Летописи и хроники. 1973 г. — М., 1974. С. 156-157.
- ³ Летописи белорусско-литовские. // ПСРЛ. Т. 35. — М., 1980. С. 59 и др.
- ⁴ Наумов Е.П. Положение болгарских земель в эпоху турецкого завоевания и русско-болгарские связи конца XIV века. // Руско-болгарски връзки през вековете. — София, 1986. С. 116-119.

- ⁵ Papacostea Ș. La începuturile statului moldovenesc. Considerații pe marginea unui izvor necunoscut. // Studii și materiale de istorie medie. Vol. VI. 1973. P. 44-45.
- ⁶ Гюзелев В. Очерци върху историята на Българския северозиток и Черноморието (края на XII — началото на XV век). — София, 1995. С. 74-78, 127-140 и др.
- ⁷ Costăchescu M. Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare. Vol. II. — Iași, 1932. P. 605.
- ⁸ Iliescu O. Moneda în România (491-1864). — București, 1970. P. 25.
- ⁹ Vertan A., Custurea G. Cronica descoperiri monetare în Dobrogea (VIII). // Pontica. Vol. XXI-XXII. 1988-1989. P. 381, 383; Iliescu O. Monede țării Românești și ale Moldovei la Marea Neagră (secolele XIV-XV). // Revista istorică. 1990. Nr. 6. P. 651, 653-655.
- ¹⁰ Știrbu C., Beda C. Tezaurul de monede medievale din secolul al XIV-lea de la Scrioastea, jud. Teleorman. // Cercetări numismatice. Vol. VI. 1990. P. 125-140.
- ¹¹ Petrișor E. Date preliminare asupra tezaurului medieval de la Buruienești, comuna Dolhești, județul Neamț. // Memoria Antiquitatis. Vol. XII-XIV. 1980-1982. P. 171-182.
- ¹² Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. — М., 1976. С. 30, 45, 53, 66, 72, 147.
- ¹³ Papacostea Ș. Опр. cit. P. 49.
- ¹⁴ Параска П.Ф. Территориальное становление Молдавского феодального государства во второй половине XIV в. // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.). — Кишинев, 1980. С. 81-82 и др.
- ¹⁵ Подробнее см.: Руссев Н.Д. Нижний Дунай в истории Молдовы XIV в. // Молдавский исторический журнал. 1993. № 1. С. 43-44 и др.
- ¹⁶ Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1497 год. — Баку, 1984. С. 37, 137.
- ¹⁷ Грамоты XIV ст. — Київ, 1974. С. 104-106.
- ¹⁸ Ср.: Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.). — Кишинев, 1987. С. 25.
- ¹⁹ №: DRH.B. Vol. I. — București, 1966. P. 31, 36, 63, 66 etc.; DRH.D. Vol. I. — București, 1977. P. 72, 90, 119, 127, 142, 197.
- ²⁰ Йорданов И. Монетосеченето на българските владетели в Добруджа (Втора половина на XIV век). // Средновековна България и Черноморието. Варна, 1982. С. 119-128; Пенчев В. Бележки към някои български средновековни монетосечения. // Нумизматика. 1984. Кн. 1. С. 26-30.
- ²¹ Oberländer-Târnoaveanu E., Oberländer-Târnoaveanu I. Contribuții la studiul emisiunilor monetare și al formațiilor politice din zona Gurilor Dunării în secolele XIII-XIV. // SCIVA. 1981. Nr. 1. P. 91, 93, 106.
- ²² Stînga I. Contribuții privind circulația monedelor moldovenești în Țara Românească. // BSNR. Nr. 134-139. 1986-1991. P. 133-136.
- ²³ Трайков В., Жечев Н. Българската емиграция в Румъния XIV век — 1878 година и участието ѝ в стопанския, общественно-политическия и културния живот на румънския народ. — София, 1986. С. 25-27.
- ²⁴ Гросул В.Я., Губоглу М.Н. К истории молдаво-славянских связей. // Советское славяноведение. 1980. №5. С. 120.

²⁵ Полевой Л.Л. *Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв.* Кишинев, 1979. С. 106, 111, 113 и др.

²⁶ См.: Павлов Пл. *Бележки по въпроса за българското етническо и политическо присъствие в междуречието на Дунав и Днестър през XII-XIV в.* Българите в Северното Причерноморие. Т. I. В. Гърново, 1992. С. 61; Тютюджиев Ив. *Османското завоевание и българската миграция във Влашко и Молдова през XIV-XV век.* // Там же. С. 74.

²⁷ За информация о находках приношу благодарность большому ценителю и знатоку старины, неумолимому разведчику нижнедунайских древностей Валерию Кожокару. Полная публикация этих раритетов еще предстоит в будущем.

²⁸ См.: Мушмов Н.А. *Монетите и печатите на българските царе.* — София, 1924. С. 129. Обр. 154.

²⁹ Йорданов И. Указ. соч. С. 119-128. Табл. II. За възможност познати с материали за захоронения из Силистры благодарю д-ра Георги Атанасова.

³⁰ DRH.A. Vol. II. — București, 1976. P. 225, 513, 515.

³¹ Цветкова Б. *За режима на стопанската обмяна между румънските българските придунавски земи през XVI век.* // Българо-румънски връзки и сношения през вековете. Т. I (XII-XIX в.). — София, 1965. С. 137-139.

³² См.: Бойчева П. *Към въпроса за участието на среднобългарската литература в църковно-политическия живот на Молдова през XV-XVI в.* // Българите в Северното Причерноморие. Т. I. С. 86-88 и др.

³³ Гюзелев В. *Извори за средновековната история на България (VII-XV в.) в австрийските ръкописни сборки и архиви.* Т. I. — София, 1994. С. 227, 232, 234-235, 247-248, 251-252, 283-286.

Gheorghe GONȚA

REGIMUL DOMINAȚIEI OTOMANE ÎN MOLDOVA ȘI BALCANI (UNELE ASPECTE)

Situația geopolitică i-a impus Moldovei medievale începînd chiar cu secolul al XV-lea un statut internațional specific: pe de o parte erau relațiile cu marile puteri creștine de la hotarul de apus, nord și răsărit și pe de alta cu marea putere islamică de la sud. În această corelație de forțe rolul hotărîtor în determinarea statutului internațional nu l-au avut relațiile cu vecinii creștini, ci evoluția raporturilor cu Poarta, principala putere feudal-militară a timpului.

În comunicarea de față avem intenția să ne oprim la procesul continuu al aservirii Moldovei și Bulgariei de Imperiul Otoman, la constituirea mecanismului de supunere a ambelor regiuni Porții. În scopul studierii multilaterale a procesului dat s-a încercat utilizarea metodei comparative ce a permis a scoate în relief generalul și specificul în situația Moldovei și a Bulgariei, ca parte a țărilor din Balcani, în cadrul regimului de aservire de către Imperiul Otoman pînă la sfîrșitul secolului al XVI-lea, cînd se termină stabilirea în linii mari a statutului politico-juridic și economic a ambelor regiuni în cadrul regimului dominației otomane.

Politica gradată a Porții în Balcani începe cu cerințele de plată a tributului pentru pace. La etapa a doua otomanii impun cu forța militară acceptarea suzeranității otomane. În rezultat deja în primele decenii ale campaniilor otomane în Balcani s-au creat multe state vasale față de Poartă. Unul din primii vasali ai Imperiului Otoman a fost țarul bulgar Ivan Șişman, care a recunoscut suzeranitatea otomană după înfrîngerea macedonienilor pe râul Marița în 1371. La cerința otomanilor, sora țarului Tamara devine una din soțiile sultanului. Astfel, apare mecanismul trimiterii ostatecilor la Poarta Otomană. În curînd vasalul sultanului devine țarul Vidinului Ivan Srațimir, care la cerința Porții primește în capitală o garnizoană otomană.¹

Devenind vasali ai Porții monarhii bulgari erau obligați să participe cu

oștile sale în campaniile militare otomane. Orice acțiune antiotomană de mică, aduce însă la pedepsirea vasalilor.² Astfel la hotarele sec. al XV-lea otomanii au încorporat practic toate statele vasale din Balcanii afară de mica Republică Dubrovnic în toată Peninsula Balcanică instaurează dominația otomană.³

În cadrul procesului continuu de supunere a Moldovei Imperiului Otoman, statul de la est de Carpați a parcurs deasemenea câteva etape. Plata tributului a însemnat primul pas spre includerea țării în sfera politicii expansioniste a sultanului. Actul din iunie 1456 a constituit pentru Moldova punctul final al unor lungi negocieri privind plata tributului.⁴ Plata tributului a constituit un pas diplomatic al Țării Moldovei față de Imperiul Otoman, avînd chiar de la început, în 1456 o semnificație politică. Moldova va îndeplini în continuare rolul de punte de legătură, de stat tampon între două mari puteri, Polonia și Imperiul Otoman, interesate deopotrivă în evitarea confruntării dintre ele.

După războaiele moldo-otomane din anii 70-80 ai sec. al XV-lea, Poarta definitiv trece de la intenția transformării Moldovei în pašalic, la politica de supunere a țării și transformării ei într-un vasal al Porții. Otrăgerea boierilor de partea sultanului.⁵ La finele sec. al XV-lea apar unele noi elemente în relațiile moldo-otomane tributare, ce vin să intensifice gradul de supunere a Moldovei Imperiului Otoman.⁶

La începutul deceniului al doilea al sec. al XVI-lea domnul Bogdan III-lea devine de facto vasal al Porții.⁷ Deși în acea perioadă domnii moldoveni au acceptat doar suzeranitatea formală a sultanului putem sublinia cu fermitate că se începe a doua etapă a politicii gradate a Porții în Moldova. În calitatea sa de suzeran, Poarta a instituit un control cu mult mai stricț asupra Moldovei.⁸

Înfrîngerea Ungariei la Mohacs în 1526 a înrăutățit mult situația internațională a Moldovei și a micșorat simțitor rezistența țării față de presiunea otomană. Ca rezultat, în 1538 a fost realizat planul de expansiune a Porții în Moldova.⁹ Ocuparea țării în 1538 a marcat începutul unei noi etape în istoria politică a Moldovei. Spre deosebire însă de Balcanii în Moldova, precum în Țara Românească și Transilvania, în 1538 începe trecerea de la regimul suzeranității formale a Porții la cel al suzeranității reale și restrictive.

Însă statutul de dar-ul ahd începe să fie interpretat acum în sens restrictiv. Izvoarele informează că tot mai des domnitorul este impus să acționeze de

și de facto în numele și în baza puterii suzerane a sultanului. Unele schimbări încep să se manifeste și în mentalitatea domnilor și a boierilor în ceremonialul domnesc, în costumele de curte, în modul de trai ai clasei domnitoare.¹⁰

Politica Porții după 1538 față de Moldova se manifestă în două direcții, se evidențiază specificul țării față de fostele state din Peninsula Balcanică. Conform primei direcții în politica sa față de Moldova, sultanul susținea consolidarea puterii domnești și a aparatului de stat. Se revedea respectarea înțelegerii politice autonomiei administrative și legislative a statului moldav, a integrității sale teritoriale și a inviolabilității hotarelor, executarea liberă a dreptului la confesiune etc. În același sens trebuie subliniată și interdicția fermă pentru otomani de a deține mobile cu titlu de proprietate și de a construi moscheie și alte lăcașe de cult musulman pe pămînturile Statului moldav. În cadrul acestei politici la Istanbul are loc o ceremonie specială a înscăunării domnilor moldoveni în cazul cînd ei primesc firmanul de numire în capitala turcă. Domnul rămîne în țara sa monarh autoritar, avînd dreptul de a judeca și pedepsi supușii săi.¹¹

O altă direcție a politicii Porții în Moldova după 1538 e îndreptată spre constituirea mecanismului de supunere a țării Imperiului Otoman. După 1538 domnul este numit și scos din domnie de către sultan. Conform izvoarelor, domn devine acela care primește firmanul de confirmare de la Poartă și nu acela care este înaintat în scaun de către boieri.¹²

Începînd cu primii domni numiți, Poarta amplasează în capitala țării un detașament special de ieniceri, care avea sarcina să supravegheze activitatea domnului.¹³ Domnul era dator să vină o dată în doi-trei ani la Istanbul pentru a primi firmanul de reînnoire la tron pe un termen nou¹⁴ și era obligat să trimită în capitala otomană ostatici.¹⁵

Trebuie de subliniat că atît politica de întărire a puterii domnului, precum și politica de constituire a mecanismului supunerii țării au un singur scop: exploatarea populației Moldovei în folosul feudalilor otomani. Începînd cu ani 30-40 ai sec. al XVI-lea se constată o sporire evidentă a obligațiunilor mai vechi: tributul, peșcheșurile, ajutoarele militare, prezentarea informațiilor etc.¹⁶ Însă acum tributul este plătit nu pentru pace cu otomanii ci pentru pămîntul Moldovei oferit de către sultan domnului. Conform izvoarelor sultanul dona contra plată pămîntul Moldav, așa precum temporar Buda era ccedată austriecilor, Cipru — venețienilor, Dubrovnic — raguzenilor.¹⁷ Poarta încearcă uneori să numească tributul

Moldovei djizie precum era răspîndit în Balcani.¹⁸

La tributul în bani plătit Porții se adaugă un număr considerabil de vulturi de vînătoare și poștă.¹⁹ În firmanul de la 24 iunie 1568 se cere la noul domn Bogdan Lăpușneanu să trimită de urgență cu fratele „vulturi”, care după obicei se trimit în capitala Imperiului²⁰. Probabil că în Moldova sînt oameni speciali care pregătesc și dreseză vulturi, precum în Balcani — *socolarii*. Concomitent apar și alte dări noi, în special în ordin economic. De subliniat că Poarta instituie în Moldova și dări răspîndite în Balcani. Astfel, populația e obligată să plătească dări extraordinare în susținerea campaniilor militare, adică avarizul nuzul, și altele. Precum în Balcani, se cerea aprovizionare cu produse garnizoanelor otomane dizlocate în cetățile aflate în apropierea hotarelor Moldovei, precum și a capitalei otomane. Livrarea de materiale de construcție și participarea la reparația cetăților otomane din apropierea statului moldav, de asemenea are analogie în Balcani.²¹ Domnii moldoveni sînt datori să vîndă exclusiv doar otomanilor unele produse de ordin strategic ca seul, otgoane, și altele cu prețuri fixe, așa cum se practica în Balcani impozitul sursat, subaia.²²

De subliniat că populația din Balcani era impusă la aceste dări precum și plata djizeului, în schimbul eliberării de obligațiunea militară față de Poartă. Deși domnii moldoveni au obligațiunea militară de a participa la ostile sale în campaniile sultanilor, totuși populația este impusă să achite dările militare răspîndite în Balcani.

Astfel, obligațiunile economice și financiare ale Moldovei față de Poartă au mult comun cu dările populației din Bulgaria și celelalte țări balcanice. Statutul special în calitate de vasală a sultanului n-a eliberat Moldova de multiplele dări față de Poartă, răspîndite în Balcani. Ba mai mult domnii moldoveni erau obligați să trimită tribut și hanului din Crimeia.²³ E necesar însă de a nu absolutiza intervenția factorului otoman în istoria Moldovei ci de a aprecia acest fenomen în mod nuanțat, în funcție atât de evoluția puterii otomane ca atare, precum și de schimbarea situației internaționale a Statului Moldovenesc.

Și ultimul moment: Către sfîrșitul sec. al XVI-lea se constituie statutul politico-juridic al Moldovei în cadrul regimului suzeranității otomane reale. Atunci se termină și etapa transformărilor și se stabilește definitiv administrația otomană în Balcani. Încetarea campaniilor de cuceriri din ultimele decenii ale sec. XVI-lea a inversat raportul dintre cele două sur-

le venit (prăzile de război și viniturile din pămînturile ocupate) ale clasei feudale otomane. Spahii s-au văzut nevoiți să se intereseze tot mai mult de asigurarea profiturilor cît mai mari în urma intensificării exploataării sopoarelor aservite din Balcani. În asemenea condiții Poarta duce politica de consolidării și desăvîrșirii mecanismului de aspirare și constrîngere a populației de pe pămînturile deja cucerite. Crește și se complică structura de stat și administrativă a Imperiului Otoman. Acolo unde cereau interesele politice, economice și securitatea hotarelor Imperiului, Poarta transformă noi teritorii deja supuse, dar care-și păstrau autonomia în teritoriul supus direct sultanului instaurînd în orașe garnizoane otomane.²⁴

Transformările de la finele sec. al XVI-lea au avut mari consecințe și pentru Moldova. Ca rezultat Poarta utilizează în plan juridic, o nouă terminologie. Astfel, marele vizir, Mehmed Sokolu atrăgea atenția polonezilor că Moldova nu era o provincie oarecare, ci una de rang imperial „de care ne îngrijim ca și din însăși domnia Constantinopolului”.²⁵

În domeniul politic încheerea perioadei de tranziție de la suzeranitatea formală la suzeranitatea reală asupra Moldovei e semnalat prin încălcarea flagrantă a ultimelor rămășițe ale tradiției dinastice moldovenești.

În domeniul economic se intensifică creșterea rapidă a dărilor oficiale și neoficiale ale Moldovei față de Poartă.

Astfel, examinarea multilaterală a procesului continuu de supunere a Moldovei și statelor din Peninsula Balcanică, precum și a regimului dominației otomane în ambele regiuni ne permit să subliniem că în multe privințe există trăsături și aspecte comune, existînd tot odată și deosebiri radicale. Deși Moldova se află în subordonare otomană, domnitorii ei și-au avut rolul lor deosebit în viața politică a țării. În circumstanțe cît de puțin favorabile ei au reușit totuși să păstreze legile și obiceiurile străbune, să se situeze în majoritatea cazurilor în fruntea mișcărilor de eliberare etc.

Firește, cele expuse mai sus nu au pretenția de a epuiza întreaga problematică abordată în comunicare. În unele cazuri izvoarele ne-au permis să înaintăm și susținem doar unele ipoteze de lucru. Sperăm că noile investigații din Bulgaria, Republica Moldova și România le vor completa cu noi elemente desprinse din izvoare.

NOTE

- ¹ *Краткая история Болгарии*. М. 1987. С. 152, 154; *История южных западных славян*. М. 1969. С. 41.
- ² Железкова А. *Некоторые аспекты распространения ислама на Балканском полуострове в XV-XVIII вв.* // Османская Империя. Система государственного управления, социальные и религиозные проблемы. М. 1986. С. 106; Арш Г., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д. *Краткая история Албании*. М. 1965. С. 16-17.
- ³ *Османская Империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы*. М. 1984. С. 48-49; Republica Dubrovnic — Ragusa avea în sec. al XV-lea circa 25 mii oameni. Vezi: Фрейденберг М. М. *Дубровник и Османская Империя*. М., 1954. С. 154.
- ⁴ *Documente turcești privind istoria României*, vol. I (1455-1774) București 1971. P. 2; Уляиницкий В. А. *Материалы для истории взаимных отношений России Молдавии, Валахии и Турции в XIV-XVI вв.* М. 1877. С. 88-89.
- ⁵ Гонца Г. В., *Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV-первой трети XVI вв.* Кишинев. 1984. С. 19-51.
- ⁶ Gorovei Șt. *Moldova în "Casa Păcii"*. Pe marginea izvoarelor privind primul secol de relații otomane // Anuarul Institutului de istorie și arheologie "A. D. Xenopol", 1980, t. 18, p. 649-650.
- ⁷ Gemil T. *Din relațiile moldo-otomane în primul sfert al secolului al XVI-lea* (Pe marginea a două documente din arhivele de la Istanbul) // Anuarul Institutului de istorie și arheologie "A. D. Xenopol", 1972, t. 9, p. 141; Hurmuzachi E. *Documente privitoare la istoria românilor*, vol. II, partea III, p. 80, 86-87, 93, 100, 138, 140, 148; Goboglu M. *Despre materialele arhivistice și importanța lor pentru istoria țărilor române* // Revista arhivelor, 1966, nr. 2, p. 193.
- ⁸ Hurmuzachi E. *Documente*, vol. II, partea III, P. 171; Гонца Г. В. *Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV-первой трети XVI вв.* Кишинев. 1984. С. 68-104.
- ⁹ Гонца Г. В. *Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV-первой трети XVI вв.* Кишинев. 1984. С. 90-104.
- ¹⁰ Кантемир Д. *Описание Молдавии*. Кишинев. 1973. С. 63-85.
- ¹¹ Гонца Г. В. *Общие и особые черты в положении Молдавии и стран Балканского полуострова в системе господства Османской Империи (до конца XVI в.)* // Молдавский феодализм. Общее и особенное. (История и культура) Кишинев. 1991. С. 123-124.
- ¹² *Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.)*. Кишинев. 1987. С. 131-140.
- ¹³ *Cronici turcești privind Țările Române*, vol. I, pag. 271, Hurmuzachi E. *Documente*, vol. II, partea I, p. 273; Славяно-летописи. С. 95;
- ¹⁴ Corfus I., p. 85, Hurmuzachi E. *Documente Supl. I*, vol. I, p. 110-119; *Cronici turcești*, vol I, p. 270-271, 480-481.
- ¹⁵ Corfus I. Op. cit., p. 47-49, 84-88; *Documente turcești privind Istoria României*, vol. I, p. 58.
- ¹⁶ Berza M. *Haraciul Moldovei și Țării Românești în sec. XV-XVI*, în Studii și materiale de istorie medie, 1957, vol. II, p. 10; Maxim M., *Regimul economic al*

- dominației otomane în Moldova și Țara Românească în a doua jumătate a sec. al XVI-lea* // Revista de Istorie, 1979, nr. 9, p. 17-39.
- ¹⁷ Alberi E. *Documenti di Istoria Otomana del secolo XVI*. Firenze, 1842, p. 39, 392, 426.
- ¹⁸ *Cronici turcești privind Țările Române*, vol. I, p. 156, 158, 166, 216, 221, 364, 426, 375.
- ¹⁹ Maxim M. *Regimul economic al dominației otomane în Moldova și Țara Românească în a doua jumătate a sec. al XVI-lea*, p. 1731, 1737.
- ²⁰ Максим — Борничень М. *Турецкие документы о финансово-экономических обязательствах Молдавии и Валахии перед Османской империей во второй половине XVI в.* // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. III, М. 1974. Док. 12. С. 281.
- ²¹ Maxim M. *Obligațiile militare în muncă și de transport ale Moldovei și Țării Românești față de Poartă în a doua jumătate a sec. XVI* // Analele Universității București. Istorie, an XXVIII, 1979, p. 105-108.
- ²² Matei D. *Impunerea și perceperea dărilor de cai în Țările Române până la sf. sec. al XVI-lea* // Studii. Revista de istorie, 1957, nr. 3, p. 135-152; Grigoras N. *Obligațiile în muncă față de stat și turci ale populației din Moldova (sec. XV-XVIII)* // Studii. Revista de istorie, 1965, nr. 4, p. 901.
- ²³ Захарина Н. С. *Сведения о Молдавском княжестве второй половины XVI в. в книгах фонда, Сношения России с Крымом* // Проблемы источниковедения и истории Молдавии периода феодализма и капитализма. Кишинев 1993. С. 208-209.
- ²⁴ *Краткая история Болгарии*. М. 1987. С. 103; *История Македонского народа*. Скопие 1986. С. 101; *Османская Империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв.* С. 3-7.
- ²⁵ *Documente turcești privind Istoria României*, vol. I, p. 124.

Ștefan ȘTEFĂNESCU (România)
**“RĂZBOIUL DE 15 ANI”,
 MOMENT IMPORTANT ÎN RELAȚIILE ROMÂNŌ-
 BULGARE**

Cercetătorul spațiului sud-est european nu poate să nu observe similitudini și chiar unele identități la popoarele din această zonă geografică. Ele se constată în lexic și alimentație, în muzică și dans, în costum, în obiceiuri și credințe populare. Aceasta se explică, atât prin existența unui fond comun traco-ilir, cât și prin faptul că veacuri de-a rândul, românii s-au aflat sub stăpânire sau dominație romană, bizantină sau otomană, popoarele sud-est europene au fost înglobate aceluiași sisteme politice și supuse unor condiții similare administrative, social-politice și ecleziastice. Rezultă de aici remarcă că viața istorică a fiecăruia dintre popoarele sud-est europene nu poate fi înțeleasă și studiată izolat. Ea se prezintă în toate domeniile asemenea cercurilor care se întretaie cuprinzând arce comune. Acest fapt reclamă ca o necesitate metoda comparată în studierea umanității sud-est europene, concepută ca un tot.

Din ansamblul vieții istorice a popoarelor sud-est europene mă opresc la un aspect pe care-l găsesc semnificativ ca valoare a istoriei: modul în care s-a manifestat solidaritatea popoarelor din zonă în condițiile de criză în sistemul relațiilor internaționale în care erau implicate ori sa-u implicat la finele secolului al XVI-lea și începutul secolului al XVII-lea cu scopul de a-și recâștiga libertatea politică pierdută.

Se știe că în raport cu principala putere politică a vremii — Imperiul Otoman-popoarele sud-est europene se aflau în grade de supunere diferite. În timp ce în sudul Dunării, cu excepția republicii Dubrovnic (Raguza), Imperiul Otoman ocupase întreaga Peninsulă Balcanică, desființând statele de aici și transformându-le în pašalâcuri, la nord de Dunăre, Țările Române

și-au păstrat autonomia statală, în schimbul unui tribut (haraciu) permanentă creștere, de altfel.

Statutul politic al Țărilor Române în raport cu Poarta otomană — a avut un rol însemnat în luarea deciziilor care le asigura continuitatea vieții de stat — a avut un rol însemnat în lupta de eliberare de sub stăpânirea otomană a popoarelor din Balcani.

După desființarea statelor balcanice și chiar mai înainte, în timpul luptelor acestora cu Imperiul Otoman, Țările Române au fost locul de refugiu al unor căpetenii laice și bisericești și chiar al unor grupuri de populație din aceste state: greci, sârbi, bulgari, albanezi s-au strămutat în Țara Românească, Moldova și Transilvania¹.

Sub numele de "bulgari", "greci", "sârbi", se întâlnesc în secolul XV-lea multe sate în Țara Românească și Moldova.²

Un grup de bulgari s-au așezat înainte de 1390, deci înainte de arde de a se elibera de sub stăpânirea otomană, la Brașov³, unde până astăzi cartierului din partea de miazănoapte a orașului i se spune Schei.

Fenomenul de așezare a unor grupuri de sud-dunăreni, sârbi, bulgari, albanezi și a numeroși greci în Țările Române a continuat în secolele următoare. Ei veneau fie cu prilejul luptelor purtate de domnitorii români la sud de Dunăre — cum a fost în timpul lui *Vlad Dracul* (1436-1442) și al lui *Mihai Viteazul* (1593-1601) fiind colonizați în Cîmpia Română⁵, fie din propriul lor îndem, spre a scăpa de opresiunea otomană.

Cu a doua jumătate a secolului al XV-lea, odată cu dezvoltarea economiei de schimb și vieții orășenești mulți bulgari, sârbi și mai ales greci, ca meșteșugari sau negustori, au ajuns să dețină importante averi și să aibă un rol însemnat în târgurile și orașele românești.

Cărturari și descendenți din familiile nobile sau chiar princiere sud-dunărene, stabiliți în mediul românesc, au jucat un rol însemnat în istoria politică și culturală a Țărilor Române⁶. Ei au fost purtătorii unor tradiții culturale și politice care au contribuit la progresul culturii române, au însușit atât viața internă a Țărilor Române, cât și lupta pentru libertatea popoarelor din care ei proveneau. "La culture roumaine — remarque l'academicienul Todorov — enrichie de ses propres experiences et traditions, elle accueillera a son tour les representants de la diaspora des peuples balkaniques de la grande communaute culturelle orthodoxe balkanique".

Strânsele legături care s-au menținut și dezvoltat chiar în timpul a ceea ce s-a numit Turcocrăția între popoarele balcanice și români explică

implicarea factorului românesc în cele mai multe din insurecțiile balcanice, angajarea unora dintre cei mai de seamă domnitori români în proiectele de luptă, ca și în acțiunile politico-diplomatice ce vizau eliberarea de sub stăpânirea otomană a popoarelor din Balcani.

Unul dintre momentele reprezentative în acest sens a fost cel legat de numele eroului național al românilor, Mihai Viteazul. În ultimul deceniu al secolului al XVI-lea creștinătatea orientală cunoștea mari frământări. Planul de unificarea Țărilor Române, reluat de papa Clement al VIII-lea, din inițiativa căruia s-a constituit "Liga creștină" (din care făceau parte Imperiul romano-german, Spania, Statul papal, ducatele Toscana, Mantova și Ferrara) și declanșarea războiului austro-otoman (1591-1606) au constituit factorii de conjunctură externă favorabili pentru noi încercări ale popoarelor creștine din Balcani de a se elibera de sub stăpânirea otomană.

Legăturile multiple și interesele comune cu lumea balcanică au determinat orientarea politică a Țărilor Române spre tabăra rezistenței antiotomane, aderarea lor la "Liga Creștină", cu consecințe însemnate în desfășurarea războiului dintre Imperiul Otoman și cel habsburgic.

Ca și omologul său din Moldova, Aron Tiranul, Mihai Viteazul a înțeles, încă de la începutul domniei lui (1593), că interesele țării îi impun să se alature coaliției creștine.

Contactele lui Mihai Viteazul cu popoarele sud-dunărene datau încă dinainte ca el să ocupe tronul Țării Românești, iar ca domnitor din primăvara anului 1594, când a intrat în contact cu răsculații sârbi, români și unguri din sudul Banatului.

În noiembrie 1594 Țările Române au ridicat steagul neatârnării față de Imperiul Otoman. După distrugerea garnizoanelor din cele două capitale, București și Iași au urmat lupte victorioase de eliberare a țării, soldate cu afirmarea viguroasă a frontierilor statului și a neatârnării lui. Linia Dunării a fost supusă unor atacuri multiple și repetate, având drept rezultat cucerirea tuturor cetăților, cu excepția cetății Giurgiu. Au fost executate apoi incursiuni în dreapta Dunării. Vestea acestor victorii s-a răspândit cu iuțeala fulgerului, provocând indignare și temeri la Istanbul, bucurie și speranță de eliberare în lumea creștină, îndeosebi în rândurile celor care abia așteptau clipa eliberării lor din starea de robie.

La 1 ianuarie 1595 a fost lovită cetatea Hirșova, iar la 8 ianuarie Silistra. La 25 ianuarie, Mihai Viteazul optinea o strălucită victorie la Rusciuc. Cu acest prilej a dispus primele mutări de populație din sudul Dunării în Țara

Românească⁸.

În primăvara anului 1595, un grup de haiduci încurajați de victoriile Mihai Viteazul a ocupat Sofia, profitând de faptul că beiful nu era în oraș. Ei au înaintat până la trei zile distanță de Constantinopol.⁹ Fiind puțini în număr, n-au reușit să se mențină în Sofia; au fost nevoiți să se retragă și să participe la luptele pentru cucerirea Brăilei.¹⁰

Victoriile repurtate de Mihai Viteazul împotriva otomanilor au avut un larg ecou în lumea balcanică. Sârbii, grecii, albanezii, bulgarii — care inițial își legaseră speranțele de eliberare de ajutorul Papei și al Împăratului Habsburg — și-au îndreptat privirile, îndeosebi după strălucita victorie repurtată de Mihai Vodă împotriva marelui vizir Sinan Pașa la Călugăreni în august 1595, spre domnitorul român, pe care-l vedeau drept conducător al luptei antiotomane din regiune.

Expedițiile oștilor lui Mihai Viteazul la sud de Dunăre erau conduse adesea de căpitani de origine balcanică, judicioși cunoscători ai terenului.

În aprilie 1596 a avut loc din porunca lui Mihai Viteazul¹¹ o acțiune îndrăznească împotriva lui Hassan-Pașa, sub conducerea lui Baba Novac. Baba Novac a trecut Dunărea și a înaintat până aproape de Sofia, surprinzându-l pe Hassan Pașa într-o trecătoare unde l-a înfrânt, luându-i o pradă bogată. A atacat apoi și a cucerit Plevna și castelul Vrața. La întoarcere a purtat lupte grele cu turcii.¹²

În mai 1596 o ceată de haiduci a trecut din Țara Românească Dunărea pe la Nicopole și a jefuit până la Cladova unde, cu ajutorul sârbilor din vecinătate, a ocupat castelul. O altă ceată condusă de Farcaș-aga a atacat Vidinul.

Aceste expediții au contribuit la izbucnirea unei răscoale a sârbilor din iunie 1596.

În aceeași vreme, solii bulgarilor vesteau la Alba-Iulia principelui Sigismund Bathory că au 30 000 de oameni pregătiți de luptă și solicită un ajutor de 2000 de soldați.¹³ Înfrângerile suferite de creștini în operațiunile militare dintre Imperiul Otoman și cel habsburgic în Banat și Ungaria l-au împiedicat pe Sigismund Bathory să întreprindă acțiuni în favoarea bulgarilor. Aceștia își vor îndrepta, de aceea, tot mai mult cererile de ajutor spre Mihai Viteazul. La 20 octombrie 1596, domnitorul român se afla la sudul Dunării cu 12 000 de ostași și ataca Nicopolul, dărâmând fortăreața și ucigând mulți turci.¹⁴ La 7 decembrie 1596, franciscanul Eustachiu

Montana anunța din Constantinopol la Roma despre campania domnitorului român la sudul Dunării și cucerirea Nicopolului, ca și despre temerile care domneau în capitala Imperiului otoman față de acțiunile lui Mihai Vodă.¹⁵

În anul 1597, pregătirile de luptă ale bulgarilor au continuat. Conducătorul mișcării de emancipare a devenit Dionisie Rally Paleologul, mitropolit de Târnovo, descendent al Paleologilor după tată și al Cantacuzinilor după mamă. Intrat în legătură cu "Liga creștină" prin raguzani, care aveau la Târnovo o colonie puternică și mai ales prin Paolo Giorgio, agentul împăratului Rudolf al II-lea, Dionisie Rally își va pune drept speranțe-odată cu creșterea rolului lui Mihai Viteazul — în ajutorul domnului român. Cererile bulgarilor erau adresate prin răvașe de taină purtate de călugării Ioan și Gheorghe. Pregătirea răscoalei s-a făcut la Târnovo de un număr însemnat de oameni de vază, printre care se aflau Teodor Balina și episcopii de Șumla și Rumelia.¹⁶

În ianuarie 1597 banul Mihalcea, sftenic devotat al lui Mihai Viteazul, grec de origine (se numea Caragea) și sibianul Marcu Schonkabunk erau trimiși de Mihai Vodă la curtea lui Rudolf al II-lea pentru a obține ajutoare în bani și oști pentru o mare expediție la sud de Dunăre.¹⁷

În secret banul Mihalcea a tratat și în numele bulgarilor problema unei mari răscoale, hotărâtă de Mihai Viteazul.¹⁸ În martie, Rudolf al II-lea îi trimitea lui Dionisie Rally o scrisoare, îndemnându-l să răscoale pe bulgari.¹⁹ La 12 martie 1597, cu prilejul unei călătorii la Nicopole, mitropolitul îi scria lui Mihai Viteazul, invocând înțelegeri anterioare, să nu încheie pace cu turcii.²⁰ La 14 septembrie, Erich Lassota informa pe Rudolf al II-lea că Mihai Vodă l-a înconștiințat că "populația creștină din Bulgaria și de peste Dunăre îl așteaptă cu mare nerăbdare și îl solicită zi de zi, ba chiar îi trimite și scrisoare de reproș pentru că zăbovește atâta."²¹ La 30 septembrie același Erich Lassota relata împăratului că Mihai Vodă are înțelegere cu mitropolitul din Bulgaria "care raportează principelui că are la dispoziție 30 000 de oameni" și că domnul român intenționează, când va îngheta Dunărea, să treacă în Bulgaria, "în speranța de a lua în stăpânire această țară până în munți, cu participarea locuitorilor."²²

La 21 noiembrie 1597, Mihai Viteazul comunica din Târgoviște împăratului Rudolf al II-lea intenția lui de a trece în iarnă Dunărea și de a ataca pe turci "cu toate forțele", ca să le cucerească fortificațiile și să ajungă până spre Constantinopol. Cum nu posedă însă suficiente mijloace spre a opune singur rezistență inamicului, solicită împăratului ajutorul promis, în

bani și ostași.²³ La 26 ianuarie 1598, Andrei Taranowski comisarul cancelarului Poloniei Ian Zamoiski că "sârbii, bulgerii și dalmaținii așteptau pe voievodul român de peste Dunăre"²⁴. Câteva zile mai târziu, la 31 ianuarie 1598, Giovanni de Marini Polli anunța la Curtea imperială hotărârea lui Mihai Viteazul de a trece Dunărea, în care scop mărește mereu oastea de cazacilor și bulgarilor, cărora domnul "le dă toate cele necesare". Deoarece Dunărea nu a înghețat și din cauza căldurilor au crescut apele, expediția proiectată nu a mai avut loc.²⁵

La 9 iunie 1598 Mihai Viteazul a încheiat la Târgoviște un tratat cu împăratul Rudolf al II-lea. Domnul român se obliga să lupte împotriva turcilor, împăratul angajându-se să-i plătească de îndată leașa pentru 5000 de mercenari, iar pentru alți 5000 mai târziu.²⁶ Informații de aceste prevederi bulgarii promiteau să ridice la luptă întreaga Peninsulă Balcanică și să strângă în câteva zile în mare număr (200 000 sic!).²⁷

La 11 iunie 1598, comisarii imperiali pe lângă Mihai Viteazul informau în raportul lor "că dacă domnul (român) ar trece el însuși Dunărea cu 10 000 sau 20 000 de oameni, toate acele popoare până la Constantinopol și sătul de robia turcească se vor porni într-un suflet, cum sunt bulgarii, sârbii, albanezii, rascienii, uniți cu ei în aceeași credință și vor înlătura din mijlocul lor pe turci, oricâți ar fi". Fii ai frunțașilor popoarelor balcanice ar afla în preajma lui Mihai.²⁸

În toamnă pregătirile lui Mihai Viteazul de a trece Dunărea se apropiau de sfârșit. La 25 septembrie, trimisul lui la arhiducele Maximilian relatat că voievodul ar putea pune pe picioare o oaste de 30 000 — 40 000 de călăreți și pedestrași, cărora li s-ar adăuga cei din Bulgaria. Aceștia îl îndeamnau insistent să treacă Dunărea și să atace pe dușman.²⁹ În condițiile în care oștile otomane erau concentrate la asediul Oradiei s-a creat conjunctura externă favorabilă campaniei sud-dunărene a lui Mihai Viteazul. Desfășurată în lunile septembrie — octombrie 1598, aceasta a fost cea mai puternică și îndelungată și răsunătoare acțiune a domnului român la sud de Dunăre: ea a fost urmărită cu interes de întreaga creștinătate și larg comentată în Europa.

Campania din 1598 reprezenta varianta balcano-bizantină a planurilor lui Mihai Viteazul și urmărea alungarea turcilor din Balcani cu concursul popoarelor sud-dunărene. Ostilitățile au fost deschise de turci cu un atac al lui Ahmed, pașa de Silistra, care primise poruncă să-l îndepărteze din scaun pe Mihai Viteazul. Înfrângerea comandantului otoman a fost urmată de expediția domnitorului român peste Dunăre și lupta din jurul datei de 28

septembrie pe câmpia de la Senadin, la sud de Nicopole, cu Hafiz Ahmed pașa care deținea importanta dregătorie a "pazei țărmurilor Dunării" și Caraiman pașa.³⁰ Acesta din urmă a căzut pe câmpul de luptă, iar Hafiz Ahmed pașa s-a salvat cu fuga la Târnovo. Mihai Viteazul a atacat apoi cetățile Nicopole și Vidin.

Campania lui Mihai Viteazul în sudul Dunării a durat șase săptămâni, oștile lui înaintând până la Sofia. Au fost atacate și distruse după Vidin, Plevna, Vrața, Florentinul și Rahova, domnul român trecând peste Dunăre, în Țara Românească după propria-i mărturisire — peste 16 000 de bulgari, cărora le-a oferit "atâta loc cât să-și poată găsi hrana".³¹

Întâmpinate cu bucurie, oștile domnului român au fost spriginite în acțiunile lor împotriva turcilor de populația creștină locală, care a contribuit la succesele militare raportate de Mihai Vodă.³²

Primind știri din mediul transilvan, dovedite ulterior false, despre căderea Oradiei³³, temându-se să nu fie surprins de oastea otomană, care se întorcea acasă pentru iernat și putând fi oricând atacat și de turcii închiși în cetățile Silistra, Vidin, Nicopole pe care nu le cucerise din lipsa artileriei grele, Mihai Viteazul s-a retras în Țara Românească.

Campania domnitorului român la sudul Dunării a fost amplu comentată în rapoartele diplomatice ale vremii, victoriile lui fiind anunțate la Roma, Praga, Veneția, în Spania la curtea regelui Filip al III-lea.³⁴

Acțiunile întreprinse de Mihai Viteazul erau văzute ca primejdioase pentru stăpânirea otomană în Balcani, în capitala imperiului răspândindu-se "o spaimă de necrezut", încât se comunica suveranului spaniol — "turcii se cred aproape pierduți".³⁵

Țelurile urmărite și temeritatea faptei domnitorului român au atras interesul multor cronicari și istorici ca Ioannis Bisselius, Johannes Filstich, Paolo Sartario, Mathias Miles, etc. Ciro Spontoni referindu-se la campania lui Mihai Viteazul în sudul Dunării — care a făcut ca domnul român, cu ajutorul sârbilor și bulgarilor răsculați, să controleze un spațiu vast — făcea observația că victoriile creștinilor au produs o mare panică în rândurile oastei otomane.³⁶

Acțiunea militară a lui Mihai Viteazul în sudul Dunării s-a desfășurat concomitent cu o mare răscoală a bulgarilor, centrul căreia a fost Târnovo, unde răsculații punând stăpânire pe oraș, l-au proclamat țar pe un pretins descendent din dinastia Șişmanizilor, cu numele de Șişman al III-lea.³⁷

Pregătită de multă vreme, răscoala depășea ca organizare mișcărilor

antiotomane precedente; ea avea o bază socială largă și cuprindea un vast teritoriu, cu amploare deosebită în regiunile nordice ale Bulgariei. Pentru declanșarea răscoalei se aștepta numai momentul favorabil și acesta a venit odată cu trecerea lui Mihai Viteazul în sudul Dunării. Izvoarele istorice semnalează o serie de acțiuni comune ale românilor și populației creștine la Cladova și Vrața.³⁸

Răscoala bulgară din 1598 a fost prima mare răscoală organizată în concepția conducătorilor ei trebuia să se extindă în toată țara și să ducă la refacerea statului bulgar independent.³⁹

Răscoala a izbucnit în condițiile în care Mihai Viteazul a trecut la sud de Dunăre, iar înfrângerea ei se explică în parte prin retragerea domnitorului român, răsculații neprimind alt ajutor.

După înăbușirea răscoalei, mulți bulgari s-au refugiat în Țara Românească. Dionisie Rally a devenit unul din sfetnicii apropiați ai lui Mihai Viteazul, iar după unirea Țărilor Române sub aceeași conducere politică a fost numit mitropolit al Moldovei.

Concomitent cu marea răscoală a bulgarilor au avut loc acțiuni antiotomane ale sârbilor și grecilor.⁴⁰

Victoriile lui Mihai Viteazul i-au silit pe turci să încheie pacea în octombrie 1598, în condițiile dorite de domnul român. Acesta nu a renunțat însă la ideea eliberării popoarelor balcanice printr-o campanie victorioasă la sud de Dunăre.

Destrămarea cualiției de luptă a Țărilor Române, sub impactul luptelor pe care Imperiul habsburgic, cel otoman și regatul polon le dădeau pentru stăpânirea gurilor Dunării și a țărmului pontic, i-a impus lui Mihai Viteazul amânarea campaniei sud-dunărene și opțiunea pentru varianta planului dacic, care presupunea reconstituirea în formă românească, prin unirea celor trei Țări Române, a vechii Dacii.

După realizarea primei uniri politice a românilor, Mihai Viteazul a continuat să nutrească planul unei mari campanii în Balcani. Cronicarul Szamoskozy consemna că în primăvara anului 1600 domnul a făgăduit împăratului "că el va trece Dunărea cu ostașii din cele trei țări: Țara Românească, Moldova și Ardeal, ca și cu lefegii plătiți de împărat și nu să va întoarce până ce nu va bate zidurile Țarigradului".⁴¹

La 2 februarie 1600, Mihai Viteazul se adresa regelui Spaniei Filip III-lea, solicitându-i ajutor ca să treacă Dunărea și să lovească "nu numai ținuturile mărginașe, ci chiar Constantinopolul, inima Imperiului turcesc".

Împrejurările nu i-au permis lui Mihai Viteazul să revină în sudul Dunării. Domnitorul român a continuat însă să fie în ochii popoarelor din Balcani marea nădejde a lumii creștine spre care își îndreptau cererile de ajutor.

Faima faptelor lui Mihai Viteazul avea să dăinuiască peste veacuri, nu numai în sînul poporului român, ci și al popoarelor din Balcani; el este sursa ceroului multor balade populare bulgare și sârbești. În aceste balade elementele reale se împletesc cu fapte neverosimile; uneori numele domnitorului este însoțit de calificativul cu care a rămas în istorie, de "Viteazul", eliberator al popoarelor robite din Balcani.⁴³

Alături de figura marelui domnitor român apar în folclorul balcanic câțiva dintre cei mai apropiați și viteji căpitani ai lui, originari din Balcani, ca Deli Marcu și Baba Novac.

Împrejurările istorice au împiedicat să triumfe planul în numele căruia s-au ridicat popoarele din Balcani la sfârșitul secolului al XVI-lea, când ele au înscris una din cele mai frumoase pagini de colaborare a lor în lupta pentru libertate. Această colaborare, deși nu și-a atins scopul propus avea să întărească încrederea popoarelor sud-est europene în forțele lor unite și să fie un important capital moral și politic în marile momente care au condus la eliberarea și organizarea lor în state naționale.

Георгий АСТВАЦАТУРОВ
**ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БОЛГАР В ЛЕВОБЕРЕЖНОЕ
ПОДНЕСТРОВЬЕ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА**

Сведения о переселении болгар в левобережные районы Молдовы до конца XVIII в. современные исследователи черпают главным образом из трудов историков XIX в. А.Скальковского, В.Григоревича, Н.Мурзакевича, А.Попруженко и др.¹ Однако этих сведений явно недостаточно, чтобы проследить всю динамику переселения, изучить миграции болгар, узнать их дальнейшую судьбу. В итоге современные исследователи ограничиваются лишь констатацией факта о наличии в том или ином населенном пункте болгар без объяснения причин их полного отсутствия через какой-то десяток лет. Другие же специалисты недостаточно доказательно делают вывод об ассимиляции болгар².

Материалы центральных российских архивов уже в достаточной мере изучены, большей частью опубликованы или введены в научный оборот. В то же время любые новые документальные данные периферийных архивов Кишинева, Одессы, Херсона, Днепропетровска могут дать обильную пищу к размышлениям и, возможно, даже к изменению традиционных взглядов на болгарское переселение в Новороссию, в том числе и в левобережное Поднестровье.

На миграционные процессы, происходившие в данном регионе, существенно повлияли бурные события конца XVIII в. К этому времени политическая карта Европы существенно видоизменилась. В результате русско-турецких войн и раздела Польши Россия овладела Очаковской областью. Русская администрация позаботилась о скорейшем заселении новоприобретенных земель. План заселения Очаковской области в 1790-е годы несколько раз менялся. После заключения Ясского мирного договора в 1791 г. нижнюю часть Очаковской области, начинавшуюся от с.Парка-

ны, предполагалось заселить черноморскими казаками, а верно, по свидетельству инженер-майора Ф.П. де Волана, исповедовать "для поселения молдаван, армян и бессарабов"³. Вполне очевидно, что в данном случае понятие "бессарабцы" носило собирательный характер, и в эту категорию переселенцев включались представители различных национальностей, но в первую очередь болгары. Об этом имеются сообщения того же Ф.П. Волана, отличающиеся исключительной добросовестностью даже педантизмом. Царский чиновник указывает на наличие болгарских семей в селах: Дороцком — 40 семей, Перерыте — 9, Кошнице — 574. В их число также вошли болгары, поселившиеся в районе Дубоссар задолго до Ясского мира, а кроме того, сдавшиеся в плен А.В.Суворову и воевавшие в составе Бугского казачьего войска.

Однако уже в августе 1792 г. заселение свободных земель было скоординировано в связи с переселением потерявших своего покровителя Г.А.Потемкина черноморцев на Кубань, согласно указу Екатерины II. Общеизвестно, что не все казаки последовали за своими старшинами. Значительная часть их бежала за Днестр, некоторые остались. Так или иначе, в опустевшие казачьи села стали возвращаться старожилы и прибывать новые семьи молдаван и болгар. После окончания войны в приднестровских селах стали селиться воевавшие в русской армии арнауты из числа молдаван, сербов, болгар. Много болгар воевало в составе сербских военных формирований. В ряде сел южнее с.Терновка были записаны "сербской нации арнауты". Помимо них, многим офицерам этих формирований были пожалованы небольшие земельные владения. Более всего таких было в селах Чобручи и Глиное. В списке офицеров из 25 человек лишь однажды указана национальная принадлежность. Тем не менее, имена и фамилии названных офицеров предполагают их сербско-болгарское происхождение: Гаврило Додонов, Илие Тодорович, Георгий Добров, Георгий Степанович, Михай Петрович и др.⁵ Вместе с сербами и болгарскими арнаутом и офицерами, прибыли и священнослужители. Яков и Иосиф Добриловы, Илие Драгутин. Национальная принадлежность братьев Добриловых не упоминается, но о принявшем сан священника Илье Даниловиче Драгутине известно, что

он "из сербских дворян". Начав службу дьячком Тираспольской соборной церкви, И.Драгутин стал впоследствии священником с.Граденица и благочинным⁶.

В последние пять лет XVIII в. произошли кардинальные перемены в национальном и количественном составе приднестровских сел. 23 июня 1794 г. Екатерина II подписала указ о проведении Пятых ревизских сказок. В Тираспольском уезде, куда входили левобережные села, составление ревизских сказок началось летом 1795 г. Их проведение было равносильно для большинства крестьян стихийному бедствию. Началось их массовое бегство за Днестр. В описи дел Тираспольского уездного суда за 1795-1799 гг. большей частью упоминаются дела о "попытках крестьян бежать за границу"⁷. В основном исследователи склонны объяснять бегство сельских жителей попытками помещичьего закрепощения. Это не совсем соответствует действительности. Царское правительство по настоянию Вознесенского наместника В.В.Каховского оставило приднестровские села казенными. Но и оттуда бегство крестьян носило массовый характер. Причина такого неординарного явления заключалась в резком увеличении налогового гнета сельских, да и городских жителей. Проведение ревизии предполагало учет плательщиков подушной подати. Помимо этого налога, поселяне выполняли еще ряд других денежных и натуральных повинностей. Принцип круговой поруки, заложенный в общине, приводил к тому, что податное население платило не только за себя, но и за умерших, за бежавших между ревизиями, стариков, инвалидов и т. д.⁸

В первую очередь мигрировали те слои населения, которые, пользуясь пограничным положением области, вообще избегали уплаты каких-либо налогов. Среди них значительное число занимали и болгарские семьи, количество которых в левобережном Поднестровье резко уменьшилось. Уже по ревизским сказкам 1795 г. болгары встречаются лишь в единичных случаях и записаны не отдельной группой, а среди "молдавских выходцев". О национальной принадлежности многих можно лишь догадываться. Пик бегства крестьян, включая и болгар, на правый берег Днестра приходится на 1797-1798 гг., когда в полной мере стала ощущаться тяжесть налогового бремени⁹.

Ответ на вопрос о дальнейшей судьбе приднестровских болгар позволяют дать архивные документы о розыске беглых, например, жители Дубоссар, относившиеся к категории казенных поселян, недовольные непосильным налоговым гнетом, обратились весной 1812 г. к генерал-губернатору Новороссийского края Э.О.Ришелье с прошением о снятии с них обременительных повинностей и представили список бежавших за границу болгар, которых они были вынуждены выплачивать до тех пор пока Дубоссарцам удалось даже выяснить новые места проживания 11 болгарских семей: Кишинев, Килия, Рени, Хотин, Измаил, Яссы¹⁰.

Таким образом, к началу XIX в. в окрестностях Дубоссар Тирасполя почти не осталось болгар. Пленные болгары после нескольких лет пребывания в Левобережье вернулись на родину или растворились среди бессарабских болгар, возможно, некоторые из них ассимилировались в Приднестровье. Среди переселенцев 1790-х годов преобладали мелкие предприниматели, обслуживавшие огородной продукцией Дубоссары, Тирасполь и Одессу. В отличие от других категорий крестьян, они всегда отличались большей мобильностью. Среди болгар весьма был популярен отхожий промысел. Как правило, такие болгары приезжали на несколько лет, иногда на один сезон, а затем уезжали на родину. Подобный вид промысла имел место вплоть до 1917 г. Не зря один из руководителей Попечительного комитета, характеризующий болгарских переселенцев первого десятилетия XIX в., отмечает, что они «производят много пшеницы, но или зарывают вырученные деньги в землю, или уходят обратно в Турцию»¹¹.

Неустойчивость национального и численного состава в левобережном Поднестровье в конце XVIII в. во многом объясняется отсутствием у царского правительства четкой программы заселения вновь приобретенных земель. Широко рекламируя покровительство иностранным поселенцам, государство ограничивалось лишь декларациями общего характера. Именно первые неудачи и обеспокоенность неустроенностью новоприобретенных земель вызвали принятие целого пакета вполне конкретных указов: о создании конторы опекунов над иностранными поселенцами в 1799 г., о запрещении закрепощать вышедших из-за границы

1802 г., «Об обязанных поселянах» 1804 г. Изменение политики по отношению к иностранным переселенцам проявилось и в разрешении болгарам селиться отдельными колониями, освобождении колонистов на 10 лет от уплаты налогов и в предоставлении еще целого ряда льгот. К 1816 г. в Тираспольском уезде закончилась Генеральное межевание и колонисты получили значительные наделы земли. Однако к тому времени в приднестровской полосе осталось только одно село с компактным проживанием болгар — Парканы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Скальковский А. *Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае*. Одесса, 1848; Григорович В. *Записка о пособиях к изучению южнорусской земли, находящихся в военно-ученом архиве Главного штаба* // Записки императорского Новороссийского университета. Т. 20. — Одесса, 1876; Мурзакевич Н. *Очерки успехов Новороссийского края и Бессарабии*. — Одесса, 1846.

² Грек И., Червенков Н. *Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще*. — София, 1993. С. 11.

³ Григорович В. *Записка о пособиях...* // *Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете*. Т. 25. — Одесса, 1916. С. 386.

⁴ Там же. С. 387.

⁵ ХОГА, ф. 22, оп. 1, лл. 901-903.

⁶ ГАОО, ф. 37, оп. 2а, д. 82, л. 54.

⁷ НАРМ, ф. 303, оп. 1, д. 4, лл. 4-8.

⁸ Анцупов И.А. *Крестьяне Левобережного Поднестровья в дореформенный период*. — Кишинев, 1990. С. 27.

⁹ НАРМ, ф. 303, оп. 1, д. 4, лл. 6-8.

¹⁰ НАРМ, ф. 1, оп. 1, д. 3875, лл. 1-3.

¹¹ Фадеев А. М. *Воспоминания* // *Русский архив*. 1891. № 3. С. 324.

Ion CHIRTOAGĂ
**ETAPELE AȘEZĂRII UNOR GRUPURI DE
 POPULAȚIE DIN BALCANI PE TERITORIUL
 MOLDOVEI**

Pe parcursul a mai multor secole din Balcani pe teritoriul Moldovei au sosit grupuri de migranți. În sursele istorice ei sunt consemnați cu diferite numiri, care desemnează țara de unde au sosit (Bulgaria, Grecia etc.). Printre ei erau și etnici români sosiți din diferite țări balcanice. În continuare vom trasa etapele de sosire a unor grupuri de migranți balcanici pe teritoriul țării noastre, evidențiind apartenența lor etnică.

Spre finele sec. al XIV-lea și cel următor otomanii pe rând au ocupat rămășițele Imperiului Bizantin, Bulgaria, iar mai târziu Albania și Serbia. Instaurarea dominației străine în țările balcanice nominalizate a provocat valuri de migrație de populație de pe teritoriul ocupat în Moldova și alte țări din nordul Dunării. Drept mărturie pot servi datele toponimice¹. În sec. XV-XVI pe teritoriul Moldovei a fost întărită proprietatea asupra unor sate și locuri care purtau numele Bulgari: în ținutul Neamț (lângă orașul Peatra Neamț); în ținutul Vaslui (lângă Roșiori "unde este Pavel Bulgaru"). Unele toponime Șcheea din sudul Moldovei pot desemna pe slavii sosiți din Balcani, dar și pe românii veniți din Bulgaria ori Serbia. Localități și locuri cu numele Șcheea se întâlnesc: în ținutul Tîgheci (pe Frumoasa lângă Cahul); ținutul Vaslui (lângă Prut și pe Siret); ținutul Neamț (pe Valea Albă); ținutul Roman (pe Siret, în ocolul târgului Roman, în hotar cu Micleușeni); județul Galați (lângă Oancea).

Tot în acea perioadă sunt menționate sate cu numele Greci: în ținutul Soroca (între Cubolta și Alexăndreni); în ținutul Tutova (pe Bogdana); pe Ciuhur (astăzi în raionul Ocnîța); pe Siret, lângă târgul Siretului; pe Suceava. Cu același nume sunt menționate: pârăul Grecului (Grecilor) în ținutul Tîgheci; valea Grecului (pe Cubolta, lângă Chetrosu din actualul raion

Drochia). Tot de originarii din Balcani e legată seliștea Sârbilor de la Corod, județul Galați.

Probabil, după ce s-au mai așezat lucrurile la sudul Dunării o parte din migranții balcanici au revenit în patria lor deoarece în documentele întâlnesc remarcele: Dărmănești, "unde au fost grecii", seliștea șchean "unde a fost satul bulgăresc"; seliștea sârbilor. Nu-i exclus că unii din sosiți în Moldova cu numele de greci, bulgari, sârbi să fi fost de origine română deoarece în prezent localitățile nominalizate au o populație românească.

După căderea Chilie, Cetății Albe (1484) și altor localități importante din Moldova Poarta și-a întărit puterea ei cu etnici turci din Balcani și regiuni ale Imperiului otoman. În secolele următoare mii de turci se așază la Chilia, Cetatea Albă, Tighina, Ismail, Hotin, Reni etc. Mulți dintre ei sosit din Dobrogea. În sec. XVI-lea pe teritoriul Moldovei ocupat de otomani se aflau 16 cămine de nomazi turci numiți iuriuci din grupul kogalnic (răspândit și în partea de nord vest a peninsulei Balcanice)². Ei numărau circa 500 de bărbați apti pentru serviciul militar. Unii dintre ei numiți către Grigore Ureche turci ciutaci³ se aflau în stânga Nistrului. Aceste certitudine erau turci musulmani deoarece în sursele ulterioare în stânga Nistrului n-au fost depistate urme de găgăuzi.

În sec. XVI-XVIII în rândul boierilor și negustorilor din Moldova infiltrază mulți balcanici cu numele de greci, uneori sârbi ori albaneși. Majoritatea acestora sunt etnici greci. Dar printre ei se întâlnesc și migranți de origine română ca spre exemplu, Vasile Lupu, Miron Costin ori Neculce, ultimii doi preținși de Cantemir că ar fi fost sârbi⁴.

Drept mărturie a migrației nemusulmane în teritoriul Moldovei stăpânite de otomani servesc unele informații indirecte depistate din însemnările călătorilor străini. În 1657 și 1659 la Ismail pe rând au fost Evlia Celebi Paul de Alep și Filip Stanislavov. Potrivit lui Evlia Celebi "orașul acesta compus în total din două mii de case. În el sunt trei mahalale locuite de musulmani: restul e plin de greci (adică ortodocși — n.n.), armeni și evrei. În baza însemnărilor lui Paul de Alep se poate conchide că ortodocșii erau cu prioritate de origine română⁶, fiind numiți de F. Stanislavov "moldoveni și munteni"⁷. Tot la Paul de Alep întâlnim niște "bulgari" care la F. Stanislavov figurează cu numele de "mysi, adică dobrogeni". Prin urmare o parte din grecii, "armenii și evreii" menționați de Evlia Celebi sunt "bulgarii" lui Paul de Alep și "dobrogenii" lui F. Stanislavov. Or, după cum s-a exprimat ultimii aceaștea sunt "familii fugite... de tirania turcilor și venite să locuiască aici

În mod similar se poate deduce și despre evoluția aspectului etnic al altor orașe din regiune. Evlia Celebi relatează, că la Chilia "raiața este valahă și moldovenească"⁹, iar la Tighina erau "șapte mahalale de valahi și moldoveni"¹⁰. Însă ulterior alături de români în aceste localități sunt menționați armeni, probabil sosiți din dreapta Dunării.

În 1713 trecând prin Moldova călătorul Motraye relatează că la Căușeni locuiau "moldoveni și evrei", iar în 1714 un călător anonim menționează că în localitate trăiau "volohii, bulgarii și grecii"¹¹. Din aceste două relatări se poate conchide că la începutul sec. al XVIII-lea în Căușeni locuiau românii băștinași din Moldova și un grup de migranți transdunăreni de origine evreească, sosit din Bulgaria și Grecia. Peste un timp la Căușeni a sosit un grup de armeni deoarece în 1772 în localitate au fost înregistrați 280 oameni, inclusiv 141 români, 134 armeni, 4 țigani și un evreu¹². Potrivit aceluiși anonim în s. Belacovo (Delacău din stânga Nistrului) locuiau 100 de familii (cifra exagerată) de volohi și bulgari, iar în 1772 — 35 de români¹⁴; în Ismail — același anonim menționează pe volohi, bulgari și greci, iar în 1809 în oraș locuiau 599 români, 252 armeni și 48 țigani¹⁵. Anonimul mai menționează volohi și bulgari, adică români băștinași și migranți transdunăreni sosiți din Balcani în s. Iagorlâc din stânga Nistrului.

În sec. al XVIII-lea în unele surse scrise migrații transdunăreni sunt menționați ca sârbi ori greci, dar pot fi și români. Spre exemplu, în 1771 un sârb din Austria căsătorit cu o fată din Purcari dorea să moștenească o vie a socrului său¹⁶. Însă recensământele din 1772-1773 și 1774 în Purcari și alte localități din circumscripțiile Tighina sau Cetatea Albă n-a înregistrat nici un sârb¹⁷. Prin urmare așa numiții sârbi erau români din unele teritorii balcanice ocupate de Imperiul otoman sau cel austriac¹⁸. În aceleași recensăminte (dar în alte circumscripții) au fost înregistrate mai multe familii de "sârbi" și la 400 de "greci", încadrați în comerțul de pe teritoriul Moldovei¹⁹.

Din Balcani încercau să se așeze cu traiul în stânga Dunării mi multe familii de locuitori rurali, însă această mișcare era stopată de administrația otomană. În firmanul sultanului Mehmed al IV-lea din 13-22 martie 1680 se relatează: "Populația satelor numite Iglia și Teplegic (?) dependente de cazaua Măcin, precum și alții, făcând arzul la ordie (reclamație la Poartă — n.n.) ... au arătat că doi-trei ani încoace, cele mai multe raiale (birnicii — n.n.) din satele dependente de cazaua menționată s-au împrăștiat, unii dintre ei așezându-se în localitățile numite Rachel (de lângă Isaccea — n.n.) și Tomarova"²⁰, adică Reni. Organele centrale și sipahii de pe loc

erau îngrijorați că în urma acestor strămutării erau în pierdere deținută de rentă și fiscul otoman de aceea în continuare sultanul dă în această privință o dispoziție severă: "Am rugat să fie dată porunca mea ... pentru ca raiaii să fugite să fie luate și duse... și reasezate în vechile lor locuri și cămine".

În 1794 în apropierea Ismailului s-au refugiat circa 1000 de familii din Rumelia, adică din Balcani. La 25 aprilie 1795 marele vizir Mehmed Iz pașa a dat ordin domnului Moldovei Mihai Suțu să ajute autoritățile otomane la reîntoarcerea refugiaților amintiți la locurile lor de baștină²². Doar o parte din refugiați au rămas pe loc și în vara anului 1807 de la numele preotului Gheorghe a comunicat autorităților ruse că au trecut Dunărea cu 1000 ani mai înainte. În 19 localități ale circumscripției Reni (inclusiv Colibăși, Brânza, Văleni, Fricăței, Hagi-Abdul, Barta) se aflau 200 familii ori circa 1000 de migranți transdunăreni²³. Din confruntarea acestor date cu cele ulterioare am conchis că circa 840 oameni (82%) erau de origine română iar găgăuzii și bulgarii formau respectiv 15 și 3%.

Numărul migranților transdunăreni s-a majorat în 1809 în legătură cu înaintarea armatei ruse în Balcani. Aflându-se în zona operațiilor militare un număr de locuitori ai circumscripțiilor Bazargic, Varna și Silistra au fost mai întâi evacuați de către turci spre munții Balcani, iar apoi nimeriți în mâinile rușilor în direcție opusă, spre Hârșova și în stânga Dunării²⁴. La 1 decembrie 1809 în stânga Dunării se aflau 12 509 migranți transdunăreni, însă în Basarabia, potrivit relatărilor boierilor divanului — doar 4000, probabil, împreună cu cei veniți mai înainte în frunte cu preotul Gheorghe și de data aceasta din Balcani au sosit în Moldova mai mulți români și găgăuzi.

În 1811 armata rusă a mai întreprins o campanie în Balcani soldată cu un nou val de migranți transdunăreni în stânga Dunării. De data aceasta migranții venise din apropierea orașelor Ruseiuc, Nicopol și Silistra²⁷, cu prioritate de origine bulgară. În stânga Dunării numărul lor ajunsese la 10 337 oameni. În octombrie 1811 în Basarabia se aflau 10 048 migranți transdunăreni, inclusiv 4047 oameni (40%) erau de origine română²⁸.

Conform prevederilor păcii la București timp de 18 luni migranții din dreapta Prutului puteau să se transfere în stânga lui²⁹. În a doua jumătate a anului 1812 și în cel următor o bună parte din migranții transdunăreni s-au folosit de acest drept. Însă în 1814 o parte de români și migranți transdunăreni, inclusiv de origine română s-au refugiat în dreapta Prutului. În 1816 în Basarabia locuiau 24360 migranți, inclusiv 20 496 bulgari și găgăuzi, 3534 români dobrogeni și 330 greci³¹. Prin urmare din 1811 până

în 1816 numărul migranților transdunăreni s-a majorat de la 10 048 oameni până la 24 360 (cu 122%), iar numărul românilor dobrogeni s-a redus de la 4047 până la 3534 (cu 513 oameni) și ponderea lor de la 40% — la 19%.

La 29 decembrie 1819 senatul Rusiei a emis ucazul despre formarea coloniilor migranților transdunăreni, acordându-li-se mai multe privilegii. Aceasta a contribuit la sporirea numărului lor până la 38 028 oameni în 1827³².

După războiul ruso-turc din 1828-1829 și aflarea prelungită a armatei ruse în Balcani mai mulți migranți transdunăreni au sosit în Basarabia. La începutul anului 1832 în Basarabia au fost înregistrați 36 294 migranți transdunăreni sosiți decurând în regiune. În anii următori din Basarabia în patria lor au revenit 20 839 migranți transdunăreni. În 1836 în Bugeac locuiau 57 032 migranți transdunăreni³³.

Din cele relatate pot fi determinate următoarele etape de migrare a balcanicilor pe teritoriul Moldovei. Prima etapă: la finele sec. al XIV-lea și în sec. XV se observă o migrare a bulgarilor, grecilor și probabil a românilor și sârbilor care fugeau de turci. Numărul refugiaților era limitat.

— A doua etapă se începe cu anul 1484 și ține până în primii ani după pacea de la Iași. Pe teritoriul Moldovei au fost aduse câteva zeci de mii de etnici turci pentru a o ține în supunerea Porții otomane. În această perioadă a sosit și un număr nu prea mare de greci, români, bulgari, armeni, evrei și albanezi.

— A treia etapă e legată de luptele interne din Imperiul otoman de la sfârșitul sec. XVIII-lea. Atunci în Basarabia au sosit circa 1000 de migranți transdunăreni inclusiv 820 români (82%). Pe locul doi și trei se aflau găgăuzii și bulgarii cu 15 și respectiv 3%.

— A patra etapă din 1809 s-a soldat cu circa 3000 români și găgăuzi.

— A cincea etapă din 1811 s-a soldat cu 6000 migranți cu prioritate de origine bulgară.

— A șasea etapă e legată de sporirea după 1812 a migranților transdunăreni până la 38028 de coloniști în 1827.

— A șaptea etapă e legată de sosirea în 1830-1831 a unui val mare de migranți transdunăreni, care în 1836 atingea numărul de 16 mii oameni.

Astfel majoritatea absolută a migranților transdunăreni a sosit pe teritoriul Basarabiei după pacea de la București

NOTE

1. *Documente privind istoria României A. Moldova. Veac. XIV-XV*, Vol. I. București, 1954, p. 34, 83, 280, 320, 355; Veac. XVI, Vol. I, 1953, p. 25, 29, 46-47, 171-177, 202, 298, 484; Vol. II, 1953, p. 49-50, 183, 189; Vol. III, 1951, p. 465; Vol. IV, 1952, p. 234, 235; Veac. XVII, vol. I, 1951, p. 68, 151, 234, 728-729; Vol. II, p. 18, 138, 150, 344; vol. III, 1954, p. 81, 139-140; Vol. IV, 1956, p. 18, 63, 230, 319, 363-364, 465.
2. M.T. Gekbilgin. *Rumeli'de Yürükler, Tatarlar ve Evlâd-i fatihân*. Istanbul, 1990, s. 92, 112-115.
3. *Letopisețul Țării Moldovei*. Chișinău. 1990. P.113.
4. D. Cantemir. *Descrierea Moldovei*. Chișinău. 1988. P. 144-145.
5. *Călători străini despre țările române*. Vol. VI, București, 1976, p.406-407.
6. *Ibidem*, p. 282.
7. *Ibidem*, vol. V, București, 1973, p.618.
8. *Ibidem*.
9. *Ibidem*, vol. VI, p.446.
10. *Ibidem*, p. 418.
10. Sc. Chalimachi. *Călători evrei în principatele române*. Iași, 1936, p.34.
11. A.A. Русов. *Русские трактаты в конце XVII и начале XVIII вв.* Киев. 1976. С.8-9.
12. РГАДА (Российский Государственный Архив Древних Актов), ф. 29, оп.1, д.398, л.120.
13. *Ibidem*, f.293, r.1, d.398, f.120 verso.
14. РГВИА (Российский Государственный Военно-Исторический Архив), ф.14209, оп.5/165, д.6, часть I, л.31.
15. РГАДА, ф.293, оп.1, д.385, л.526-526 об.
16. *Ibidem*, d.398, f. 120-120 verso.
17. *Istoria Românilor*. Ed. A.R., vol. III, București. 1963. P.465.
18. *Moldova în epoca feudalismului*. Vol. VII, partea I. Chișinău. 1975.
19. T. Gemil. *Relațiile țărilor române cu Poarta în documente turcești (1601-1712)*, București. 1984, p. 356.
20. *Ibidem*.
21. *Catalogul documentelor turcești*, vol. II. București. 1965. P. 384.
22. РГВИА, ф.14209, оп.5/165, д. 52, л.1-1 об.
23. *Ibidem*, d.27, f. 2.
24. *Ibidem*, d.18, f.6-6 verso.
25. A.N.R.M., f. 1, r.1, d. 3639, f. 61.
26. *Устройство задунайских переселением и деятельность Ю.П.Юшневского*. Сб. документов. Кишинев. 1957. С. 3-4.
27. A.P.Arbore. *Informațiuni etnografice și mișcări de populațiune în Basarabia sudică și Dobrogea în veac. XVIII-XIX*. Cernăuți, 1929, p. 14-15.
28. *Устройство задунайских переселенцев...* С. 217-218.
29. РГВИА, ф. ВУА, д. 1858, 1816 г. Л. 41.
30. *Устройство задунайских переселенцев...* С. 242-244.
31. В.М. Кабузан. *Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец VIII — первая половина XIX в.)*. Кишинев, 1974. С.44.
32. *Ibidem*, p. 45-46.

Владимир ГРЕК
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ПРУТО-
ДНЕСТРОВСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ И
БОЛГАРСКИХ ЗЕМЕЛЬ ДО 1878 ГОДА:
ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ

История взаимоотношений Молдовы и Болгарии, в том числе и экономических, насчитывает несколько столетий, несмотря на то, что как независимые государства наши страны впервые встретились на политической карте мира только в 1991 году. Развитие отношений не смогли остановить ни пятивековое нахождение Болгарии под османским игом, ни многочисленные русско-турецкие войны, ни политические перипетии, связанные с вхождением Бессарабии в состав Российской империи и Румынского королевства.

Экономические связи между ними в новое время еще не были объектом специального исследования, хотя многие историки в отдельных монографиях и научных статьях затрагивали этот аспект русско-турецких отношений. В связи с этим представляет интерес обобщение имеющихся по данному вопросу сведений, обозначение основных периодов, особенностей и специфики этих отношений.

Объективным фактором, определившим наличие и развитие торговых связей и взаимоотношений между экономическими субъектами наших стран, является прежде всего их географическая близость. Местонахождение Молдовы и Болгарии в Юго-Восточной Европе, наряду со схожими природно-климатическими условиями, их экономическими возможностями и потребностями, обуславливает также очень близкую для наших народов историческую судьбу.

Целый ряд географических, природных и исторических обстоятельств оказывает существенное влияние на миграционные процессы, а как следствие, и на развитие экономических связей между болгарскими землями и Пруто-Днестровским междуречьем еще во времена хана Аспаруха, Первого и Второго Болгарских царств и в период османского владычества на Балканах и в Северном Причерноморье¹.

К сожалению, сведений, подтверждающих наличие в новое время торговых связей между болгарскими землями и Молдавским княжеством, обнаружить удалось очень мало. Однако это в коей мере не ставит под сомнение утверждения об их существовании в конце XVIII — начале XIX века².

Балканский полуостров и прилегающие к нему районы, как известно, в новое время являлись если не основной, то основной лагающей частью геополитических интересов России, Турции и многих западноевропейских государств. Поэтому середина XVIII в., а именно тогда Российская империя все настойчивее стремится занять твердую позицию, в том числе и на рынках Балканского полуострова, может считаться, так сказать, “официальным” началом молдаво-болгарских экономических взаимоотношений.

В соответствии с проводимой политикой, Россия всесторонне поощряет попытки своих подданных торговать с этим регионом, а “более интенсивное развитие капиталистических отношений в юге России, чем в целом по стране, создавало предпосылки для налаживания прочных экономических связей с сопредельными районами Османской империи”³. Последовавшее к концу XVIII — началу XIX века расширение торговли между Россией и Балканским полуостровом превращает Северное Причерноморье, в том числе и некоторые районы нынешней Молдовы, с одной стороны, в прямого партнера в торговле с болгарскими землями, а с другой — в перевалочный пункт по пути русских торговцев в Балканы и обратно⁴.

Поворотным пунктом в истории молдаво-болгарских отношений, в результате которого торговые связи расширяются и становятся более насыщенными, по праву можно считать 1812 год, когда Пруто-Днестровское междуречье, называемое теперь Бессарабией,

ей, входит в состав Российской империи.

Однако основой благоприятного развития данных отношений явилась деятельность Российского государства в целях наиболее интенсивного использования права торгового судоходства в Черном и Средиземном морях в период с 1774 по 1783 гг. В частности, образование русской торговой конторы, сотрудники которой в 1778 г. разъехались по Европейской Турции для сбора коммерческой информации и для осуществления “прямых контактов с христианским населением на болгарских землях”. Подписание в Константинополе 10 июня 1783 г. русско-турецкого торгового договора, по которому “российские купцы получали право свободной и беспошлинной торговли по всей территории Османской империи, равно как и турецкие в России”, сохранялась 25% скидка с пошлины на турецкие товары, провозимые через европейскую границу, и другие торговые облегчения для сторон; действующего с различными дополнениями до 1846 года, на долгий период создало благоприятные условия для развития русско-турецкой торговли, в том числе, начиная с 1812 г., между Бессарабией и болгарскими землями⁵.

Появление в южных районах России компактных болгарских поселений дало толчок усилению торговли с болгарскими землями. Бессарабские купцы, среди которых болгарские переселенцы выделялись отличным знанием конъюнктуры местных рынков, экспортировали туда в основном сельскохозяйственную продукцию: пшеницу, рожь, муку, мясо, сыры, сало и т. п. С Балкан же привозились ткани, сукно, полотно, ковры, пряности, шерсть, болгарский каракуль, а также древесина. Кроме отмеченного выше, давно известного купцам пути Бессарабия-Балканский полуостров через Килию и Аккерман, открывает новые, более современные и качественные каналы для торговли: Одесса — Царьград — болгарские земли, Одесса — Измаил — причерноморские или дунайские болгарские порты, Рени — Галац — дунайские болгарские города⁶. В 1817-1827 гг. из центральных российских губерний, Малороссии и Бессарабии через Рени, Измаил в Силистру, Видин и Русе поступают различные мануфактурные произведения: чугун, железо, кожа и изделия из кожи, изделия ремесленников. Одесская “Коммерческая газета” от 21 мая 1855 г. отмеча-

ет, что в Болгарии, незнакомой в то время не только с английскими, но даже с австрийскими товарами, недорогие русские товары пользовались большим спросом. В то же время Бессарабия должна была поставлять в болгарские земли продукцию земледелия и животноводства⁷.

Со второй четверти XIX века росту этой региональной торговли в большой степени способствуют различные (направленные на укрепление экспортных позиций) мероприятия внешнеэкономического характера, предпринимаемые со стороны русского правительства. Их список включает уменьшение пошлин и разрешение беспошлинного вывоза сельскохозяйственной продукции через бессарабские таможни, черноморские порты и по Дунаю; предоставление торговых льгот Измаилу и Кишиневу; положительные изменения в статусе ренийской таможни; разрешение бессарабским купцам записываться в купеческие гильдии и некоторые другие решения.

Не меньшее, а скорее, даже более существенное значение в динамике роста торговых связей между Бессарабией и болгарскими землями в данный период имеют некоторые русско-турецкие договоры и соглашения: Аккерманская конвенция 1826 г., Ункяр-Искелесийский договор 1833 г., добивающиеся для России экономической свободы в Черноморском бассейне, покровительства христианским народам Балканского полуострова и более свободного режима торговли в данном регионе⁸.

Все это действительно привело к «обеспечению внешнеэкономических интересов России на Балканах» и «увеличению экспорта товаров в Турцию через черноморские, азовские и дунайские порты» к середине 30-х годов прошлого века. Таким образом, Бессарабия к этому времени превращается из транзитного звена в торговле между Россией и данным регионом в русский форпост в борьбе за влияние на Балканах, и здесь, естественно, появляются новые купцы, с выгодой использующие данные обстоятельства. Так например, в середине 30-х годов XIX в. в Кюстенджийском округе открывается ярмарка, на которой купцы очень выгодно продают скот. Как отмечает «Одесский вестник», торговцы из Одессы и Бессарабии, ободренные первыми опытами продажи скота, начинают его закупку для дальнейшего предложения в бол-

гарских землях⁹.

Некоторые проблемы в торговых отношениях в то время были связаны с импортом болгарских товаров. «Запрет на свободное обращение в болгарских землях других валют, кроме турецкой, повышал цену товара на 15-20%», что, естественно, сдерживало более интенсивное развитие торговли¹⁰.

Но, несмотря на объективные сложности процесса, для этого периода в торговле Бессарабии с болгарскими землями характерно расширение ассортимента и объемов ввозимых и вывозимых товаров, и к середине XIX в. торгово-экономические отношения достигают довольно высокого уровня для своего времени.

Ухудшение позиций Российской империи на Балканах в политическом плане наметилось в начале 40-х годов. Это не замедлило сказаться на экономических отношениях России и Турции, и, как следствие, — на торговых связях Бессарабии с болгарскими землями. Уже в апреле 1846 г. в Балта-Лимане был подписан новый русско-турецкий торговый договор, ограничивающий возможности российских купцов на территории Османской империи, в том числе и в Европейской Турции¹¹. Проигранная Россией Крымская война в корне подрывает возможность перспективного развития торговых связей.

Последовавшее после подписания Парижского мирного договора 1856 года разделение Бессарабии на румынскую и русскую части, при котором крупнейшие дунайские порты Рени, Измаил и Килия отошли к Румынии, способствовало увеличению роли Одессы как отправного и приемного пункта в торговле с Балканами. Русская часть Бессарабии на определенное время теряет свое стратегическое торговое значение. С другой стороны, как отмечают многие исследователи, в период после окончания Крымской войны и до освобождения Болгарии положение усугубляется мировыми экономическими кризисами 1857 и 1873 гг., а также отрицательными для России последствиями режима свободной торговли для иностранцев в Турции и Причерноморском регионе¹².

Но независимо от многочисленных негативно влияющих факторов, в 50-е-60-е годы прошлого века сохраняется, хотя и в минимальных объемах, торговля между русской частью Бессарабии

и болгарскими землями через Одессу. Именно в это время “Русским обществом пароходного плавания и торговли” открывается рейсовое сообщение по маршруту Одесса — Галац — болгарские черноморские порты — Константинополь. По этому пути сельскохозяйственная продукция и мануфактурные изделия из Бессарабии все же попадали на рынки Северной Добруджи и Восточной Румелии¹³. Подобное положение сохраняется до Освобождения Болгарии в 1878 г.

Переходя к общим выводам хочется еще раз отметить качественно различные этапы в развитии молдаво-болгарских экономических связей в новое время до 1878 г. Первый этап, включающий торговые связи между болгарскими землями и Молдавским княжеством в составе Османской империи, до 1812 г. Второй — с 1812 до середины 40-х годов XIX в. — торговли между болгарскими землями и Бессарабией в благоприятных условиях и третий — с середины 40-х годов до 1878 г. — в неблагоприятных.

За рассматриваемый период в целом экономические взаимоотношения проявляются главным образом в торговых связях. Во времена позднего феодализма и зарождающегося капитализма товарооборот осуществляется в основном продукцией сельского хозяйства, а мануфактурные произведения занимают значительно более скромный объем. Все еще отсутствуют предпосылки и возможности для развития отношений в сфере промышленного и торгового капитала.

Одна из наиболее примечательных особенностей торговых связей Пруто-Днестровского междуречья и болгарских земель заключается в том, что движущей их силой в Бессарабии являются болгарские переселенцы. Но главной особенностью данных отношений следует считать их зависимость не столько от экономической выгоды для сторон, сколько от общественно-политической ситуации в регионе, в первую очередь, от состояния русско-турецких отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кантемир Д. *Описание Молдавии*. Кишинев, 1973; Куницкий П. *Краткое статистическое описание Заднепровской области, присоединенной к России по мирному трактату, заключенному с Портою Оттоманскою в Бу-*

харесте в 1812 году. Санкт-Петербург, 1813. С.25; Верзилов А. *Очерки истории торговли Южной Руси с 1480 по 1569 год*. Чернигов, 1898. С.12, 15, 18; Подградская Е.М. *Экономические связи Молдавского княжества и Балканских стран с Русским государством в XVII веке*. Кишинев, 1980.

² Грозданова Е. *Жители на Несебър в помощ на руските войски през 1770-1771гг.* // *Векове*, 1976, № 5. С.72-75; Грозданова Е., Андреев С. *Османско-турски документи за южното българско Черноморие и прилежащия му район.* // *Векове*, 1980, № 6. С.80-89.

³ Шеремет В.И. *Русско-турецкая торговля и балканские земли (конец XVIII — первая половина XIX в.)* // *Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. Балканские исследования. Вып.9.* С.74.

⁴ Хаджиниколов В. *Българо-руски стопански отношения и връзки до Освобождението ни от турско иго* // *Трудове на ВИИ “К.Маркс”*, кн.1, 1957. С.19-121.

⁴ Шеремет В.И. Указ. соч.. С.75-76.

⁴ Мешерюк И.И. *Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808-1856гг.)*. Кишинев, 1970; Анцупов И.А. *Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX веке*. Кишинев, 1981; Томулец В.Н. *Торговля Бессарабии со странами Юго-Восточной Европы в 1812—1830 гг.* // *Россия и Юго-Восточная Европа*. Кишинев, 1984. С.74-76; Грек И., Червенков Н. *Българите от Украйна и Молдова: минало и настояще*. София, 1993. С. 63-66.

⁷ Небольсин Г. *Статистические записки о внешней торговле России*. Санкт-Петербург, 1835. С. 73, 153; Томулец В.Н. Указ. соч.

⁸ Анцупов И.А. Указ. соч.. С.165.

⁹ Там же.

¹⁰ Тонев В. *Търговията между българските и руските черноморски пристанища през Възраждането* // *България в сърцето ми*. София, 1996. С.204.

¹¹ Шеремет В.И. Указ. соч.. С. 80-82.

¹² Паскалева В. *Руско-българските търговски връзки през 50-те — 70-те години на XIX век* // *Българското възраждане и Русия*. София, 1981. С. 392-414; Маждракова-Чавдарова О. *Към историята на българската стопанска емиграция в гурбетчийство след Кримската война* // *Известия на Народната библиотека “Св. св. Кирил и Методий”*. София, 1981. Т. 16. С. 87-123.

¹³ Клаус А. *Наши колонии*. Санкт-Петербург, 1869. С.336; Хаджиниколов В. Указ. соч.; Хаджиниколова Е. *Българските преселници в южните области на Русия. 1856-1878*. София, 1987. С. 91-93.

Елена БАЧИНСКАЯ (Украина)
**БОЛГАРСКОЕ И МОЛДАВСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ
В ДУНАЙСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ
(1828-1869 гг.)**

Вопрос об участии болгарского и молдавского населения в Дунайском казачьем войске, к сожалению, не изучен¹. Рассмотреть этот вопрос позволяют материалы фондов “Управление Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора” и “Главного Статистического комитета Новороссийского края” Государственного архива Одесской области.

Накануне русско-турецкой войны 1806-1812 гг. русское командование, как и в предыдущих войнах с Турцией во второй половине XVIII в., начало формировать добровольческие отряды и полки из представителей народов Балканского полуострова, Молдавии и Валахии.

Волонтерские полки формировались на двух основаниях. Добровольцы, которые “вместе со службой, вечное российское подданство примут и переселятся с семьями”, после войны получали право на приобретение земли и освобождались от земских повинностей. Они зачислялись в состав русской армии на положении офицеров и казаков Бугского казачьего войска. Другие волонтеры, которые не принимали подданство России, а “только служить будут”, получали жалование в размере содержания по штатам “арнаутских” (добровольческих) команд².

Со вступлением в конце 1806 г. русских войск в Бессарабию, а затем в Дунайские княжества, формирование волонтерских полков пошло быстрыми темпами. Был создан волонтерский корпус из шести полков: трех пеших и трех конных под командованием атамана Бугского казачьего войска полковника Н.Кантакузина

и “вольный дворянский полк” — пбмещика Корбу. В их состав вошли добровольцы из молдаван, волохов, болгар, сербов, греков³. Среди них были и участники русско-турецких войн 1768-1774 и 1787-1791 гг., в том числе болгары — капитан Зело Христо, Ангел Доник, молдаване — поручик Лука Друмашко, Иван Гросар, Михайло Кондра и др.⁴

Волонтерские полки и команды принимали активное участие в боевых действиях русской армии на Нижнем Дунае и в Молдавии. После подписания в августе 1807 г. между Россией и Турцией Слободзейского перемирия волонтерские полки, в связи с большими затратами на них, были ликвидированы⁵. Однако волонтеры и далее продолжали служить при российской армии, об этом свидетельствуют выданные им аттестаты, в частности, в Болгарском земском войске, Волынском уланском и Лубенском гусарском полках⁶. Болгарский капитан Ангел Бабанов, который служил в полках Н.Кантакузина и в Болгарском земском войске, написал об участии волонтеров в войне 1806-1812 гг.: “Созданные со всей поспешностью волонтерские конные и пешие команды продолжали службу на своем иждивении со свойственной воинскому званию неутомимостью и действуя против неприятеля с чистой совестью. Без устращимости духом храбростью старались друг перед другом отличать себя и доказать успех свой со всевозможным прилежанием. Многие пожертвовали на поле брани своей жизнью, а другие, которые в прошлую (1806-1807 гг. — Е.Б.) и во вторую кампанию (1809-1812 гг. — Е.Б.) в бою находились изувечены ранами. Эта дружина существовала до последнего мира 1812 года”⁷.

После заключения Бухарестского договора 1812 г. и присоединения Бессарабии к России значительная часть волонтеров осела в городах и селах края. Среди них были болгарские и молдавские волонтеры: Велю Баша, Атанас Матушков, Тодор Коста Христо Бабанов, Георгий Додонов, Ница Стахийев, Ница Петрекондра, Андрей Бодишор, Иван Папушой, Георгий Чорбу, Карл Буонор и др. Всего по данным Ангела Бабанова, который был уполномоченным волонтеров, их поселилось в Бессарабии до двух тысяч человек⁸.

После поселения в Бессарабии волонтеры начали требовать

за службу земельные наделы, освобождение от уплаты налогов и других земских повинностей. Однако в связи с войной с Наполеоном их земельное устройство откладывалось, но подати и повинности с них были сняты. С установлением в 1819 г. для задунайских переселенцев звания иностранных колонистов Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России начал требовать переселения волонтеров в колонистские округа. Однако от подчинения Попечительному комитету волонтеры отказались, полагая, что звание иностранного колониста ограничивает их права и заслуги перед Россией. В связи с этим местная администрация включила их в состав податного населения, требуя выплаты и отбывания повинностей. После длительной борьбы за свои права, летом 1824 г. волонтерам было предоставлено место под поселение в урочище Редой и Бабей в Аккерманском уезде с выделением 30-десятинного надела на семью. Вместе с тем, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор М.С.Воронцов приказал, чтобы со времени поселения волонтеров на этом месте, они зачислялись “в класс бессарабских коренных жителей, обязанных уплатой податей и выполнением земских повинностей”⁹.

Первые поселенцы осели здесь в 1826 г. В 1827 г. их было 127 семей, в том числе: болгарских волонтеров — Александра Киртова, Гордона Стояна, Тодора Белилова, Георгия Танасова, Дмитрия Филова и молдаван — Исака Михайлуцы, Василия Ципурдея, Годосия Бежалуцы, Лупула Фурдую, Василия Мунтяна и др. С февраля 1827 г. селение начало называться Волонтировкой (ныне в районе Штефан Водэ, Республика Молдова)¹⁰.

Попытки принудить волонтеров уплачивать налоги не дали результатов. Они считали, что по условиям формирования волонтерских полков они освобождались от “податного состояния”. Наконец, в 1827 г. волонтерам было разрешено пользоваться десятилетней льготой на выплату налогов и повинностей¹¹.

С началом русско-турецкой войны 1828-1829 гг. волонтеры обратились с письмом к новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору с просьбой зачислить их в состав русской армии. Поскольку решение вопроса о зачислении волонтеров в армию затягивалось, в середине июля 1828 г. их уполномоченные обра-

тились с просьбой о зачислении в Дунайское казачье войско полковнику С. Челобитчикову, которому и было поручено формировать Дунайское войско. Волонтеры просили включить их в состав казачества, создаваемого из украинских задубнакских порожцев и усть-дунайских буджакских казаков. 28 июля С. Челобитчиков подал М.С. Воронцову рапорт, в котором просил разрешения зачислить волонтеров в Дунайское войско, поскольку они своим знанием театра военных действий и "восточных языков" будут весьма полезны. М.С. Воронцов поддержал это предложение, и 4 августа 1828 г. царь Николай I разрешил волонтеров из поселенных в Бессарабии молдаван, болгар, сербов, греков и албанцев зачислить в состав дунайских казачьих полков¹².

Болгарское и молдавское население Дунайского войска состояло не только из числа волонтеров. Так, в войске были обнаружены беглые помещицы и государственные крестьяне молдаван Василий Витязев, Тодор Рангло, Георгий Граури, Михаил Тимкул. Они записались в казаки под чужими именами. Вошли в состав дунайских полков молдавский дворянин Андрей Мирза — бывший казак Усть-Дунайского Буджакского войска, молдавские мазылы Трофим и Сидор Станил, Леонтий и Семен Албул¹³.

Позднее, в период русско-турецкой войны 1853-1856 гг. болгарское и молдавское население Дунайского войска пополнилось за счет зачисления в его состав 41 молдавского милиционера и 20 добровольцев из болгарских колоний: Саввы Нягулова, Ивана Николаева, Нейко Дмитриева, Вельцо Стоянова Вельцова, Мити Кирнева, Николая Болгара¹⁴.

Вместе с другими казаками болгарские и молдавские волонтеры принимали участие во всех операциях и службе дунайских полков: в 1830 г. привлекались для сопровождения в Бессарабии болгарских переселенцев; в 1833 г. в составе русского вспомогательного сухопутного отряда находились в Молдавии для урегулирования турецко-египетского конфликта. В 1847 г. были отправлены в состав кавказского корпуса, где находились до 1856 г. В составе Дунайского войска участвовали в Крымской войне 1853-1856 гг. — сопровождали русские войска в переправе через Дунай и взятии Тульчи, обороняли Одессу 10 апреля 1854 г. от нападения англо-французской эскадры. За проявленные в Крымской

войне мужество и героизм дунайские полки были награждены штандартами "За храбрость". Наиболее отличившиеся офицеры и казаки получили ордена¹⁵.

Болгарское и молдавское население сыграло заметную роль в экономической жизни Дунайского казачьего войска. К середине 50-х гг. оно проживало не только в станице Волонтировке, а во всех десяти станицах войска. Несмотря на тяжелую военную службу, среди казаков болгар и молдаван начинают появляться зажиточные хозяева и торговцы. Среди них можно назвать войскового старшину Антона Диброва, казаков Василия Сарбула, Алексея и Клима Гульпу, Дмитрия Варлана, Петра Бутескула, Тимофея Дануциева¹⁶. Были в станицах войска и священнослужители из болгар и молдаван: Георгий Варпазов, Иларион Стратонов, Фома Крудул, Иван Савва, Семен Гинкул, Константин Плащадяна, Александр Бурьянов¹⁷.

Совместное проживание, трудовая деятельность и военная служба способствовали контактам, взаимодействиям в быту, обычаях и культуре болгарского и молдавского населения станиц. Оно внесло заметный вклад в формирование трудовых и военных традиций Дунайского казачьего войска, в заселение и экономическое освоение Южной Бессарабии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Упоминания о болгарском и молдавском населении в Дунайском казачьем войске имеются в книге: Зашук А. *Военное обозрение Бессарабской области*. — СПб., 1863. С. 175-176.

² Петров А. *Война России с Турцией. 1806-1812* — СПб., 1885. Т. 1: 1806-1807. С. 391-392.

³ Гросул Г.С., Даниленко Р.В. *К вопросу об участии волонтеров из Дунайских княжеств в русско-турецкой войне 1806-1812 годов* // Известия Молдавского филиала АН СССР. Т. 2. — Кишинев, 1961. С. 5-8, 11; Зашук А. Указ. соч. С. 174-175.

⁴ Государственный архив Одесской области (далее ГАОО), ф. 1, оп. 214, д. 22 за 1824 г., л. 69-71.

⁵ Гросул Г., Даниленко Р. *Документы об участии волонтеров Дунайских княжеств и Балканского полуострова в русско-турецкой войне 1806-1812 гг.* // Труды Центрального государственного архива Молдавской ССР. Т. 1. Кишинев, 1962. С. 123-126; Терехина И., Нудельман А. *Документы об участии населения Молдавии в боевых действиях русских войск во время русско-турецких войн конца XVIII — начала XIX вв.* // Труды государственного историко-краеведческого музея МССР. 1960. — Кишинев, 1961. С. 43-64.

⁶ ГАОО, ф. 1, оп. 214, д. 22 за 1824 г., л. 69-71.

⁷ Там же, л. 1.

⁸ Там же, л. 2, 4, 66-94.

⁹ Там же, л. 1-6. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров. — «О водворении запорожских казаков и других заграничных выходцев в Бессарабской области. — 19 февраля 1827 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. П. Т. 2. 1827. — СПб., 1830. № 913.

¹⁰ ГАОО, ф. 1, оп. 214, д. 22 за 1824 г., л. 98-118, 211.

¹¹ Высочайше утвержденное... № 913.

¹² ГАОО, ф. 1, оп. 214, д. 22 за 1824 г., л. 53-54, 122.

¹³ Филиал государственного архива Одесской области в г.Измаил (далее ФГАОО), ф. 755, оп. 1, д. 242, л. 3; д. 233, л. 1; д. 243, л. 1; д. 241, л. 1; ГАОО, ф. 1, оп. 214, д. 11 за 1825 г., л. 353; д. 22 за 1824 г., л. 118.

¹⁴ См.: Центральный государственный архив Украины, ф. 245, оп. 2, д. 56, л. 315-315 об.; оп. 3, д. 32.

¹⁵ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 55, л. 25-29, 33-35.

¹⁶ Там же, ф. 1, оп. 249, д. 205, л. 125; ФГАОО, ф. 755, оп. 1, д. 145, лл. 133, 435, 547, 712.

¹⁷ Бурьянов А. *Историко-статистическое описание церкви и прихода с.Волонтировка // Кишиневские епархиальные ведомости. 1877. № 16. С. 675.*

Николай ЧЕРВЕНКОВ
ДЕЯТЕЛИ БОЛГАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
В БЕССАРАБИИ (1856-1877 гг.)

После окончания Крымской войны (1853-1856 гг.) в Бессарабии находят приют многие болгары, сражавшиеся на стороне русской армии, а также участники национально-освободительного движения на Балканах. Практически в каждой болгарской колонии были поселены бывшие волонтеры болгарских отрядов, формировавшихся в Дунайских княжествах. Например, в 1857 г. только в Нижне-Буджакском округе обосновался 81 доброволец. На десять лет они освобождались от налогов, им предоставлялись земельные участки¹.

Некоторые из них оседают в Кишиневе. В 1854 году в городе поселился П. Македонский, вынужденный оставить Болгарию из-за гонений турецких властей. Тогда же в столице края обосновался капитан Васил Вылков (1792-1882), который начинал свой боевой путь в войне 1828-1829 годов.² В начале 40-х годов Вылков являлся одним из организаторов антитурецких выступлений в Брэиле, за что был осужден к 15 годам каторги, но был освобожден в 1848 г. во время революции в Румынии. В период Крымской войны находился в рядах добровольцев³.

После этой же войны некоторое время в Кишиневе находился известный болгарский просветитель Иван Селимински (1799-1867), который в ходе войны отвечал в Дунайских княжествах за подготовку болгарских волонтерских отрядов. Он один из тех, кто в ходе и после русско-турецкой войны 1828-1829 гг. возглавил переселение болгар в Бессарабию. Поэтому он был очень рад посетить болгарские колонии края. В одном из своих писем в

Попечительный комитет иностранных поселенцев Южной России в мае 1856 г. он отмечал: "...Я посетил Болград и многие другие колонии, и весьма обрадовался, найдя оные в благоустроенном состоянии. Совесть моя успокоилась при мысли, что 25 лет назад я первый побудил народ болгарский к этому великому переселению, притом в селе Кортен я встретил двух старожилков, которые вспоминали еще то время..."⁴ Немного позже, от середины 1863 г. до середины 1865 г., он работал санитарным врачом в Болграде, где продолжал свою патриотическую деятельность⁵. Здесь он, например, закончил свою известную работу "Историческая студия", начатую еще в Кишиневе, написал интересную этнографическую статью о Болграде⁶.

Также после крымской кампании в Кишиневе поселился Пырван Папанинов. Он один из руководителей восстания 1850 г. в Северо-Западной Болгарии. Во время войны он призывал русские войска освободить его родину, занимался сбором волонтеров, находился в действующей армии в качестве депутата от болгарских общин. В Кишиневе был офицером русской армии. Его сын Найден, занимаясь в гимназии Кишинева, проявлял большой интерес к событиям на родине. Бессарабские власти обратили внимание на Найдена Папанинова, провели дознание и установили, что молодой болгарин "проникнут сильною, почти фантастическою ненавистью к Турции и ... желанием быть полезным своим соплеменникам"⁷.

Н. Папанинов (1840-1876) из Кишинева отправился в Сербию, для участия в отряде, готовившемся перейти болгарскую границу. Он познакомился в сербской столице с Л. Каравеловым и другими видными деятелями эмиграции, участвовал в заготовке оружия. После расформирования в 1867 г. Второй болгарской легии он возвратился в Кишинев. Есть сведения, что Н. Папанинов участвовал в Апрельском восстании 1876 г., командуя большим отрядом повстанцев. Летом 1876 г. он отправился в Сербию, где в одном из сражений с турками был убит⁸.

С нашим краем связана большая часть жизни Ивана Степановича Иванова (1830 — 1902)⁹. После Крымской войны, в которой участвовал как доброволец, поселился в Бессарабии. Он один из инициаторов создания Болградского училища в 1858 году. Как

попечитель болгарских колоний в 1856-1866 гг. содействовал открытию Комратского училища и распространению образованию среди болгарского населения Бессарабии. Кишиневский уездный исправник, председатель основанного им в 1871 г. Болгарского благотворительного общества в Кишиневе принимал активное участие в политической жизни болгарской эмиграции и внимательно следил за событиями на родине. Во время сербско-турецкой войны 1876 г. он возглавлял в Кишиневе организацию материального обеспечения болгарских и русских добровольцев, направлявшихся в Сербию, а потом формирования Болгарского ополчения. В период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. служил в русском гражданском управлении, в дальнейшем был губернатором Сливена и Русе (1878-1879 гг.). С уходом русских войск из Болгарии Иванов возвращается в Кишинев, где остается до конца своей жизни.

В 60-х годах Кишинев приютил уроженца Болгарии Павла Грамадова (1822-1877)¹⁰. Еще до Крымской войны он принимал участие в освободительном движении у себя на родине. С началом войны командовал ротой болгарских добровольцев. За умелые действия и героизм был произведен в капитаны и награжден медалями. Поселившись в Бессарабии, Грамадов продолжал поддерживать связь с деятелями национально-освободительного движения, оказывал им содействие, посещал разные города и села Дунайских княжеств и Бессарабии по заданию болгарских комитетских организаций. Был связан с деятелями Тайного центрального болгарского комитета в Бухаресте, в 1867 являлся посредником между Добродетельной дружиной в Бухаресте и Одесским болгарским настоятельством. Слишком активная деятельность Грамадова обратила на себя внимание властей. По распоряжению Бессарабского губернатора с 1861 года Грамадов был поставлен "под надзор полиции" до весны 1870 года¹¹.

С окончанием Крымской войны в Кишиневе оказался болгарский четырнадцатилетний мальчик Райчо Николов, который во время военных действий переплыл Дунай и сообщил русскому командованию о намерениях противника и его численности. За свой подвиг он был награжден российской медалью "За усердие". Райчо быстро освоился в Кишиневе. "В синей солдатской шине-

ли и с медалью на груди, при столь малом возрасте, Райчо возбуждал в Кишиневе всеобщее внимание", — писал современник¹². В дальнейшем Николов (1840-1885) продолжал образование в военном училище в Петербурге, затем служил в учебном стрелковом батальоне в Москве. Став офицером, Р. Николов по его просьбе был переведен в Бессарабию. В 1866-1873 годах он служил в пограничной бригаде в Кубее, а позже — в Кишиневе. Перед тем как обосноваться в Кишиневе, он женился на Екатерине Дечевой из Комрата, родители которой были переселенцами из Габрова¹³. Николов поддерживал контакты с деятелями болгарской эмиграции, которые обычно следовали в Россию через Кубейский карантин, оказывал им всяческое содействие. Он регулярно посещал Болград, Измаил, встречаясь с местными болгарскими патриотами. Во время Апрельского восстания 1876 г. он был одним из членов Болгарской революционной дружины в Кишиневе, в которую входили болгары-офицеры¹⁴. Тогда он выступил с призывом бороться с оружием в руках за освобождение своей родины. Когда началась сербско-турецкая война 1876 г., он направился на поле битвы, возглавляя болгарские добровольческие отряды. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. был командиром 1-ой роты, а потом 4-ой роты в Болгарском ополчении, формирование которого началось в Кишиневе¹⁵.

В упомянутой дружине, а также в Болгарском кишиневском обществе активную роль играл Павел Калянджи (1838-1890). Уроженец города Лясковец, он участвовал в качестве добровольца в Крымской войне, награжден золотой медалью. Несколько лет Калянджи учительствовал у себя на родине, а также в Галаце. С 1860 года он обосновался в Комрате, где занимался преподавательской деятельностью, был инспектором училищ в болгарских и гагаузских селах Бессарабии, преподавал в Комратском училище, написал несколько учебников на болгарском языке: "Болгарский букварь", выдержавший три издания в Болграде, "Краткая читанка", сборник "Другар за децата", который содержал стихи болгарских авторов, краткий очерк болгарской истории. Калянджи был не только автором и издателем учебных пособий. Он выступал также их ревностным пропагандистом и распространителем¹⁶.

Занимаясь педагогической деятельностью, П. Калянджи поддерживал связь с руководителями болгарского национально-освободительного движения (Г. Раковским, Л. Каравеловым, К. Цанковым, И. Грудовым и др.). После подавления Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии он принимал участие в отправке добровольцев в Сербию, вел переписку с руководителями болгарской эмиграции в Румынии о снабжении болгар оружием из России, занимался формированием Болгарской военной дружины в Кишиневе, заботился об устройстве в Кишиневе бежавших из Болгарии соотечественников¹⁷.

Значительное число болгарских эмигрантов имело возможность работать в Болградском училище, где существовали условия для их патриотической общественной и культурной деятельности. Среди них известные просветители Сава Радулов, Теодосий Икономов, Георгий Миркович, Павел Теодорович, крупный ученый Димитр Мутев, журналист Киро Тулешков и др. В этом учебном заведении обучались будущие видные деятели болгарского национально-освободительного движения Олимпий Панов, Ангел Кынчев, В. Господинов и др.¹⁸

Немало страниц из биографии известного болгарского революционера Георгия Раковского (1821-1867) связано с рядом городов и селений Бессарабии, с проживавшими в них болгарскими¹⁹. 6 марта 1858 он перешел границу у бессарабского села Кубей, заручившись поручительством у ряда известных бессарабских купцов, а также у своего соотечественника П. Грамадова. Здесь он пишет ряд патриотических стихотворений, в том числе "Забава в Кубейском карантине Г. С. Раковского в 1858 г., в марте месяце"²⁰. Из Кубея Раковский прибыл в Кишинев, где приобрел многочисленных знакомых как среди местных болгар, так и городской общественности. Болгарский революционер неоднократно посещал Болград, где у него было много единомышленников. Он один из тех, кто всячески содействовал созданию известной Болградской гимназии. Здесь получили широкое распространение революционные издания Раковского, главным образом, газета "Дунавски лебед", которая в 1860 г. имела в этом городе 95 подписчиков. В его газетах значительное внимание уделялось проблемам бессарабских болгар.

В издании газеты "Бъдущност" Г. Раковский сотрудничал с известным публицистом Б. П. Хашдеу. Последний выступил в газете с рядом статей, в которых поддерживал ее направление, ратовал за дружбу и братство балканских народов, а также открыто отзывался о животрепещущих вопросах внутренней политики Румынии²¹.

Весной 1866 года Раковский направился в Кишинев. "Остановился в Кубее, — писал сопровождавший его болгарский воевода Панайот Хитов, — потому что Раковский почувствовал недомогание, преследуемый своей старой болезнью. Целых 20 дней пролежал в постели". Немного оправившись, Раковский вместе с П. Хитовым переехал в Кишинев. Некоторое время они жили в Киприановском монастыре, который тогда подчинялся болгарскому Зографскому монастырю на Святой горе на полуострове Афоне. В его распоряжение предоставили отдельное помещение, лошадей для объезда окрестных мест. Раковский собирал фольклорный материал, работал над литературными и публицистическими произведениями. Несмотря на болезнь, он был полон новых планов, намеревался продолжить издательскую деятельность, готовился вооружить несколько отрядов из своих соотечественников-эмигрантов и направить их в Болгарию. Богатые одесские болгары отказались поддержать Раковского. Получив некоторую материальную помощь от настоятелей Киприанского монастыря, он, не теряя надежды на осуществление своих планов, вместе с Хитовым возвратился в Бухарест. Путь его вновь лежал через Кишинев, Комрат, Болград. Это было его последнее посещение Бессарабии.

Тесно был связан с нашим краем известный болгарский возрожденческий писатель, председатель Болгарского революционного центрального комитета (БРЦК) в Бухаресте Любен Каравелов (1834-1879). Он неоднократно посещал юг Бессарабии, в частности, Болград, где действовал один из действенных комитетов БРЦК в эмиграции. Когда начались разногласия между ним и другим видным руководителем болгарского национально-освободительного движения, Х. Ботевым, Болградский комитет встал на сторону Каравелова. В крае широко распространялись каравеловские газеты и книги. В своих статьях он неоднократно ка-

сался жизни бессарабских болгар, особенно проблем Болградского центрального училища, стремился привлечь к делу освобождения родины их отцов²².

В литературе встречается мнение, что Бессарабию, в частности, Болград посещал другой лидер БРЦК — Васил Левский (1837-1873)²³, который создавал болгарские революционные комитеты и руководил ими в самих болгарских землях. Пока это не подтверждается источниками. Известно, что в 1866 году он ездил в столицу тогдашней Молдовы Яссы для встречи с Георгием Раковским. Надо также подчеркнуть, что Левский был знаком со многими членами Болградского болгарского революционного комитета, с другими участниками болгарского национально-освободительного движения, выходцами из Бессарабии²⁴.

Из видных деятелей болгарского национально-освободительного движения в Бессарабии дольше всех пребывал Христо Ботев, о чем неоднократно писалось в литературе. Представляется, что К. Поглубко удалось полнее всего осветить связи этого болгарского революционера и поэта с нашим краем²⁵. Приведем некоторые его выводы.

С осени 1866 года Христо Ботев учительствовал в бессарабском болгарском селе Задунаевка, недалеко от Болграда. Поселившись в доме крестьянина Т. Вакаренкова, он сблизился с его сыном, с молодежью села, рассказывал им о Болгарии, томящейся в оковах. В этом селе Ботев проработал до весны 1867 г. Через два года он провел также короткое время в бессарабском городе Измаил. После, проживая и занимаясь революционной деятельностью в Бухаресте, поддерживал связь с бессарабскими болгарскими.

Летом 1875 года в связи с подготовкой восстания в болгарских землях Ботев выехал в Россию для установления связей с находившимися там болгарскими, в том числе бессарабскими. Во время пребывания в Кишиневе Ботев создал Болгарскую дружину²⁶, в которую вошли болгары, только что произведенные в офицеры: Д. Филов, П. Шиваров, А. Кожухаров, юнкера Д. Николов, С. Кисов, А. Гуджев, а также капитан Р. Николов. Эта болгарская молодежь согласилась собирать средства и принять участие в готовящемся восстании. По возвращении из Одессы в начале сен-

тября с известным болгарским четническим воеводой Филиппом Тотю Ботев опять вел переговоры с болгарскими офицерами русской армии. Потом они вдвоем побывали в Киприяновском монастыре, надеясь получить средства от болгарских настоятелей.

Весной 1876 года Ботев вновь посетил Кишинев, где вел переговоры с местными болгарскими о финансовой и военной помощи болгарскому восстанию. Местная Болгарская дружина всю готовилась к восстанию, отправила своего эмиссара П. Калянджи в Бухаресте для переговоров с руководителями болгарского национально-освободительного движения, вручила от имени болгар Бессарабии организаторам восстания 5000 франков. Быстрое подавление Апрельского восстания в Болгарии не позволило членам дружины присоединиться к нему, но впоследствии все они приняли участие в борьбе за освобождение своей родины, сначала в болгарских добровольческих отрядах в сербско-турецкой войне 1876 г., а потом во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в составе Болгарского ополчения или частях русской армии²⁷.

Заметно прибывание в Кишиневе Петра Оджакова (1834-1906). Он участвовал в Тырновском восстании 1856 г. После учился в Галаце, Одессе, Вене. За участие в национально-церковном движении дважды арестовывался турецкими властями. В 1871-1873 гг. — учитель в Комрате, а после до 1878 г. служил в Кишиневском окружном суде. С 1875 г. секретарь Кишиневского болгарского благотворительного общества. Участвовал в организации болгарских добровольцев в период сербско-турецкой войны 1876 года, формирования Болгарского ополчения²⁸.

После поражения Сербии в войне 1876 г. против Порты болгарские добровольцы, участвовавшие в военных действиях, стали направляться в Бессарабию, как в румынскую часть, так и в русскую, на что имелось разрешение властей²⁹. Значительное число их осело в Кишиневе. На первых порах положение этих добровольцев оказалось тяжелым. "Это были совершенно бесприютные люди, — писал И. С. Иванов, — и без всяких при том средств к жизни, так что надо было принять меры одеть и прокормить их до устройства каким-либо путем. Таких болгар явилось ко мне в Кишинев до 1000 человек". По словам того же Иванова, деньги

для добровольцев собирались "то с концертов, то с любительских спектаклей"³⁰. Всю зиму 1876-1877 годов болгарские добровольцы содержались в Кишиневе. Большую заботу о них проявляло местное болгарское общество.

Именно эти болгары являлись основой Болгарского ополчения, официальное формирование которого началось, как известно, в марте 1877 г. в Кишиневе³¹. В него записывались и добровольцы, которые содержались в Болграде, Комрате и других местах Бессарабии, а также в Одессе. Тогдашняя пресса отмечала, что вступившие в Ополчение болгары "пришли из-за Дуная. Иные из них дрались в Сербии и украшены медалями; другие, потеряв семью и родной край в Болгарии, бежали в Россию от неистовства турок..."³². 25 апреля (6 мая) 1877 г. на кишиневском вокзале общественность города провожала русские войска и болгарские дружины на поля сражений.

Еще многие участники болгарского национально-освободительного движения находили приют в Бессарабии, где имели возможность продолжать свою патриотическую деятельность. Это важная веха в развитии молдавско-болгарских связей. Пребывание Христо Ботева в нашем крае, формирование Болгарского ополчения в Кишиневе, как известно, отмечено памятниками, мемориальными досками, названиями улиц. Думаю, что настало время увековечить пребывание в нашем крае и других видных деятелей болгарского национально-освободительного движения, отметить и другие памятные события из политического и культурного сотрудничества народов Молдовы и Болгарии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грек И., Червенков Н. *Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще*. София, 1993. С. 29.

² Поглубко К. *Весна освобождения. 1878-1978*. Кишинев, 1978. С. 79.

³ Ионков Хр. *Капитан В. Вълков // Бележити българи*. Т. II, София, 1968. С. 127-138.

⁴ Цит. по: Арнаудов М. *Селимински. Живот — дело — идеи. 1799-1867*. София, 1938. С. 559.

⁵ Там же. С. 395-417.

⁶ Там же. С. 395; Селимински И. *Огледало на Болград и болгардчани. Болград*. // Д-р Иван Селимински. Избрани съчинения. Съставител и редактор М. Бъчваров. София, 1979. С. 290-302.

- ⁷ Поглубко К. Указ. соч. С. 145.
- ⁸ Забунов И. Д. *Болгары России и национальное болгарское Возрождение в 50-70-е гг. XIX в.* Кишинев, 1981. С. 95
- ⁹ Шипчанов И. *Иван Степанович Иванов-Каланджи* // Военно-исторический сборник. 1987, № 5, С. 154-166.
- ¹⁰ Минев Д. *Податки за капитан Павел П. Грамадов* // Известия на Българското историческо дружество. Кн. XXII-XXIV. София, 1948. С. 425-428.
- ¹¹ Поглубко К. Указ. соч. С. 80.
- ¹² Цит. по: Там же. С. 89.
- ¹³ См.: Гигов Т. *Капитан Райчо Николов*. Перев. К. Поглубко. Кишинев, 1979.
- ¹⁴ Забунов И. Указ. соч. С. 94.
- ¹⁵ Улунян А. А. *Деятели болгарского национально-освободительного движения XVIII-XIX вв.* Библиографический словарь. Т. П. Л — Я. М., 1996. С. 62-63.
- ¹⁶ Поглубко К. Указ. соч. 112, 4.; Челах Е. *Културни прояви на българските преселници в руската част в Южна Бесарабия* // България в сърцето ми. София, 1996. С. 129-137.
- ¹⁷ Забунов И. Д. Указ. соч. С. 96-97.
- ¹⁸ См. подробно: *Болградска гимназия*. Сборник по случай 135 години от основанието и. София, 1993.
- ¹⁹ Поглубко К. Указ. соч. С. 140-143.
- ²⁰ Архив на Г. С. Раковски. Т. I, София, 1952. С. 573-574.
- ²¹ Трайков В. *Георги Стойков Раковски*. Биография. София, 1974. С. 293.
- ²² Караванов Н. *Любен Каравелов за бесарабските българи* // България в сърцето ми. С. 116-125.
- ²³ Mincev D. N. *Bulgarii din Basarabia de sud*. Constanța, 1937. P. 45.
- ²⁴ Червенков Н. *Връзките на Васил Левски с българите в Молдова и Украйна* // Национална революция, делото на Васил Левски и освобождението на България. София, 1998. С. 84-90.
- ²⁵ Поглубко К. А. *Христо Ботев и Россия*. Кишинев, 1976.
- ²⁶ Забунов И. Д. Указ. соч. С. 90.
- ²⁷ Там же. С. 92, 97. Калчев К. *Бесарабските българи отълченци в руско-турската война (1877-1878 г.)*. Велико Търново, 1995.
- ²⁸ Яновски Б. *Възрожденец Петър Оджаков*. // Списание на БАН. София, 1985. Кн. I. С. 77-88.
- ²⁹ Поглубко К. *Весна освобождения*. С. 167.
- ³⁰ Цит. по: Там же. С. 168.
- ³¹ *Болгаро-российские общественно-политические связи. 50-70-е гг. XIX в.* Кишинев, 1986. С. 200-203.
- ³² "Иллюстрированная хроника войны", т. 1, СПб., 1877. С. 23.

Ludmila PAVLOV
RELAȚIILE ROMÂNNO-BULGARE ÎN PERIOADA
ANILOR 1866-1875
ÎN VIZIUNEA ISTORICILOR ROMÂNI

Istoria poporului român este strâns legată de cea a poporului bulgar.

Prezenta comunicare este o încercare modestă de a analiza istoriografia română, ce a tratat relațiile româno-bulgare în deceniul 1866-1875, care pentru ambele popoare a fost hotărâtor în vederea cuceririi Independenței statale.

Din punct de vedere istoric această perioadă se asociază cu problemele legate de crearea și activitatea pe teritoriul României a organizațiilor de eliberare națională, trecerea cetelor de patrioți bulgari peste Dunăre, cât și atitudinea guvernului român față de acțiunile renașterii bulgare pe teritoriul României.

De la bun început ținem să menționăm că problematica sud-estului european a fost o constantă permanentă a istoriografiei române. Atestăm studii asupra problemei în cauza începînd cu lucrările lui A.D.Xenopol, B.P.Hașdeu, I.Bogdan și a. Dar o studiere mai sistematică începe abea din 1913, prin înființarea Institutului de studii sud-est europene, patronat de N.Iorga, V.Pîrvan și a.

În plină concordanță cu istoricul român N.Ciachir susținem că, "întrădevar meritul de a fi pus bazele balcanisticii românești ca știința îi revine marelui istoric N.Iorga".¹

Un viu interes pentru studiul problemei abordate, din multiplele lucrări semnate de N.Iorga, prezinta: "Istoria statelor balcanice în epoca modernă"; "Politica externă a regelui Carol I" cât și "Istoria românilor" — v.X.

Analizînd atitudinea guvernului român față de mișcarea de emancipare națională bulgară N.Iorga va conchide că dacă nu s-au oprit de multe ori acțiunea cetelor bulgare, atunci trebuie să recunoaștem că nici n-am împiedicat trezirea la viața organizată națională a poporului slav de dincolo

de Dunăre.² În viziunea istoricului mai sănătoasă era mișcarea bisericească, de care turcii nu credeau, că trebuie să se teamă “sperînd că astfel se lovea în atotputernica ierarhică a grecilor în Imperiu”.³ Întrădeavăr, drept rezultat a fost firmanul din 10 martie 1870, care cerea un exarhat bulgar ca organizm religios separat.

În urma unei analize a discuțiilor în parlament pe problema cetelor bulgare, Iorga consemnează că “atacul lui Carp, care capătă îndată susținere la conservatori, nu era în interesul țării” și este calificat de marele istoric “drept un atac împotriva uneltirelor rusești în Balcani”.⁴

Un bun cunoscător al istoriei moderne a Bulgariei a fost academicianul român P.Constantinescu-Iași (1892-1977). Din lucrările cu referință la problema în cauză menționăm: “Rolul României în epoca de regenerarea a Bulgariei” — Iași, 1919; “Liberalii români și vechii revoluționari bulgari” — Iași, 1924; “Despre români și bulgari” — București, 1949; “Din activitatea lui H.Botev și a altor revoluționari bulgari la București” — București, 1950; “Studii istorice româno-bulgare” — București, 1956, cit și un număr mare de studii și articole în presa de specialitate a vremii.

Lui P.Constantinescu-Iași îi revine meritul de a delimita cele două direcții principale mișcării de renaștere bulgară în România “direcția culturală și cea politică”.⁵

Se impun cercetările istoricului asupra tiparurilor bulgărești în România pînă la 1878. În baza cercetărilor proprii cit și în urma analizei lucrărilor istoricilor bulgari N.Naicov, I.Burmov, P.Constantinescu-Iași ajunge la concluzia că “pentru București perioada cea mai bogată în ediții bulgare este cuprinsă între 1863-1877 — aproximativ 120 titluri de cărți”⁶ și de “52 periodice — ziare și reviste”⁷.

Analizînd latura socială a emigrației bulgare în România istoricul credem corect afirmă că componența socială în mare măsură se resimte în formele ideologico-politice de activitate.

Astfel, P.Constantinescu-Iași va specifica 3 mari grupări a emigrației cu viziuni proprii asupra metodelor și căilor de renaștere a națiunii bulgare:

1. Emigranți bogați care nădăjduiau să primească Independența cu spriginul Rusiei;
2. Organizație mai de stînga, dar tot moderată este după istoric “Comitetul Central Secret Bulgar”, creat în martie 1866 de I.Kasabov⁸, care prevedea crearea unui stat dualist româno-bulgar în cadrul Imperiului Otoman;

3. Gruparea revoluționară a micelor burghezi, țăranilor și intelectualilor progresiști în frunte cu Rakovschi apoi L.Caravelov și V.Levschi.⁹

Sunt de o mare importanță cercetările istoricului P.Constantinescu-Iași asupra vieții și activității unor personalități bulgare la București în perioada dată — Gh.S.Rakovschi, H.Botev, L.Caravelov, P.Hitov, I.Vazov și a. În urma cercetărilor în Arhivele de Stat, ale Ministerilor Învățămîntului și Justiției, ale Municipiului București, cercetării presei bulgare și române, P.Constantinescu-Iași combate pe istoricul bulgar M.Dimitrov (biograf a lui H.Botev), cum că prima vizită a lui H.Botev la București a fost în toamna anului 1867¹⁰ și nu în 1862 cum susține Dimitrov.¹¹

Astfel opera lui P.Constantinescu-Iași, dedicată relațiilor româno-bulgare în perioada anilor 1866-1875 susține că România, și în special Bucureștiul a fost un centru important al emigrației și al mișcării revoluționare bulgare, și că acțiunea națională a bulgarilor s-a bucurat de azil binevoitor, de ajutorul populației, al oamenilor politici, uneori chiar al autorităților mai mici.¹²

În ultimele trei decenii cea mai fecundă contribuție la cunoașterea relațiilor româno-bulgare și în special a activității emigrației bulgare în România avut-o desigur istoricul C.Velichi. În bibliografia editată în 1983 de Academia de Științe Bulgară istoricul C.Velichi este trecut cu peste de 50 de lucrări consacrate istoriei țării.

Un studiu de debut al istoricului editat în 1963¹³ are drept scop analiza creării și activității Comitetului Central Secret Bulgar din România (CCSB) cit și legăturile dintre acest comitet și unele personalități politice din România. Astfel, C.Velichi va demonstra cu certitudine că “I.C.Brătianu nu a contribuit cu nimic la crearea CCSB și că nu a avut nici un fel de legături în perioada 11/23 februarie/10/22 mai 1866 cu Rakovschi sau cu alți emigranți bulgari la București”¹⁴ — așa cum susține istoricul bulgar Al.Burmov.

Istoricul C.Velichi analizînd corespondența dintre colonelul N.Haralambie, colonelul Crețulescu cu ministru de război, corespondența păstrată în Arhivele Statului și nu introdusă în circuit pînă atunci, conchide că “nu rămîne nici o îndoială că crearea CCSB trebuie pusă în legătură cu situația externă în care s-a găsit România după detronarea lui Cuza Vodă, și în special cu primejdia invaziei turcești pe teritoriul ei”.¹⁵ Cunoscînd evoluția relațiilor româno-turce și dîndu-ne seamă de imposibilitatea unei invazii turcești în prima jumătate a lunei martie, considerăm corectă și

justificată concluzia lui C. Velichi că "CCSB nu a putut lua ființă în a II jumătate a lunii martie, așa cum afirmă istoricul Burmov, ci abea în luna mai, când a început să se contureze asemenea primejdie.

În anul 1980 apare lucrarea istoricului C. Velichi "România și renașterea bulgară", care după părerea autorului, tinde de a fi o "viziune integrală asupra renașterii politice și culturale a bulgarilor și a culturii lor". Lucrarea se dorește, credem, a fi o sinteză a tot ce s-a scris de istorici români și bulgari, atât a lucrărilor personale a autorului de până la 1980 asupra problematicii date.

După părerea istoricului C. Velichi până spre sfârșitul anului 1869 emigrația bulgară era dominată de ideologia burgheziei liberale¹⁶ și numai prin L. Caravelov și V. Levschi în toamna aceluiași an are loc cotitura spre ideologie revoluționară,¹⁷ prin crearea Comitetului Central Revoluționar din București. Autorul va remarca, fapt important că atunci când CCSB depinde de comitetul român, scopul urmărit era eliberarea Bulgariei prin revoluție, însă atunci când comitetul acționează independent scopul devine multiplu: eliberarea sau autonomia Bulgariei, un dualism cu alți vecini și a. Schimbarea atitudinii și tacticii o demonstrează — consideră C. Velichi — însăși "Memoriu"¹⁸ acestui comitet ce vorbea clar despre un dualism turco-bulgar asemănător celui austro-ungar.

Dacă poporul bulgar avea de câștigat de pe urma organizării cetelor în România, atunci guvernul român constată Velichi trebuia să facă față unor proteste energice venite din întreaga Europă.¹⁹ Necătfind la aceasta poporul român, oficialitățile, conchide istoricul, nici când n-au pus bariere serioase mișcării de renaștere bulgară, ce s-a desfășurat pe teritoriul României. Din contra și întrădevar așa a fost în 1867, când Președintele Consiliului de Miniștri C. Crețulescu declară că va păstra o strictă neutralitate față de acțiunile emigrației bulgare²⁰ — afirmă C. Velichi; așa a fost și în 1869 când cu știrea și ajutorul autorităților române are loc trecerea peste Dunăre a cetelor lui H. Dimitrov și Ștefan Karagea.

Istoricul analizând jurnalele Comunității Bulgare, deasemenea demonstrează cu certitudine faptul că Comunitatea avea legături cu oameni politici români ca M. Kogîlniceanu, V. Boearescu, C. Rosetti și I. C. Brătianu.²¹

Însăși I. C. Brătianu nu o dată a fost nevoit cu multă diplomatie să respingă acuzațiile Porții și a Puterilor, accentuând că nu poate să interzică acțiunea patrioților bulgari, atâta timp cât chiar în capitala otomană existau organizații similare. Toate acestea declarații și ajutorul dat demonstrează cert —

consideră C. Velichi, că România necătfind la multiple presiuni totuși a luat apărare în mod oficial, obiectiv emigrației bulgare.

Contribuția lui C. Velichi la studierea relațiilor româno-bulgare se completează și printr-un număr mare de studii în presa vremii.²²

Astfel, credem prin acele noutăți și juste constatari pe care le înscrie opera lui C. Velichi problema relațiilor româno-bulgare în perioada anilor 1866-1875, atinge un nou stadiu calitativ în evoluția sa.

Și sigur nu putem trece cu vederea contribuția istoricului român M. Ciachir, care în bibliografia Academiei de Științe Bulgare deja menționată; este trecut cu peste 31 titluri de lucrări asupra istoriei popoarelor din Sud-Estul Europei.

Nemijlocit la problema relațiilor româno-bulgare istoricul N. Ciachir, analizând presa cât și rapoartele consulare din perioada anilor 1866-1868 constată, că întrădevar activitatea cetelor bulgare "au preocupat în mod serios diplomația europeană".²³ Alături de Turcia, afirmă istoricul, tot atât de cointeresată în împiedicarea agitațiilor de acest gen este Austria, care "susține înăbușirea oricăror răscoale ale slăvilor".²⁴

Istoricul N. Ciachir, credem just descoperă o interdependență între desfășurarea evenimentelor interne politice din România și activitatea comitetelor revoluționare bulgare din țară. Întrădevar, după cum afirmă istoricul, demisia guvernului liberal către sfârșitul anului 1868 a concis cu scăderea în intensitate a mișcării de eliberare în Balcani și în particular "cu scăderea intensității acțiunilor emigrației bulgare".²⁵

Afirmând că după 1868, o perioadă de timp, mișcarea revoluționară bulgară a fost îngrădită apoi ea a luat din nou amploare, istoricul e convins, că "acest lucru era posibil deoarece opinia publică din România cât și autoritățile în general simpatizau sincer și ajutau mișcările de eliberare ale popoarelor vecine".²⁶ Mai mult ca atât istoricul demonstrează că în multe cazuri activitatea cetelor revoluționare bulgare era tălmăcită ca "o avangardă a armatei românești regulate în vederea declanșării Independenței României".²⁷

Ținem să menționăm că istoricii sus-numiți au fost preocupați nemijlocit de problema relațiilor româno-bulgare, rezervînd acestei tematici un loc deosebit în cercetările sale. Problematika relațiilor româno-bulgare în anii 1866-1875, n-a putut fi trecută cu vederea însă de istorici care au analizat lupta pentru Independența României, și în general problemele epocii moderne.

În această ordine de idei menționăm contribuția istoricului V. Maciu, care a demonstrat cu certitudine că "la conducerea "Sacrei coaliții" participau și români printre care C. Ciocîrlan, Gh. Securie, Eugen Carada".²⁸

Istoricul D. Berindei analizează atitudinea guvernului român față de activitatea emigrației bulgare pe teritoriul României, afirmînd că cetele bulgărești sunt ajutate ori cel puțin tolerate cu bunăvoință.²⁹ Pe bună dreptate istoricul A. Stan susține că liberal-radicalii au fost acei care "au permis bulgarilor de a se organiza și înarma pe teritoriul României".³⁰

Pentru studierea problematicii în cauza prezintă interes și o serie de lucrări colective,³¹ editate în diferite perioade de istorici români. Se va susține adecvat că în perioada cercetată "românii și bulgarii aveau în fond tendințe comune"³² și că poporul român și autoritățile de stat "au încurajat și sprinjit permanent pregătirile pe teritoriul României a cetelor de luptători bulgari".³³

Aspecte importante ale relațiilor româno-bulgare în perioada anilor 1866-1875 au fost analizate și în cadrul unor articole și studii semnate de cercetători români.

Menționăm contribuția istoricilor G. Ionescu-Nișcov³⁴ și A. Savici,³⁵ care vizează aspecte importante ale renașterii bulgare pe teritoriul României.

Astfel din cele expuse este evident, că problema organizării și activității emigrației bulgare pe teritoriul României, a relațiilor bilaterale dintre aceste două țări a fost în permanență în câmpul de vedere a istoricilor români. Mai mult ca atât, istoricii români printr-o polemică constructivă cu istoriografia bulgară, prin folosirea unor materiale, prin analiza presei și raporturilor diplomatice au scos în evidență un șir întreg de aspecte noi a problemei în cauză, făcînd precizări de fapte și date istorice. La justa valoare a fost apreciată poziția oficialităților și poporului român față de mișcarea de Renaștere în Bulgaria.

NOTE

¹ Ciachir N. *Istoria popoarelor din sud-estul Europei în epoca modernă*. București, 1987 — p.11.

² Iorga N. *Politica externă a regelui Carol I*. București, 1991, p.31.

³ Iorga N. *Istoria statelor balcanice în epoca modernă*. Valenii-de-Munte, 1913 — p.289.

⁴ Iorga N. *Istoria românilor, v.X*. București, 1939 — p.58.

⁵ Constantinescu-Iași P. *Despre români și bulgari*. București, 1949 — p.36.

⁶ Idem. *Studii istorice româno-bulgare*. București, 1956 — p.83.

⁷ Idem. p.121.

⁸ Nu putem fi de acord cu istoricul asupra datei formării CCSB. Cercetările ulterioare a istoricului C.Velichi vor demonstra cu certitudine, că acest comitet a fost creat abea în luna mai, concluzie care considerăm este mai adecvată.

⁹ Constantinescu-Iași P. *Despre români...*, p.56.

¹⁰ Idem. Din activitatea lui H.Botev și a altor revoluționari bulgari la București. București, 1950 — p.10.

¹¹ Dimitrov M. *H.Botev*. Biografia. Sofia, 1948.

¹² Constantinescu-Iași P. *Din activitatea lui H.Botev...*, p.7.

¹³ Velichi C. *Relații româno-turce în perioada februarie-iunie 1866. Înființarea CCSB și legăturile acestuia cu guvernul român*. // Studii. Revista de istorie. — An.XVI, 1963-N4.

¹⁴ Idem, p.844.

¹⁵ Idem, p.851.

¹⁶ Velichi C. *România și renasterea bulgară* București, 198-p.228.

¹⁷ Idem, p.230.

¹⁸ Idem, p.218.

¹⁹ Idem, p.221.

²⁰ Idem, p.219.

²¹ Idem, p.223.

²² Vezi: Velichi C. *Atitudinea lui M.Kogîlniceanu a unor autorități românești din porturile dunărene și a maselor populare în timpul trecerii cetei lui H.Botev* // Românoslavistica, IV — București 1960; Idem, *C.A.Rosetti și comunitatea bulgară Omagiu lui P.Constantinescu-Iași*, București, 1965; C.Velichi, D.Hurezeanu. *Date noi privind pătrunderea ideilor Internaționalei I-a în România și în rîndurile emigrației bulgare din țara noastră*. // Românoslavica, XI, București, 1965; Velichi C. *La Roumanie et le mouvement révolutionnaire bulgare 1850-1878* — București, 1979.

²³ Ciachir N. *România în sud-estul Europei (1848-1886)* — București, 1968 — p.98.

²⁴ Idem, p.100.

²⁵ Idem, p.108.

²⁶ Idem, p.116.

²⁷ Idem, p.102-103.

²⁸ Maciu V. *Condițiile interne ale proclamării Independentei României (1877-1878)* — București, 1955 — p.22.

²⁹ Berindei D. *Cucerirea Independentei României (1877-1878)* — București, 1967 — p.19.

³⁰ Stan A. *Grupări și curente politice în România între Unire și Independența (1859-1877)* — București, 1979 — p.374.

³¹ Vezi: *Mouvements nationaux et sociaux roumains au XIX s.* București, 1972; *De la Tudor Vladimirescu la răscoală din 1907* — București, 1973; *Din lupta poporului român pentru Independență* (coordonator I.Scurtu) — București, 1977; *Poporul român și lupta de eliberare a popoarelor din Balcani* — București, 1986.

³² *Poporul român și lupta...*, p.28.

³³ *Din lupta poporului român...*, p.115.

³⁴ Ionescu-Nișcov G. *Unele aspecte din mișcarea de eliberare națională a bulgarilor*

din sudul Dunării între 1850-1870 // Relații româno-bulgare de-a lungul veacurilor, I, București, 1971. Idem, *Quelques aspects de l'activité de G.S. Rakovski et de ses rapports avec les Prineț pauzes Roumaines // Româno-slavica*; IX — București, 1963.

³⁵ Savici A. *Insurgenții bulgari de la 1868 sub comanda lui Hagi Dihrițar și Ștefan Karagea* — Brăila, 1871.

Nicolae CIBOTARU
**ROMÂNIA ȘI MIȘCAREA NAȚIONALĂ DIN
BALCANI ÎN DECENIILE VII-VIII
A SECOLULUI XIX**

La mijlocul secolului al XIX-lea s-a început o nouă fază a crizei orientale pe arena relațiilor internaționale. Sub influența războaielor de pe insula Creta (1866), Bosnia (1866-1867), Herțegovina și Bulgaria (1875-1876), Serbia și Muntenegru (1876), au izbucnit puternice mișcări de eliberare națională.

Marile puteri din Europa au ignorat chiar de la bun început interesele popoarelor mici. Această perioadă era caracterizată în sfera relațiilor internaționale europene ca un început al unei linii ascendente de la confruntări militare la crearea unui echilibru de putere, pe care îl crease prin consecințele lui războiul franco-prusac din anii 1870-1871. Cele șase mari puteri: Franța, Germania, Austro-Ungaria, Rusia, Anglia și Italia, urmăreau fiecare condusă de propriile interese, conservarea acestui echilibru de putere, reușit din imposibilitatea practică a fiecăruia din aceste state de a-și impune hegemonia continentală și din inezistența unor alianțe interstatale în măsură să asigure preponderența unui grup sau altuia. Fiind formată în anul 1873, alianța celor trei împărați ai Rusiei, Germaniei și Austro-Ungariei, din inițiativa cancelarului german Bismarck de a izola Franța, era slăbită de disputa dintre Rusia și Austria în privința peninsulei Balcanice.

Dezvoltarea rapidă a evenimentelor din Peninsula Balcanică, puternica zguduire a Imperiului Otoman, ca urmare a generalizării luptei de eliberare națională a popoarelor oprimate a avut consecințe dezechilibrarea balanței de putere pe continent, dar în același timp au determinat acordul celor trei imperii Rusia, Austro-Ungaria și Germania ce a fost încheiat la Reichstadt. Acordul prevedea recunoașterea reciprocă a intereselor fiecăruia în zona

balcanică. Părțile au fost de acord cu anexarea de către Rusia a sudului Basarabiei, influența ei în alte regiuni, dar și interesul imperiului austro-ungar în Bosnia și Herțegovina.

Acordul de la Reichstadt subliniază caracterul politicii imperiale promovate în sud-estul continentului, atitudinea fățișă de drepturile inalienabile ale popoarelor.

Noua fază a "crizei orientale" a impus cercurilor conducătoare românești să adopte o atitudine ținând cont de interesele țării și de tendințele de eliberare națională ale popoarelor din sud-estul Europei. În timpul domniei lui Alexandru Ioan Cuza Vodă (1859-1866) s-a luat în considerație dreptul popoarelor de a se întruni în entități naționale, iar constituirea statelor naționale era apreciat ca un fapt istoric, obiectiv, un "semn al epocii". Viziunea lui Cuza Vodă față de lupta popoarelor pentru emancipare națională rezultă foarte limpede din întâlnirea pe care a avut-o în anul 1862 cu consulul general rus Offenbergh, căruia i-a spus că nu poate privi neutru mișcarea popoarelor balcanice și că este pregătit pentru toate evenimentele, care ar condiționa o confruntare deschisă și violentă între Poarta otomană și creștini.

În același timp, însă domnitorul Ioan Cuza s-a străduit să nu compromită interesele vitale ale țării sale printr-o acțiune greșită. Atitudinea binevoitoare, înlesnirile acordate luptătorilor pentru eliberare națională erau subordonate intereselor fundamentale ale țării: integritate teritorială, neamestecul în treburile interne, independența internă, îndeplinirea năzuințelor supreme ale desăvârșirii unității naționale statale și dobândirea independenței depline².

Măsurile și acțiunile în domeniul politicii externe desfășurate în acest spirit de demnitate și respect în timpul domniei lui Cuza Vodă, au consolidat pozițiile tînărului stat, i-au sporit prestigiul, au întărit tradiția de ocrotire și sprigin pe care luptătorii pentru libertate din țările învecinate, totdeauna le-au găsit pe teritoriul românesc³. La sfîrșitul anului 1863 Gh. Racovschi lansează mottoul: "Bulgari și români de pretutindeni! Cheia Orientului se află în minile voastre!" El subliniază faptul că, odată cu căderea Bulgariei sub jugul turcesc, România a fost mereu "un refugiu liber și sigur pentru poporul bulgar, de vreme ce căminul țăranului român a fost larg deschis bulgarului, cu o sinceritate prietenească"⁴.

Concomitent cu aceasta, "Grecia și Serbia căută să între în legătură cu România, chiar și Muntenegru îi caută prietenia în așteptarea unui moment priincios, ca să se ridice contra Turciei."⁵

Marea răscoală a grecilor de pe insula Creta a avut un larg răsunset în rîndul popoarelor din Balcani. Încurajați de această răscoală, refugiații bulgari în România au organizat cete înarmate, care în anii 1867 și 1868, susținuți de ambasadorul Rusiei la Constantinopol Ignatiev, au trecut Dunărea cu scopul de a ridica poporul bulgar la o răscoală de eliberare. Sub conducerea lui Gh. Rakovschi, cu spriginul material al Asociației de binefacere bulgare din București, condusă de Hristo Gheorghieff, în primăvara anului 1867 două cete bulgare înarmate, cu permisiunea guvernului român, una condusă de Panaiot Hitov, iar alta în frunte cu Filip Totiu, au trecut în sudul Dunării pentru pregătirea unei răscoale antiotomane a bulgarilor. Fără o susținere serioasă, cele două cete au fost înfrînte de armata turcească. Numai cîțiva participanți împreună cu conducătorii s-au refugiat în Serbia, iar o altă grupă s-a întors în România.

Un rol important în organizarea luptei naționale a bulgarilor i-a revenit Societății bulgare spriginată în secret de C. Rosetti. Apariția ziarului bulgar "Bădușnost" a fost călduros salutată de publicisții de dincolo de Dunăre. C. Rosetti scria în gazeta "Românul": "Întîiul număr ce a apărut ne arată că dorește deplina înțelegere între bulgari și români. Aceasta a fost și va fi dorința noastră". Adepții lui C. Rosetti sperau să favorizeze o revoluție în Imperiul otoman care ar fi grăbit proclamarea independenței României și crearea unei confederații a popoarelor din Sud-Estul Europei. Prin conducerea lui Hagi Dimităr și a lui Ștefan Karagea, societatea bulgară a organizat o grupă de revoluționari de circa 125 de oameni, înarmată cu puști. Această grupare de bulgari au trecut Dunărea pe la Petroșani în noaptea de 6-18 iulie 1868, cu scopul de a organiza o răscoală a bulgarilor și a forma un guvern revoluționar în Balcani. Acțiunea patrioților bulgari a fost trădată de Asociația de binefacere bulgară prin consulul rus și francez. Astfel, Poarta a aflat momentul trecerii detașamentelor bulgare în sudul Dunării și a organizat lichidarea lor.

În situația creată Poarta, Franța, Anglia și Austro-Ungaria au învinuit guvernul român de complicitate. "Oamenii de stat ai Europei se uitau urît la România chiar și pentru așa numitele bande bulgare ce se formau și acum ca și mai înainte pe pămîntul românesc. Pe de-asupra, mai impetau României că ar fi ajutat revolta din Bulgaria pe care a potolit-o Mîdhat-pașa, la 1868 în sînge"⁶.

Înăbușirea răscoalei bulgarilor din anii 1867-1868 a fost nemaivăzută de dură. În sangeacul Plovdiv în cîteva ore cerchezii și bașibuzucii (armata

neregulată turcă) au tăiat aproape 15000 oameni. În total în Bulgaria au fost uciși circa 30 000 oameni.⁷

Poarta, Franța, Anglia și Austro-Ungaria au insistat cercetarea amestecului guvernului român în aceste evenimente. Prusia susținându-l pe Carol I, s-a opus de a trimite în România o comisie europeană spre a stabili complicitatea acesteia cu revoluționarii români. În 1868 guvernul liberal-radical a lui N. Golescu este înlocuit cu guvernul conservator — liberal Dm. Ghica — M. Cogîlniceanu care promova o politică de neutralitate față de puterile garante.

Renunțarea noului guvern de a sprigini cetele revoluționare bulgare și apropierea de Austro-Ungaria au fost susținute de către statele europene. Dar România continua să fie centrul principal de emigrație a patrioților bulgari.

Un rol deosebit de important în istoria renașterii politice și culturale bulgare i-a revenit orașului București. Pe parcursul ultimilor decenii de dominație otomană la București s-au constituit și au activat comitetele de conducere ale mișcării bulgare de eliberare națională: Comitetul Central Secret Bulgar (1866-1869), Comitetul Central Revoluționar Bulgar (1869-1876), Dobrodetelina Drujina (1862-1878).⁸ Tot la București a apărut și presa emigranților bulgari, care a devenit una din cele mai puternice tribune ale revoluției naționale bulgare. În 1869 Liuben Karavelloff editează la București gazeta "Svoboda". Gh. Rakovschi, inițiatorul mișcării bulgare de eliberare națională se găsește în România în 1855-1863, stabilindu-se definitiv în România. El a întreținut legături strânse cu B.P.Hașdeu, Cezar Boliac, Carol Davila, Cr.Tell, D. Bolintineanu, Al.Cuza Vodă, M. Kogîlniceanu, C.Rosetti, I.Brătianu. B.P.Hașdeu, în amintirile sale despre Gh.Rakovschi în 1900, menționează printre altele începuturile unei strânse prietenii care l-a legat de revoluționarul bulgar de "patriotul bulgar cel mai înflăcărat din acea epocă", după cum îl caracterizează Hașdeu, subliniind tot odată faptul că "Rakovschi îi iubea din inimă pe români".⁹

În iunie 1871 H. Botev în Brăila a început să editeze gazeta "Slovo bolgarschi amigrantov", iar în 1873 la București editează gazeta satirică "Budilnic". Tot aici la 29 aprilie 1872 are loc conferința emigranților bulgari la care au fost discutate problemele despre proiectul statutului, elaborarea noului program a organizației revoluționare bulgare. Punctul III al acestui Program exprimă ideea unității de interese cu poporul român: "Noi, bulgarii dorim a trăi în pace și prietenie cu toți vecinii noștri, îndeosebi sîrbii, cu

români și cu muntenegrenii ...și dorim a constitui cu ei o confederație a țărilor libere."¹⁰

În anul 1872 Liuben Karavelov scria: "Este bine cunoscut faptul, că România a fost pentru bulgari un pămînt sacru, unde gîndirea și conștiința bulgară au găsit cîmp liber, pe scurt, scriitorii și ziariștii bulgari au putut găsi în România posibilitatea de a da glas durerilor și suferințelor lor, tot ceea ce nu puteau exprima sub turbanul verde și mînușa cadiului".¹¹ Astfel, Karavelov nu are decît sentimentul de recunoștință față de țara în care "putem să ne exprimăm liberi libertatea și să răsplătim pe fiecare după realizările sale"¹².

O nouă fază a "crizei orientale", în 1875, în urma răscoalelor din Bosnia și Hertigovina, situa din nou sud-estul european în centrul politicii continentale. Statutul politic edificat de Tratatul de la Paris era din nou în discuție. Lupta popoarelor mici și mijlocii din sud-estul european pentru o existență politică de sinestătătoare a devenit un element stabil al politicii internaționale europene.

În septembrie 1875, Comitetul revoluționar bulgar, care î-și avea sediul la București, a organizat o răscoală în Bulgaria de sud-est, înăbușită însă cu repezeciune de trupele de represiune turcești. M.Kogîlnicianu, sublinia că "pentru a preveni eventualitățile și a împedica răul de a lua proporții, este interesul și datoria marilor puteri ale Europei creștine și civilizate de a uza cu un moment pentru a face să se respecte de armatele Turciei principiile drepturilor giinților, datoriile de umanitate pentru a nu da Europei o astfel de privesțe de barbarie și exterminare îndreptat împotriva populației creștine din Bulgaria."¹³

În noiembrie 1875 patrioții bulgari din orașul Brăila au creat un comitet revoluționar pentru organizare în Bulgaria a unei mari răscoale. În acest comitet au intrat emigranții bulgari aflați în România Nicola Obretenov, Ștefan Stambolov, Panaiot Volov, Gh.Bencovschi, Ilarion Dragostinov, Stoian Zaimov.

În aprilie 1876 revolta bulgarilor pregătită de patrioți bulgari aflați în România, a izbucnit între Balcani și Dunăre. Îmbarcați pe un vas austriac 300 de revoluționari bulgari din orașele românești dunărene au debarcat lângă Vidin pentru a desfășura răscoala în partea de nord a Bulgariei.

La 12 mai Emil T. Ghica, girantul agenției diplomatice române din Petersburg, raportă lui M.Kogîlniceanu; "Domnul Giers m-a însărcinat s-ă comunic Exelenței Voastre că aprobă în întregime programul Guvernului

nostru privind politica externă. O atitudine pașnică și cea mai strictă neutralitate trebuie să constituie totdeauna povara, României, căreia poziția geografică îi permite și căreia interesele sale vitale îi poruncesc să rămână străină de tulburările care frământă malul drept al Dunării¹⁴. Această poziție însă nu coincide cu realitatea din societatea română și chiar în guvern. În circulara guvernului condus de Lascăr Catargiu din 4/16 ianuarie 1876 către agenții României se subliniază: "Guvernul român a avut un interes natural pentru cauza creștinilor răsculați în Balcani."¹⁵ Nu întâmplător turcii au învinuit: "guvernul, care-i atribue convenții cu țările în stare de insurecțiune și cu alte țări care ar fi dispuse să lupte alături de cele dintii."¹⁶

La 15/27 mai 1876 bulgarul H. Botev s-a îmbarcat la Giurgiu pe vasul austriac "Radetzki" împreună cu un detașament de 175 de voluntari având scopul să debarce lângă satul Coslodui. Tot la Giurgiu a fost transportat ziarul "Nova Bâlgaria". Consulul general al Rusiei Zinoviev ne-a pus întrebarea: "Ce atitudine va avea România în viitoarea criză orientală? A predominat vechea idee a neutralității care însă nu era garantată de nimeni."¹⁷

Într-o scrisoare datată 31 mai 1876, ministrul de interne român explică primului ministru că organizarea detașamentelor bulgare "care trec în Turcia sau în Serbia se face mai ales sub conducerea numiților Karavelov și Țapcov. După informațiile din surse sigure pe care le dețin acești doi străini depun o activitate intensă întru organizarea acestor detașamente și întrețin relații ample cu diverse comitete din țară și de peste hotare încercând să dăuneze, într-o oarecare măsură la poziția neutră pe care a impus-o României actualului ei guvern"¹⁸.

Este cunoscut însă bine faptul că sute și mii de refugiați de sub jugul otoman au găsit adăpost, ospitalitate și o viață liberă la nord de Dunăre. Mii de revoluționari bulgari, luptători dedicați trup și suflet cauzei eliberării naționale au activat și pe țărmurile românești. Aici au avut loc întrunirile celor care au organizat mișcările de eliberare națională ale bulgarilor, de aici au pornit către pământurile Bulgariei zeci de detașamente gata de luptă împotriva asupritorilor. Toți militanții bulgari au dat o importanță de prim rang colaborării cu România.

Gh. Racovschi, inițiatorul mișcării bulgare, organizație de eliberare națională găsește refugiu în România în 1855-1856, 1857, 1858, 1860, 1861, 1862, 1863 stabilindu-se definitiv în România.¹⁹ Gh. Racovschi a fost primul care a început o luptă revoluționară pentru eliberarea Bulgariei, încercând prin trimiterea cetelor înarmate să contribuie la izbucnirea unei

revolte generale.²⁰ Pentru discutarea programei mișcării de eliberare națională societatea bulgară a convocat în București Soborul popular al bulgarilor la 30 noiembrie — 4 decembrie 1876. Programa prevedea crearea unui stat independent bulgar, în care trebuia să intre toate teritoriile în care predomina populația bulgară: Bulgaria, Tracia, Macedonia. "În adresarea emigranților bulgari din România către Alexandru II, rugau să salveze poporul de la jugul turcesc"²¹.

Relațiile româno-bulgare din deceniile VII-VIII au avut o influență puternică asupra destinului istoric al ambelor popoare. În revista "Zname" din 18 ianuarie 1875, H. Botev susține credincios cauza românilor în lupta lor pentru independența națională: "Aspirațiile românilor la independență și suveranitate implică și interesele țărilor balcanice, căci prin lupta României, Imperiul Otoman suferă o puternică lovitură"²². Or, mișcările naționale din Balcani au găsit un sprigin important în societatea românească pentru rezolvarea dezideratelor naționale.

NOTE

1. Cuza Vodă. In memoriam, p. 237.
2. Platon Gheorghe Istoria modernă a României, 1985, p.199.
3. Ibidem, p.200.
4. Relațiile româno-bulgare de-a lungul veacurilor. Vol.II., p.10.
5. Mite Kremnitz, Regele Carol al României, Iasi, 1995, p.39.
6. Ibidem.
7. Istoria diplomatiei, Tom.III, Moscova, 1963, p.92.
8. Istoria României, Vol.III., p.578.
9. Relațiile româno-bulgare de-a lungul veacurilor, Vol.II., p.10.
10. Ibidem.
11. Ibidem, p. 12.
12. Ibidem.
13. N.Iorga, Politica externă a lui Carol I, București, 1991, p.156.
14. Istoria României, Vol.III, p.588.
15. N.Iorga. Op.cit., p.136.
16. Ibidem.
17. București, 1994, p.57.
18. Titu Maiorescu, Istoria politică a României sub domnia lui Carol I, Relațiile româno-bulgare de-a lungul veacurilor. București, 1994, p.57.
19. Titu Maiorescu, Istoria politică a României sub domnia lui Carol I, Vol. II, p. 14.
20. Ibidem, p. 9.
21. Istoria diplomatiei, tom.III, p. 111.
22. Kosev D., Novaia istoria Bolgarii, Moscova, 1952, p. 32.

Екатерина ЧЕЛАК
**ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СИСТЕМЕ
ОБРАЗОВАНИЯ БОЛГАР БЕССАРАБИИ И
БОЛГАРСКИХ ЗЕМЕЛЬ (1856-1878 гг.)**

С середины 50-х годов XIX столетия болгарское общество все настойчивее устремляется к духовной и политической самостоятельности. Эти стремления находят яркое выражение в национальном движении в пользу болгарской культуры и просвещения, в церковной борьбе 60-70-х годов, в создании единой системы начальных народных училищ в болгарских землях, в открытии первых средних учебных заведений на родном языке.

Болгарское национальное просвещение развивается также и за пределами Османской империи среди многочисленных болгарских колоний Южной Бессарабии. Основы национального просвещения среди болгар-переселенцев закладываются после Крымской войны. Это становится возможным благодаря болгарской эмигрантской интеллигенции, с одной стороны, а с другой — благодаря окрепшим в материальном и духовном отношении болгарам-колонистам.

Как известно, в 1856-1878 гг. по воле исторических обстоятельств Бессарабское болгарское водворение оказывается расчлененным в рамках двух сопредельных государств — Российской империи и Молдавского княжества, позже вошедшего в состав единого Румынского государства.

В развитии болгарского просвещения и образования в Бессарабском болгарском водворении в этот период четко очерчиваются два этапа. П е р в ы й — с 1856 и до конца 60-х годов — можно считать болгарским. На первый взгляд, развитие болгарского национального просвещения и образования в русской и ру-

мынской частях Бессарабии резко отличаются глубиной протекающих процессов в деле создания целой сети национальных болгарских школ, по их интенсивности и результатам.

Открытие первого болгарского среднего учебного заведения в Болграде и превращение его в один из наиболее значительных национальных культурных центров в период болгарского Возрождения — кульминация болгарского просвещения в Бессарабии¹. Благодаря Попечительному комитету Болградского центрального училища это учебное заведение не только сумело сохранить свой национальный характер, но при этом стало очагом болгарской культуры Возрождения, способствуя превращению Болграда в культурно-просветительский центр не только для Бессарабии, но и для их братьев из-за Дуная. Экономическое положение Болградского центрального училища (БЦУ) в конечном счете сыграло решающую роль в получении этим учебным заведением относительной автономии в Румынском королевстве². Под патронажем Попечительного комитета БЦУ до конца 60-х годов и в сельских колониетских училищах идет обучение на родном языке.

В русской части Бессарабии наблюдаются некоторые особенности, связанные с реформаторскими процессами, протекающими в государстве, в том числе и в сфере просвещения. Как известно, в Российской империи с конца 50-х годов начинают проводиться реформы, которые приводят к существенным переменам в системе образования. Благодаря политическим реалиям и неутомимой деятельности болгарской возрожденческой интеллигенции, в Русской Бессарабии также предпринимаются конкретные шаги по созданию системы национального болгарского образования³. Этот процесс становится очевидным к середине 60-х годов.

Отметим, что в пределах Российской империи движение в пользу нового болгарского просвещения предполагало значительно больше усилий и воли со стороны как местных болгар, так и эмигрантской интеллигенции, чем в Румынии. Одна из причин такого положения кроется в том, что в России, в отличие от сформировавшейся еще в державном отношении Румынии, в рассматриваемый период существует уже хорошо отлаженная система

образования с вековыми традициями. Кроме того, в русской части Бессарабии отсутствует активный центр болгарских колоний, каким является Болград для румынской. Роль Болграда и БЦУ в развитии болгарского национального просвещения в Русской Бессарабии огромна. Болград здесь выступает как образец для подражания. Комратские болгары, постоянно поощряемые болгарской возрожденческой прессой, в течение всего рассматриваемого периода стремятся достичь уровня Болграда, превратить Комрат в болгарский культурный центр⁴. Но это их желание так и останется нереализованным ввиду, кроме вышеперечисленных причин, еще и пестрого этнического состава колоний русской части Бессарабии. В отличие от сравнительно однородного Болграда, где болгары составляли преобладающее большинство, значительное количество граждан Комрата — тюркоговорящие гагаузы⁵. При этом, в болгарских селах русской части Бессарабии заботами болгар-родолюбцев в первой половине 60-х годов учебное дело развивалось отчасти на национальной основе: наряду с русским языком обучения здесь использовался и болгарский. К этому времени относится и первый опыт создания Комратского центрального училища (КЦУ), которое просуществовало всего около двух лет⁶.

Между начальными училищами болгарских колоний Бессарабии и болгарских земель существуют некоторые общие черты. Так, например, они содержались болгарскими общинами, поиском учителей занималась сельская администрация, а назначались они Попечительным комитетом БЦУ в румынской части Бессарабии и Попечительством болгарских колоний — в русской. И в метрополии, и в колониях учителя получали зарплату, установленную сельским обществом. Экономическое положение бессарабских болгарских училищ и учебных заведений идентично. Государства, в лоне которых они функционировали, не вкладывали в них никаких средств, школы существовали исключительно за счет самих болгар.

Одно из существенных различий между учебными заведениями этих государств — их характер. В Румынии, как и в болгарских землях, училища имеют ярко выраженный светский характер, а в России они подчинены и церковным властям. При этом

здесь допускается прямое вмешательство церкви в учебный процесс. Это не могло не накладывать определенный отпечаток на всю образовательную систему Российской империи, делая ее более консервативной и статичной.

В целом, училища в болгарских колониях, вся сеть институтов просвещения, в которых действует плеяда пламенных родолюбцев, являлись важными народными очагами, где получали образование, патриотическое и гражданское воспитание дети бессарабских болгар-колонистов. Эти училища, решая свои образовательные задачи, также способствовали и приобщению болгар-переселенцев к общенациональным задачам болгарского народа, к активному их участию в борьбе за национальную и духовную самостоятельность, за политическую независимость.

В этот период училища обеих частей Бессарабии являются основным орудием сохранения и поддержания болгарского самосознания у переселенцев. Именно они способствуют необычайно быстрому подъему спомоществования и болгарского книгоиздательства, особенно в румынской части Бессарабии⁷.

До середины 60-х годов в колониях обеих частей Южной Бессарабии наблюдается тенденция относительно спокойного и целенаправленного развития учебного дела и просвещения в национальном духе. Однако со второй половины 60-х годов становятся явными признаки резкого наступления на национальный характер начальных сельских училищ болгар-колонистов как России, так и Румынии. Эта тенденция в политике официальных властей получает свое логическое завершение в конце 60-х годов XIX века, когда болгарский язык был изгнан из этих учебных заведений⁸.

С конца 60-х-начала 70-х годов начинается второй этап в развитии болгарского просвещения в Бессарабском болгарском водворении. Он характеризуется все более усиливающейся ассимиляторской политикой по отношению к инородцам, действиями, направленными на выравнивание в культурном отношении представителей различных народностей, населяющих оба государства. Правительства их пытаются как можно быстрее интегрировать своих новых подданных в политико-административные системы своих держав.

С начала 70-х годов, наряду с запрещением болгарского языка в колониальных училищах, постепенно происходит смена педагогического персонала, который теперь назначается официальными властями и подавляющее большинство которого не владеет языком местного населения⁹. Бесспорно, этот факт сыграл негативную роль в общем развитии болгарского юношества Бессарабии.

С середины 60-х годов упорная борьба ведется и вокруг языка преподавания в Болградском центральном училище. Все настойчивее становятся стремления официального Бухареста трансформировать это учебное заведение в румынское¹⁰. Однако благодаря сохранению своего экономического статуса и дальновидному руководству Епитропии это училище остается единственным в регионе, где болгарский язык употребляется на официальном уровне.

Созданное в этот период Высшее бессарабско-болгарское центральное училище в Комрате, несмотря на вывеску, по сути, русское учебное заведение прогимназиального типа, где болгарский язык вначале читался как предмет, а во второй половине 70-х годов и вовсе был выброшен из училищной программы¹¹. Как и БЦУ, это училище содержится за счет болгар-поселенцев, но, в отличие от первого, оно не является собственником недвижимости. Кроме того, учебная программа здесь ограниченнее, а преподавательский состав КЦУ значительно уступает болгарскому в профессиональном отношении. Но, несмотря на это, Комратское центральное училище все же внесло определенный вклад в дело пробуждения интереса к наукам и просвещению в Буджаке среди болгарского и гагаузского населения.

Ввиду того, что в этот период начальные училища в бывших колониях перестают существовать как болгарские, на их месте возникают другие национальные культурно-просветительские институты, как-то: читальни, различные просветительские общества, театральные труппы и т. п. Огромен размах дарительства среди бессарабских болгар. Большое значение имеют длительные и непрерывные связи между Болградом и болгарской эмиграцией в Румынии с болгарскими просветительскими институтами в самих болгарских землях. Как известно, за Дунаем, в Болгарии, в

это время открываются еще две гимназии, несколько специальных училищ. Болгарским общинам удается сделать все возможное и добиться невмешательства османских властей в учебное дело. Повсеместно открываются читальни, создаются учительские и ученические общества, а с 1868 г. начинают созываться Национальные учительские соборы. Болгары отстаивают национальный характер своих учебных заведений, борются против турецкого и греческого влияния в них и в конечном итоге побеждают. И, если на первом этапе развитие национального болгарского образования в метрополии и колониях происходит примерно в унисон, то на втором метрополия в этом отношении уходит заметно вперед, и это объяснимо. Болгарские культурные институты за пределами болгарских земель действуют в специфических условиях, зависят от действующих законов и частых перемен в политике государств, на территории которых находятся. Однако, несмотря на все это, новая генерация болгарской молодежи, взращенная в стенах этих национальных культурных институтов Бессарабии, впоследствии явится основным ядром, усилиями которого будет воссоздано в административном, политическом, культурном и хозяйственном отношении свободное болгарское государство в 1878 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр.: Мыславский К.И. *Исторический очерк гимназии императора Александра III в Болграде*. Ч.1. Болград, 1904; Тигоров Й. *Българите в Бесарабия*. София, 1903, с. 126-133, 137-140, 188-196, 204-209; Дякович Б. *Из историята на учебното дело. 50-годишнина на една забравена гимназия*. // Училищен преглед, 1908, № 10, с. 947-968; Иванов К. *Културен живот. Болградската гимназия* // Училищен преглед, 1935, № 3, с. 312-335; Атанасов П. *Болградската гимназия* // Училищен преглед, 1940, № 2, с. 209-232; Дончев Д. *Болградската гимназия през 1858-1878 гг.* // Известия на педагогическия институт "Акад. Т. Самодумов", 1965, № 19, с. 203-233; Радкова Р. *Към предисторията на Болградската гимназия* // Векове, 1978, кн. 3, с. 41-45; Грек И.Ф., Челак Е.И. *Болградската гимназия: история на създаването, дейност, проблеми на възстановяването* // Болградската гимназия. Сборник по случай на 135 години от основаването ѝ. София, 1993, с. 59-75; Грек И., Червенков Н. *Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще*. София, 1993, с. 63-124.

² Мыславский К.И. Указ. соч., с. 30-33; *Жизнеописание митрополита Охридско-Пловдивского Натанаила* (автобиографични бележки) // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, 1909, кн. 25, ч.1, с. 46.

³ НБКМ-БИА, ф.18, а.е. 1, л. 13-14; Иванов И.С. *Краткий очерк болгарских колоний* // Записки Бессарабского областного статистического комитета, 1864, № 1, с.51-52; Генчев Н. *Българската национална просвета и Русия след Кримската война* // Годишник на Софийския университет, 1975, № 3, с. 314; Челак Е.И. *Руска и Румънска Бесарабия: опит за съпоставяне върху примера на Болградската гимназия и Комратското централно училище (1856-1878)* // Болградската гимназия. Сборник по случай 135 години от основаването ѝ. София 1993, с. 90-99.

⁴ Българска пчела, № 31 от 27 декември 1863, с. 123; Български книжици, 1859, № 4, ч.1, с. 244.

⁵ Там же, с.244; Клаус А. *Наши колонии*. Санкт-Петербург, 1869, с. 339.

⁶ Челак Е.И. *Централно училище в Комрате: к проблеме становления национального болгарского образования в Бессарабии* // Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине. Кишинев, 1993, с. 142-146.

⁷ Кутинчев С. *За българската печатница в Болград* // Общ подем, 1917, №24, с.1360, Начов Н. *Новобългарската книга и печатното дело у нас от 1806 до 1877 г.* // Списание БАН, 1921, № 15, с.66, Дроснева Е. *Българската възрожденска книга в Бесарабия*. Общ преглед към спомоществователското дело // Българите в Северното Причерноморие. Т.3. Велико Търново, 1994, с.149-159.

⁸ НБКМ-БИА, ф.116, а.е. 4, л.54, там же, ф.154, а.е. 3, л.15-16, Свобода, №6 от 11 декември 1868г., с.46, Дунавска зора, № 34 от 15 юли 1868г., с.125, Македония, № 36 от 3 август 1868г., с.143, Челак Е.И. *Културни прояви на българските преселници в руската част на Южната Бесарабия (1856-1878 гг.)* // България в сърцето ми. Сборник, посветен на 60-годишнината от рождението на Константин Поглубко. София, 1996, с. 126-146.

⁹ Свобода, № 20 от 22 март 1870г., с.158, Отечество, № 39 от 1 май 1870г., с.154.

¹⁰ Мыславский К.И. Указ. соч., с.73, 166-168.

¹¹ Челак Е.И. *Централно училище в Комрате: к проблеме становления национального болгарского образования в Бессарабии* // Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине, с. 148-150.

Елена ХАДЖИНИКОЛОВА (България)
**БЕСАРАБСКИТЕ БЪЛГАРИ ПРЕЗ XIX-XX ВЕК
В СЪВРЕМЕННАТА БЪЛГАРСКА
ИСТОРИОГРАФИЯ**

Понятието "съвременна историография" е твърде широко. То съдържа възможности за много възражения. В действителност периодът на изследването се налага обективно от множеството трудове по разглеждания проблем през 90-те години на XX в. в България. Ако се направи преглед на това, което се създава през последното десетилетие, ще се види, че 90-те години се открояват с изключително плодотворна работа на българските историци. Десетилетия наред за бесарабските българи не се пише. През 80-те години бе защитена една кандидатска дисертация в България, свързана с бесарабските колонии през 60-70-те години на XIX в., но системно и широко организирана работа историците започват едва през 90-те години. По този начин тези години определят хронологическите рамки на изследванията, свързани с бесарабските българи в съвременната българска историография.

Пъв център в България, който организира творческите интереси на историците към бесарабските българи, се създава в София около културно-просветното дружество за връзки с бесарабските и таврийските българи, наречено "Родолубец". Дружеството е председателствено първоначално от Петър Германов, по-късно от Тончо Василев, а понастоящем от Александър Миланов. То издава алманах "Родолубец", от който са излезли вече отпечат два тома¹.

Редколегията на алманаха "Родолубец" се състои от Тончо Василев, Борис Илиев и Димитър Тракийски, а през 1994 г. тя е включвала и Здравка Горанова. Алманахът отразява големи го-

дишнини от историята на българския народ, като отделя внимание на участието на бесарабските българи в тях. Първият му том се посвещава на 135-та годишнина от основанието на Болградската гимназия, а вторият — на 120-та годишнина от Априлското въстание през 1876 г. Предстои да излезе от печат трети том, свързан със 120-та годишнина от Руско-турската война през 1877-1878 г. и участието на бесарабските българи във войната.

Алманах "Родолубец" е трибуна за широка патриотична изва и на редица изтъкнати български писатели, поети, общественици, учени. В него се поместват творби на българското народно творчество, спомени или произведения на известни бесарабски българи и др. Историческите изследвания за българите от Бесарабия в алманаха са дело на Мария Никифорова, Елза Стоянова, Николай Червенков, Никола Караиванов, Петър Германов, Екатерина Челак, Спасина Хисарлъшка и др. Те отразяват културно-просветния живот на Болградското училище, участието на бесарабските българи в Априлското въстание и др.

По страниците на алманах "Родолубец" намират място родоизследователски проучвания на редица бесарабски български родове (рода на Д. Киранов от с. Главан, на протоерей Д. Г. Чакир от с. Чадър, на Д. Добрев от с. Кортен и др.). Авторите на родоизследователските проучвания като Димитър Тракийски, Димитър Добрев, Люба Макаева и други допринасят за разширяване на представите за живота на бесарабските българи през XIX-XX в.

Наред с алманах "Родолубец", благоприятни условия за научно-изследователска работа на българските историци през 90-те години на XX в. се създават от дейците на списанията "Население" и "Родознание". Историческото минало на бесарабските българи намира място също и по страниците на списание "Исторически преглед", "Известия на националния център по военна история", "Военно-исторически сборник" и др. Трябва обаче да се посочи, че списанията "Население" и "Родознание" имат целенасочена политика към изучаването на миналото и настоящето на бесарабските българи. Така, "Население", орган на Института по демография при Българската академия на науките, за периода 1992-1997 г. публикува изследвания на български и бесараб-

ски автори като Д. Аркадиев, Ив. Грек, Й. Колев, Г. Аствацатуров, Ал. Хомра и др.²

Авторите се спират на естествения прираст на българското население в Южна Русия през средата на XIX в. Те използват постигнатите резултати за оценка на естественото движение на българите на Балканския полуостров през XIX в. и за преценка съдбата на българското население в Русия и СССР през XIX-XX в. Проучват също миграционното състояние на селското население в Южна Русия, включително и на бесарабските българи за времето от първите масови заселвания на региона до наши дни. Тези въпроси в списанието "Население", макар че имат демографски характер, допълват историческата картина за положението на българите в Бесарабия през интересуващите ни години.

Родоизследователски характер носи проучването на Ив. Грек, поместено също в списанието "Население". Авторът проследява запазените спомени на отделни бесарабски българи, предадени чрез родословни животоописания. Така Ив. Грек въвежда родословния материал като исторически извор за миналото на бесарабските българи и утвърждава ролята на родопроучването в историческото изследване.

Списанието "Родознание", орган на Българското генеаложко дружество "Родознание" в София, възглавено от акад. Веселин Хаджиниколов, още от първите си години проявява интерес към редица бесарабски редове и поддържа връзка с родоизследователите им³. По страниците на списанието се проучват родът на Олимпи Панов, фамилията Петкови, Рунтовият род от гр. Тараклия, родът на Ив. Кавалов от с. Кирсово, свещеническият род Чакир от с. Чадър, Драгановият род от с. Шикирли-Китай, родът на Стоян Проченик. Всички тези родове имат свои политически дейци, тясно свързани с обществения живот на Бесарабия, поради което те са ценен исторически извор.

"Население" и "Родознание" отделят внимание и на изследвания, посветени на историческото минало на бесарабските българи. Така те обнародват рецензии на В. Тонев, Е. Хаджиниколова, А. Георгиева и др. за редица исторически книги

В София център за изучаване на историческото минало на бесарабските българи се оформя и при Международния център по

проблемите на малцинствата и културните взаимодействия. През 1996 г. той публикува сборника "Бесарабските българи за себе си"⁴, колективно дело на групата за изучаване на идеологиите при Софийския университет и секцията по българистика при Института за национални малцинства към Академията на науките в Молдова. Работата включва материали, събрани по време социологическото изследване "Бесарабските българи: традиции и промени", ръководено от проф. Петър-Емил Митев и ст. н. с. Николай Червенков. Сборникът охваща 52 животоописания, от които 30 са написани саморъчно или са разказани на близък човек, а 22 са записани от участник в научния колектив. Всеки разказ проследява развитието на отделните фамилии, свързани с личността на автора. Постигнатият успех на научния колектив в действителност е пръв опит на бесарабските българи да изучат своите родове, а всеки отделен очерк е родово дърво на представения автор.

От друга страна, сборникът "Бесарабските българи за себе си" предава интересни разкази за редица политически събития в Бесарабия през XIX-XX в., хронологически завършващи с разпадането на СССР. Така той има важен принос в развитието на българската историография, свързана с изучаването на бесарабските българи.

Постиженията на съвременната историография за бесарабските българи през XIX-XX в. намират място и по страниците на списанието "Българистика и българисти", издание на Съвета по българистика при Министерството на образованието и науката. Това списание популяризира в България постиженията на молдовските и украинските учени в изучаването на бесарабските българи. Така българските историци успяват да се запознаят с двата интересни научни сборника⁵, дело на "силното крило на молдовските историци", успешно продължаващи традицията на И. Мещерюк и К. Поглубко. В сборниците се разширява тематичният спектър, като се привличат и специалисти от други хуманитарни дисциплини.

В списанието "Българистика и българисти" А. Миланов дава висока оценка и за втория том на алманах "Родолюбец"⁶. Според автора алманахът представлява интерес не само за българите в

Бесарабия, но също и за тези в Румъния, Югославия, Австралия, Канада, САЩ и др.

Специално трябва да посочим, че у нас се започна подготовка на специалисти от Молдова и Украйна. Сред тях е Е. Челак, която първа защита през 1996 година кандидатска дисертация в София. Тя работи в областта на училищното дело и на културния живот на българските преселници през 1856-1878 г. Е. Челак има приноси в изучаването на Болградското централно училище и в утвърждаването на неговия български характер.

Голям успех на българската историческа наука през 90-те години на XX в. е защитената докторска дисертация от Стефан Дойнов, също посветена на нашите преселници в Южна Русия през Българското възраждане (1751-1878). Авторът проследява всички български преселнически движения в Бесарабия от края на XVIII в. до 50-60-те години на XIX в. Той разглежда формирането на колонистките селища, организацията им и техния поминък. Дойнов се спира на просветния и културен живот на колонистите.

Деветдесетте години на нашия век са богати с голям брой монографии и документални сборници, посветени на живота на бесарабските българи през XIX-XX в. През 1993 г. в София И. Грек и Н. Червенков издават колективната монография: "Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще".⁷ Дватама историци са известни учени от Института за национални малцинства към Академията на науките в Молдова. Те работят в секцията по българистика, първоначално възглавявана от С. Новаков, а днес от Н. Червенков. Представяната на българския читател монография би трябвало да се разглежда като дело на целия колектив на Института за националните малцинства в Кишинев.

В София е отпечатан научен сборник, посветен на 135-та годишнина от основанието на Болградската гимназия⁸. Трудът е дело на Културно-просветния център "Васил Априлов" към Министерството на наука и образованието и на общесвения комитет "135 години Болградска гимназия". Той обхваща статии на 29 учени, участници в конференцията в София, проведена през май 1993 г. Основната тематика на изследванията е насочена към историята на откриването на това учебно заведение, към разви-

тието и значението му за българската история, към проблемите на българската просвета в Молдова и Украйна днес и към възможностите Болградската гимназия да си възвърне статута на българско училище.

Отново в София през 1994 г. Н. Жечев, М. Младенов и Бл. Нягулов обнародват документален сборник за българите в Румъния през XVII-XX в., в който се съдържат документи и за българите в Бесарабия⁹. Сборникът е подпомогнат от Международния център по проблемите на малцинствата и културните взаимодействия, от внука на Иван Желязков, известен бесарабски деец и др. Той се създава също и по инициатива на дружеството в София за културни връзки с българите в Румъния.

През 1995 г. Стефан Стефанов публикува своята монография "Пред олтара на отечеството", издание на "Македония-прес" в София¹⁰. Авторът разглежда живота на бесарабските българи, видни военни дейци, жертвали се за своята родина България. Той проследява дейността на Данаил Николаев, Олимпи Панов, Стефан Кисов, Аврам Гуджев, Георги Ангелов, Петър Груев, Стефан Любимски, Георги Дерманчев, Константин Кесяков, Георги Тодоров и др.

През 1994 г. дружеството на българите в Унгария чества своята 80-та годишнина, която се отбелязва с научна сесия в Будапеща. Организаторите на събитието са дружеството на българите в Унгария, Агенция за българите в чужбина при Министерския съвет на Република България и Института по демография при БАН. В София бе публикуван сборник от статии, включващ проучванията на участниците от тази научна среща. В сборника проблемите на бесарабските българи отразяват П. Константинов, Н. Червенков, И. Грек и Е. Миланов¹¹.

Според П. Константинов бесарабските, олшанските, таврийските и кримските българи днес по официални данни възлизат на около половин милион души, а по неофициални те надхвърлят милион и сто хиляди. Това население е запазило езика си, историческото си минало и народокултурната си памет. Н. Червенков проследява етапите на заселване на българското население в Молдова и Украйна от най-стари времена, разселването му от първоначално създадените през 30-50-те години на XIX в. коло-

нистки селища и резултатите от преброяването на бесарабските българи още от 1897 г. до последните статистики през 1989 г. И. Грек се спира на същността на пълнономашабната културно-национална автономия, която би могла да се даде на българите в Молдова — той посочва нейните съставни части по отношение на административния, културния, просветния и друг живот на населението.

В София през 1996 г. бе чествана 60-годишнината от рождението на Константин Александрович Поглубко, талантлив българист от Кишинев. Събитието се отбелязва с юбилеен сборник "България в сърцето ми"¹². В нея участват голям брой учени от България и Молдова. Всичките автори свидетелстват, че трудовете на К. Поглубко имат непреходна стойност и широко се използват от историци, краеведи, журналисти и други специалисти. Важно доказателство за това е и фактът, че юбилейния сборник е създаден от Научното дружество на българистите от Република Молдова, възпитаници и приятели на Поглубко, обединени от идеите и постиженията на своя учител и колега. В България сборникът успя да излезе от печат благодарение на Българското генеаложко дружество "Родознание" и на спомоществованията на редица молдовски и български организации и фирми.

През 1994 г. университетското издателство "Св.св. Кирил и Методий" във Велико Търново издаде документален сборник, посветен на българите в Молдова и Украйна през Втората световна война¹³. Материалите са събрани и подготвени за печат от П. Тодоров и Бл. Нягулов. Макар че обхваща малък исторически период, документалният сборник тежи с уникалността на публикуваните архиви, пряко свързани с българите в Украйна и Молдова и отнасящи се за време, за което не са правени специални изследвания върху нашите сънародници. Освен това тези документи са важни и защото отразяват истинските интереси на българите и гагаузите в този край през войната, като показват техните стремежи и борби.

Документалният сборник е издание на годишника на Великотърновския университет и свидетелства за оформянето при този университет на нов център за изучаването на историческото минало на бесарабските българи.

През 1992-1996 г. Историческият факултет при Великотърновския университет заедно със Секция "История" при Съюза на учените в България организират научни конференции, материалите от които съставят петтомна поредица от научни изследвания и излизат под названието "Българите в Северното Причерноморие"¹⁴, на който е съставител проф. П. Тодоров. Сред авторите са историците П. Тодоров, Стр. Димитров, Е. Дроснева, К. Калчев, Бл. Нягулов, И. Грек, Е. Челак, В. Тонев, Р. Русинов, К. Печников, И. Стоянов, О. Маждракова, М. Чолакова, В. Тонев, Н. Жечев, Е. Хаджиниколова и др. Постиженията на историците се групират в няколко основни дяла, свързани с историческите периоди на политическото управление на Бесарабия от руското или румънско правителство. В поредицата "Българите в Северното Причерноморие" участват също редица български и чужди археолози, езиковеди, фолклористи, етнографи и др. Сред тях са: В. Тъпкова-Заимова, Р. Русинов, Фр. Гуида, Г. Атанасов, Пл. Павлов, И. Стоянов, Е. Стоянова, К. Попконстантинов, К. Динчев и др.

Нямам за задача да разглеждам научните приноси на всички автори, но не мога обаче да не подчертаяче, петтомното издание на Великотърновския университет има необичайна широта на проблематиката. То остава незаменимо постижение в историографията не само на бесарабските българи през XIX-XX в., но изобщо в изучаването на Северното Причерноморие.

Като говорим за великотърновския център за проучване на проблемите на бесарабските българи, трябва специално да отбележим трите книги на доцент Калчо Калчев, в които той разглежда участието на бесарабските българи в освободението на България, техния принос във формирането на българските държавни и обществени институции¹⁵.

Накрая искам да се спра на малко известните и първи опити на Сливенската община и Бургаската областна управа да организират през 1996 и 1997 г. международни научни конференции в Сливен и Бургас, посветени на историята и на съвременните проблеми на бесарабските българи. Тези сесии обединяват учени от редица български градове. Така в България започват да се оформят нови центрове за изучаване на бесарабските българи след София и Велико Търново.

В настоящето изказване, посветено на най-значимите постижения в българската историография в изучаването на бесарабските българи през XIX-XX в., се отделя място преди всичко на усилията на важни обществени организации и на големи научни колективи. Трябва също да се посочи, че интересът в България през 1990-1997 г. към историческото минало на бесарабските българи има необичаен размер. Поради това дължа да се извиня на онези автори, които не са намерили място в нашето изложение.

БЕЛЕЖКИ

¹ *Родоловец*. Алманах. № 1. С., 1994, 230. С. Пак там: № 2. С., 1996, 192 с.

² *Население*. С., 1992, № 4, С. 25-30; Пак там: 1994, № 5-6. С. 35-41; Пак там: 1995, № 3-4. С. 56-64; Пак там: 1995, № 1. С. 133-137; Пак там: 1996, № 1. С. 45-55.

³ *Родознание*. С., 1993, № 2. С. 20-24; Пак там: 1993. С. 43-46; Пак там: 1994, № 1. С. 32-40; Пак там: № 2. С. 25-38; № 4. С. 46-50; Пак там: 1996, № 2. С. 46-47; Пак там: 1997, № 3-4. С. 49-52.

⁴ *Бесарабските българи за себе си*. Съст. П.-Е Митев и Н. Червенков. С., 1996, 317 с.

⁵ *Проблеми езика, истории и култури българской диаспори в Молдове и на Украине*. Отв. ред. С. Новаков. Кишинев, 1993, 187 с.; Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины. Отв. ред. Кишинев, 1995, 108 с.

⁶ *Българистика и българисти*. С., 1997, № 4. С. 15-17.

⁷ Грек И., Червенков Н. *Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще*. Прев. от руски език К. Канева. Изд. къща "Христо Ботев". С., 1993, 296 с.

⁸ *Болградската гимназия*. Сборник по случай 135 години от основанието и. Науч. ред. Н. Жечев. Културно-просветен център "Васил Априлов". С., 1993, 288 с.

⁹ *Българите в Румъния XVII-XX в.* Документи и материали. С., 1994.

¹⁰ Стефанов Ст. *Пред олтара на отечеството*. Имена от пантеона на безименните бесарабски българи, видни войсководители, жертвали живота си за майка България. Изд. "Македония-прес". С., 1995, 305 с.

¹¹ *Българите в Средна и Източна Европа*. Научна конференция, посветена на 80-годишнината на дружеството на българите в Унгария. Унив. изд. "Св. Климент Охридски". С., с. 37-44, 62-81, 151-154.

¹² *България в сърцето ми...* Сборник, посветен на 60-годишнината от раждението на Константин Поглюбко. Отг. ред. Н. Червенков. София, 1996, 237 с.

¹³ *Българите от Украйна и Молдова (1941-1945)*. Документи и материали. Отг. ред. П. Тодоров. // Трудове на Великотърновския университет "Св. Св. Кирил и Методий", т. 31, кн. 3. Велико Търново, 1994, 268 с.

¹⁴ *Българите в Северното Причерноморие*. Изследвания и материали. Съставител П. Тодоров. Научни редактори В. Тъпкова-Заимова, П. Тодо-

ров, П. Павлов, Р. Русinov, К. Попконстантинов. Т. 1-5. Велико Търново, 1992-1996.

¹⁵ Калчев К. *Генерал Данаил Николаев*. Биографичен портрет. Изд. "Св. Георги Победоносци". С., 1995, 178 с.; *Бесарабските българи в руско-турската война (1877-1878 г.)*. Унив. изд. "Св. св. Кирил и Методий. Велико Търново, 1995, 11 с.; *Доктор Анастасия Головина. Една забравена българка*. Велико Търново, 1996. С. 246.

Virgiliu BÎRLADEANU.
**INTERFERENȚE ISTORIOGRAFICE ÎN
 PROBLEMA "BALCANISMULUI"**

Formula "balcanității" consacrată și adeseori folosită în publicațiile secolelor XIX-XX¹, a început să-și completeze accepțiunea începînd cu secolul XVII², de atunci de cînd Balcanii, pentru a cîta oară, au reapărut pe harta Europei; în interesele ei politice și economice.

La finele aceluia secol de plină criză a Imperiului Otoman, Europa își redescoperea și își extindea hotarul peste arealul de coexistență a unei comunități de popoare în limitele unei durate istorice neatînse pînă atunci. Încercările de a reconstrui realitățile au adus pe scenă un număr abundent de oameni politici, strategii și diplomați; o istoriografie politică incomparabil mai vastă decît istoriografia mentalităților și atitudinilor dominante, ideilor și spiritualității care au constituit mecanismul criptic al acestui circuit istoric. Politicul a dominat studiul, l-a intersectat, înrîurit, distorsionat.

Antrenate, fiecare în propriul său trecut, istoriografiile moderne sud-est europene pînă nu demult au susținut imagini parțiale, utile firește, dar care nu-și găseau adevărata semnificație decît integrate. Convergența acestora, în ultimele decenii, inclusiv și cu cea occidentală a profilat un efort axegetic care a reliefat circumstanțe esențiale în istoria civilizației sud-est europene. S-au radiografiat legături neîntrerupte și influențe reciproce între zone cu specific cultural, național și istoric diferit. S-au detectat paralelisme și valențe dominante în evoluția culturilor la fel de relevatoare în epoca preistorică, romană și în epoca migratorilor, în timpul Imperiului Bizantin și a Porții Otomane³.

La fel, s-a mai remarcat rolul factorului geografic determinant la fel ca și durata istorică pentru a se stabili indiscutabile identități în arealul civilizației sud-est europene⁴. Studiile au cuprins corpul etnic constituit în linii mari pînă la sfîrșitul mileniului I al acestei regiuni — popoare cu

fizionomii diferite, ireductibile care au coexistat în ciuda multiplelor circumstanțe istorice în același spațiu și spirit al Balcanității.

Esența unității balcanicilingvistice și culturale (ritualuri, mitologie, onomastică și limbi, structuri cotidiene) — a fost definită nu în tendința sa spre unificare maximală a elementelor, ci în susținerea tradiției bazată pe interferența timpurie culturală și lingvistică prin schimb și echilibru axiologic care a exclus asimilarea⁵.

Investigațiile au detectat culturi arheologice (Cucuteni, Gumelnița, Karanovo, Vinci, Hvar, Butmir, Larisa, Ciatal-Ghiuiuk, Hadgilar, Ciamhasan, Mersin, Beldibi, etc.) suficient de apropiate tipologic, legate de unitatea arealului, eventual interactive și înrudite. Interacțiunea culturilor locale precum și influența celor străine (pre-elenică, elenă și romană) au jucat un rol decisiv în evoluția civilizației balcanice⁶. În tot arealul s-a jucat un rol decisiv în evoluția civilizației balcanice⁶. În tot arealul s-a identificat analogii în simbolica ritualică și mitologică; credințele religioase despre lume și mediul înconjurător survenite din obiceiuri religioase și suprapuse cu creștinismul și islamul s-au transformat în obiceiuri religioase și populare ale ciclului calendaristic, jocuri, fragmente folclorice, etc.⁷. Condițiile vitale în primul rând latura lui materială (mediul înconjurător, uneltele de muncă, gospodărirea, alimentația) precum și aspectul lui social (forme similare de relații de producție și consum) a generat analogii ale cotidianului optimizate în procesul de adaptare la condițiile mediului înconjurător⁸.

Incontestabil, pentru popoarele balcanice, dinainte și deîndată după anul 1000, "modelul cultural", prin excelență, rămâne acela dat de Imperiul Bizantin.⁹ Epoca evului mediu în acest areal a fost dominată de "subiectele unei axiologii comune"; de "idealul politic comun, concretizat de religia creștină ortodoxă" și, legat de moștenirea bizantină, de funcționalitatea dublei tradiții — aulică și populară¹⁰.

Alături de aceste constatări s-au afirmat obiecții care au reflectat situația mult mai complexă și care au tendința de a revizui unele concepții istoriografice deja afirmate¹¹. De la bun început elementele unui fond tracic comun modificate de romanitate care au urmat un destin aparte în conformitate cu diferitele circumstanțe n-au putut, după părerea unor exegeți, să justifice existența unui spirit sud-est european unitar. S-a remarcat că pînă în prezent n-au fost abordate într-un studiu nici formula balcanismului, nici arealul de extindere care ar elucida susceptibil esența fenomenului, stabilind statul său de categorie estetică, diferită de trăsăturile etice.

Virgil Cândea în studiul său *Intelectualul sud-est european în secolul al XVII-lea*¹², susține că o cercetare a dezvoltării paralele și a raporturilor diferitor culturi din cuprinsul Turcocrăției și schimbului de idei din spațiul turcocalcanic rămîne să fie întreprinsă iar "pînă la publicarea unui număr mare de ediții de opere, biografii și studii parțiale, va fi imposibilă publicarea unei complete Istorii comparate a culturilor sud-est europene"¹³.

Cucerirea turcească din secolul XVII a provocat o islamizare religioasă și turcizare lingvistică cu caracter periferic¹⁴. Începînd cu secolul XV, înlocuirea imperiului creștin ortodox prin acela, multinațional, musulman al otomanilor a însemnat pentru o parte dintre popoare, căzute sub această înfrîngere, conturarea unei noi unități culturale cu puternică pecete orientalizantă.¹⁵

Multiple studii pe marginea istoriei civilizației balcanice la intersecția medievalității cu modernitatea, într-un efort explicabil a istoriografiei de sincronizare sau coordonare cu celelalte valențe occidental-europene s-au mai detectat și alte perspective de studiu: un "umanism sud-est european", un "umanism ortodox" sau "aulic" est-european, un "Bizance après Bizance", un "postbizantinism în decadentă"¹⁶.

În aceste împrejurări procesul tradiție-inovație în evoluția culturilor balcanice capătă o ipostază deosebită celei europene. Intersecția evului mediu și epocii moderne, etalează o "mutație" profundă la nivelul efortului intelectual: laicizarea gîndirii, afirmarea concepțiilor umaniste, noi curente de politică externă. Acest secol genera în țările apusene un orientalism științific, înglobînd Turcocrăția, se înmulțise și se nuanțaseră notele de călătorie pe un plan religios, economic și politic. Interesul Europei occidentale pentru lumea orientală determină dezvoltarea comerțului în Mediterana otomană, creșterea activității ambasadelor marilor puteri la Poartă sau înființarea Congregației apostolice De propaganda fide.

Sud-Estul ortodox, deși părtaș ai comunității europene pare pînă în acel moment străin marilor curente de cultură occidentală. Tradițiile, conștiința confesională au modelat profilul spiritual al societății, avînd urmări însemnate asupra sistemului de valori și schema mentală. În mentalitatea unei bune părți a comunității post-bizantine a rămas în chip evident adînc înrădăcinat clișeu Constantinopolis-Antirome și idea eliberării de sub dominația otomană cu prețul reconcilierii cu catolicismul era hotărît și permanent respinsă. Occidentalii itineranți atestau în descrierile Sud-Estului pînă la limita secolului XVII un complex de instituții, un sistem politic, o formație religioasă, un tip de civilizație dominată de ideologia ortodoxă și

de moștenirea bizantină. În limitele medievalității această comunitate spirituală sub semnul paradigmei postbizantine a existat și a evoluat conform legiților proprii reflex imunitar a acestei spiritualități orientat spre menținerea identității confesionale și politice. Faptele de cultură au fost oprite fără să înfîlnească în aceleasi ziduri chinezești sau bariere naturale vizibile la hotarul cu regiunile catolice, sau reformate și orientul ortodox, implicându-se cel puțin în aparență răspindirea marilor curente înnoitoare de idei, de simțire și forme.

Studiul secolului XVII sud-est european semnaleză suficiente elemente pentru identificarea unei crize de conștiință tradițională. Evident, Europa de Sud-est a dispus de mai puțin timp decît Europa apuseană sau centrală pentru a-și fluctua programul sau idealurile, iar acest proces, tocmai că a acționat repede asupra unor structuri vetuste și nu a putut evita un climat de confuzie în desfășurarea și în urmările sale. Impactul fenomenului politic, haosul social și economic au provocat în psihologia colectivă și în structura mentalităților un climat mental permeabil, traversat de o stare de anexitate, un profund sentiment de neliniște evidențiat la cel mai înalt nivel al inițiativelor culturale.

Intervalul între secolele XVII-XVIII este timpul cînd paradigma postbizantină se transforma în așa numitele "modele naționale", proces cauzat de destrămarea "confesiunii naționalități", susținut de anumite procese în interiorul fiecărei societăți în parte, printre care și o criza a conștiințelor de tipul celei evaluate de Paul Hazard, care a facilitat o contestare a tradiționalismului și un eflux în civilizația occidentală. Întregul răsărit al continentului înregistrează cea mai importantă și decisivă breșă în tradiția postbizantină, deci și în unitatea morfologică a balcanismului.

Modernitatea va aduce în estul european o "unificare stilistică" în formele sale culte, a configurat aici "psihologii naționale", o convergență, tot mai mul simțită, a civilizației din acest spațiu cu restul european¹⁷.

Pînă la "primele lumini", popoarele balcanice în ritmuri și în împrejurări relativ diferite, în limitele aceleiași dimensiuni istorice și geografice, constituie un obiect de studiu istorico-cultural și lingvistic de excepție. Perspectiva studiului comparativist, sintetic la nivelul mecanismelor subtile a evoluției civilizației balcanice a devenit o realitate nouă, complexă ale cărei limite acum nu se pot circumscrie prea lesne. La intersecția a mai multor discipline studiul balcanismului și-a resimțit imperativ necesitatea de a-și deplasa accentele înspre axiologie, mentalități, atitudini dominante, tradiționalism, etc. în prisma unei metodologii sintetice și comparativiste.

NOTE

¹ Termenul a fost introdus în circuitul științific în secolul XIX gratie geografului german A. Zeune (Idem., Versuch einer Wissenschaftlichen Erdbeschreibung, Berlin, 1809.)

² Toponimul Balcani își are originile în limba turcă, desemnînd munti sau o regiune muntoasă. (Cf. H.L. Kostanic, *The Geopolitics of the Balkans*, in Ch. and B. Jelavich, *The Balkan in Transition, Essays on the Development of Balkan Life and Politics since the Eighteenth century*, Berkely, 1963, p. 2.)

³ Cf. Răzvan Theodorescu, *Au sujet des "corridors culturels" de l'Europe sud-orientale*, in "Revue de etudes sud-est européennes", tom XXI, 1983, nr.1, p.7-22; nr.3, p.229-240.

⁴ În acest context, ar fi interesantă opinia privind "un anume spațiu istorico-geografic" de altminteri, pasibilă să explice, "anumite permanente și orientări constante ale politicii, ale negocului, ale civilizației." în întreaga Europă răsăriteană. (Cf. Em. Condurachi și Răzvan Theodorescu, *Europa de est, arie de convergență a civilizațiilor*, in "Revista de istorie", Tom 34, nr.1, p.7.

⁵ Cf. С. Димитров, К. Мансев, *История на балканските народи: XV-XIX в.*, Sofia, 1971; În evul mediu apartenența etnică, în deosebi în orase, era substituită de cea confesională: musulmanii, deseori, erau numiți "turci", creștinii ortodocși "greci", iar prin "latini" erau desemnați occidentali; I.V. Ivanov, *Формирование культурной общности народов Юго-Восточной Европы*, in *Исторические и историко-культурные процессы на Балканах*, Moscova, 1982, p.184.

⁶ Al. Fol, *Trakia i Balkanite prez rannepinisticeskaia epoha*, Sofia, 1975; M. Gimbutas, *The prehistory of Eastern Europe*, I, Cambridge, Mass., 1956; Em. Condurachi, *Influences greques et romaines dans les Balkans*, en Hongrie et en Pologne, in *Acte du VIII-e Congres internationale d'archeologie classique*, Paris, 1965; J. Cvijic, *la Peninsule balkanique*, Paris, 1918; J. Ancel, *Peuple et nations des Balkans*. Geographie politique, Paris, 1941;

⁷ Cf. M. Gimbutas, *Cult, myth and images of Old Europe*, Londra, 1975; Substraturile unității folclorice posedă o succesiune tipologică: Cultul Ursului regăsit în chipul sf. Andrei și în obiceiurile legate de el; obiceiul rusaliilor mostenită de la rosalia (rosaria)sărbătoare romană, prin intermediul tradiției greco-bizantine; tradiția medicinei populare absentă în rosaliile romane, obiceiul Caloianului (Scaloian, Păpusa, Gherman,) întâlnit la bulgari, români, sîrbi și albanezi; cultul bouului caracteristic arealului balcanic și civilizației egeene, cultului legat zieta fertilității, etc.

⁸ O tradiție asemănătoare a casei de locuit: o construcție dintr-o cameră și vatră în mijloc, divizată mai tirziu în două sau trei camere și soba perfecționată, unde deseori împreună cu oamenii își găseau loc și animalele; Cf. Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы, Moscova, 1968.

⁹ Em. Condurachi și Răzvan Theodorescu, Op. cit., Tom 34, nr.2, p.186.

¹⁰ Iorga, N., *Bizant după Bizant*, București, 1972; Ahrweiler H., *L'ideologie politique de l'empire byzantin*, Paris, 1975; Virgil Căndea, *Les intellectuels du Sud-Est européen au XVII-e siecle*, in "Revue des études sud-est européennes", 2, 1970, p.181-230.

¹¹ Mircea Muthu, "Postbizantin" sau "premodern"?, in *Cultură și societate, Studii privitoare la trecutul românesc*, (volum îngrijit de Al.Zub), Buc., 1991, p.181.

¹² Virgil Căndea, *Ratiunea dominantă*, Cluj-Napoca, 1979.

¹³ Ibidem, p.226.

¹⁴ apud: Em.Condurachi și Răzvan Theodorescu, Op. cit., Tom 34, nr.2, p.197.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Un Bizance après Bizance valabil după părerea lui N.Iorga pînă în a doua jumătate a secolului XVII; Iorga, N., *Bizant după Bizant*, Buc., 1972.

¹⁷ The Balkans in Transition. Essays on the Development of Balkans Life and Politics since the Eighteenth Century (ed. Ch.Jelavich. B.Jelavich), ed.a II-a, f.I, 1974; V.Al.Georgescu, *Le processus de modernisation pendant le XVIII-e et XIX-e siècle dans les sociétés de l'Europe de l'Est*, San Francisco, 1975; etc

Степанида КУСТРЯБОВА
ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ
БОЛГАРИСТИКИ
В СИСТЕМЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Будущее истории любого народа и государства обеспечивается посредством преемственности поколений, знанием молодежи своих исторических корней и адекватной оценки того материального и духовного богатства, которое они унаследовали. Ведь не для того трудились предыдущие поколения, говоря словами писательницы Мариетты Шагинян, чтобы память о них была засыпана песками забвения. Профессорский и студенческий коллектив факультета истории и этнопедагогике КГПУ им. И.Крянгэ это хорошо осознаёт, поэтому, наряду с учебной работой, уже долгие годы занимается и научными исследованиями. Достигнув особого подъёма в середине 80-х годов, когда КГПУ им.И.Крянгэ, занявшему III место среди 240 институтов Союза, был вручён Переходящий вымпел Министерства высшего и среднего специального образования СССР за успехи в организации научной работы¹, эта сфера деятельности находится в центре его внимания и в настоящее время.

Высшая школа Молдовы, в том числе наш университет, уже в начале 80-х годов заговорила о необходимости повышения качества подготовки выпускников вузов, вооружённых глубокими фундаментальными знаниями на основе интеграции многих наук, специалистов широкого профиля, обладающих гибкой мобильностью, высокой культурой мышления, умениями самостоятельно ориентироваться в обширной научно-технической и общественно-политической жизни. Решение этой задачи требовало прин-

ципиальной переориентации высшего образования, перехода от экстенсивно-информационного к интенсивно-фундаментальному обучению, составной частью которого должно было стать широкое вовлечение студентов в научно-творческую работу как в учебной системе (УИРС), так и в неаудиторной (НИРС). В системе УИРС мы включаем студента с первого курса, начиная с подготовки им научного реферата для семинарского занятия по проблеме изучаемого нормативного курса, переходя затем к написанию курсовых работ (их 3) и завершая дипломной работой, которая защищается на государственном экзамене.²

Ко всем видам студенческих исследований предъявляются строгие требования. Они должны включать результаты научного поиска, историографию проблемы (студент должен чётко представлять степень её изученности) и на основе этого определить задачи и источники своего исследования — архивные материалы. Все положения работы должны быть научно аргументированы, а выводы и заключения — вытекать из собственного исследования. Однозначные требования предъявляются и к внешнему оформлению труда студента.

НИРС практикуется в неучебное время в системе научных кружков, проблемных группах и индивидуально под руководством профессоров, докторов наук, доцентов и других опытных преподавателей. Её итогом являются выступления студентов с рефератами на заседаниях научных кружков, факультетских и общеуниверситетских конференциях, на республиканских и международных конкурсах. Ежегодно, только по исторической тематике в таких конференциях в течение 10 лет участвовали от 80 до 100 и более студентов факультета.³

В целях успешной организации научной работы студентов на факультете с 1983 года читается профессором Кустрябовой С.Ф. и доцентом Козмой В.И. курс «Основы и методика научно-исследовательской работы». Ими же изданы соответствующие методические рекомендации и другие материалы по написанию курсовых работ.⁴

Исключительно важным условием успешной организации научной работы студентов является относительно солидное обеспечение факультета кадрами высшей квалификации, удельный вес которых достигает среди штатного персонала 65%.⁵

Такому персоналу под силу чтение целого ряда спецкурсов и спецсеминаров по проблемам всеобщей и отечественной истории, демографии, этнографии и этнопедагогике. Особое место среди них занимает история родного народа и государства. А поскольку на территории Молдовы веками бок о бок с молдаванами жили и живут множество представителей других этносов, в том числе болгары, то их история и история их происторической родины не могла не быть в поле зрения студентов, как в целом и молдавских учёных. Это естественно и потому, что данная тематика относительно неплохо обеспечена архивными материалами и другими источниками.

Из числа спецкурсов назову лишь некоторые, наиболее тесно переплетающиеся с проблемой болгаристики:

* Румынские княжества и Османская империя в 14-16 вв. Проблема капитуляций. (Проф. Гонца Г.);

* Национально-освободительное движение на Балканах. (Проф. Чертан Е.);

* Проблемы демографии (в том числе миграционные процессы и их влияние на развитие этноса). (Проф. Кустрябова С.);

* Славяно-румынская палеография. (Проф. Драгнев Д.);

* Календарные и семейные праздники. (Доктор ист. наук Дульский И. и проректор факультета Швец Е.);

* Этнология национальных меньшинств. (Самойленко В.);

Спецсеминары по проблемам внутренней и внешней политики Молдовы, культуры проводятся докторами наук Кикиш Н., Козма В., Калдаре Г. и др.⁶

Тематика по болгаристике на уровне студенческих исследований выделяется: во-первых, из нормативных курсов по истории Восточной Европы (России, затем СССР) и политике этих государств на Балканах, с которыми их связывали военно-стратегические, экономические и культурные отношения; во-вторых, она вытекает из программы курсов по истории стран Западной Европы, Азии, Африки и их интересов в Балканском регионе и на Ближнем Востоке; в-третьих, эта тематика складывается на базе истории Молдовы и её борьбы против общего врага (османов) за независимость; в-четвертых, тематика многих научных исследований студентов отражает историю болгарской колонизации и судьбу иммигрантов; в-пятых, — это исследование сёл, городов и от-

дельных хозяйств.⁷

Воздержусь от перечисления тем курсовых работ, а приведу лишь некоторые из них, ставшие дипломными и успешно защищённые на государственных экзаменах.

По истории Болгарии и Балканскому региону:

* Социально-экономическое развитие Болгарии в 60-70-х гг. 19 в. (Кишкилёв Юрий, 1983, научный руководитель профессор Чертан Е.Е.);

* Греция и Восточный кризис 70-х годов 19 в. (Гарутина Наталья, 1996, научный руководитель профессор Чертан Е.Е.);

* Великие державы и проблема черноморских проливов в конце 18 — первой половине 19 в. (Глебов Сергей, 1996, научный руководитель профессор Кустрябова С.Ф.);

По истории болгарских переселенцев в Бессарабию:

* Устройство задунайских переселенцев на территории Бессарабии в начале 19 в. и роль в этом процессе декабриста Юшневского. (Грозова Лариса, 1991, научный руководитель профессор Кустрябова С.Ф.);

* Массовая миграция болгар в Южную Бессарабию в 1826-1833 гг. и переселенческая политика царизма. (Петрова Наталья, 1983, научный руководитель доктор ист. наук Цвиркун В.И.);

* Условия демографического, этнического и культурного развития задунайских переселенцев в Бессарабии (конец 18 — первая половина 19 в.). (Блинкова Лариса, 1995, научный руководитель профессор Кустрябова С.Ф.);

* Бессарабские болгары и политика русского самодержавия. (Караджова Марина, 1996, научный руководитель доктор ист. наук Кикуш Н.Е.);

* Велись исследования по истории сёл Боймаклия (Фурней Елена, 1991) и Башкалия (Тарлев Виталий, 1993, научный руководитель докторант Твердохлеб А.).⁸

Из 10 названных работ 8 написаны студентами-болгарами, что свидетельствует о большом интересе и уважении болгарской молодежи к истории своих предков.

Об актуальности студенческих работ можно судить по самой тематике, о научно-теоретическом уровне — по их содержанию, внешним рецензиям и выводам государственных комиссий, оценивших более 80% дипломных работ при их защите отметкой 10 и 9. Кратко представлю содержание двух работ.

В дипломной работе Ю.Кишкилёва представлены две взаимосвязанные проблемы: 1) экономическое развитие Болгарии после Крымской войны и 2) отношение различных социальных групп болгарского общества к освобождению страны от турецкого ига. Замечу, что такая постановка вопроса автора и научного руководителя была ответом на многие дискуссии в большой науке по проблеме болгарского национального возрождения (о роли и месте экономического фактора и национальной буржуазии). Ибо, как справедливо заметил рецензент дипломной доктор наук, специалист по болгаристике в Молдове Червенков Н.Н.: "...Это можно решать только после глубокого изучения социально-экономических аспектов истории болгарских земель в период османского владычества...". Выводы его по итогам исследования таковы: "...всесторонний анализ документальных материалов, широкого круга советской, болгарской специальной и обобщающей литературы ... позволили дипломанту отразить глубоко и всесторонне развитие болгарской промышленности, сельского хозяйства в рамках османской феодальной системы на ее последнем этапе, показать становление национальной буржуазии, определить её место в развитии болгарского национально-освободительного движения, выявить соотношение внутреннего и внешнего факторов в освободительной борьбе".

Современно, по-новому была определена тема дипломной Л.Блинковой. В ней освещаются динамика численности и структурные характеристики мигрантов (причины миграции, места выхода; динамика численности и структура переселенческих потоков). Выделяются политические и экономические условия хозяйственной деятельности как основа сохранения и развития производственных навыков и материальной культуры мигрантов. (Природно-климатические условия и география расселения переселенцев в Бессарабии; проявление прошлых традиций в административном и общественном устройстве колонистов; виды хозяй-

ственной деятельности и отображение в них прошлых традиций, навыков и производственной культуры болгар).

Составной логической частью работы является вопрос о сохранении и развитии национальных культурно-бытовых традиций переселенцев в новых условиях проживания. (Характеристика жилища и усадебного двора. Традиции, народные обычаи, обряды и костюм; роль религии и церкви в духовной жизни переселенцев. Распространение среди переселенцев грамотности и образования). Выводы дипломантки логичны, научно обоснованы и убедительны. В целом они совпадают с положениями, встречающимися в историографии по проблеме. Но вывод о влиянии структуры миграционных потоков переселенцев из Болгарии в Бессарабию на сохранение болгарского этноса со всеми присущими ему на прародине обитания характерных особенностей материальной и духовной культуры, навыков, традиций, обычаев, национального образа мышления и национальной психологии — делается нами впервые в молдавской историографии по проблеме бессарабских болгар.

Как свидетельствуют данные демографической науки, миграционным потокам при массовых миграциях населения (особенно межгосударственных и межконтинентальных) свойственны значительные структурные диспропорции полового, возрастного и этнического характера. Это приводит впоследствии к большим осложнениям на «брачном рынке» мигрантов, которые обусловлены как дефицитом невест и женихов в целом, так и соответствующей национальности в особенности. И тогда неизбежно возникают смешанные браки, дети от которых уже в первом поколении теряют связи то ли с этносом матери, то ли отца. Ну, а в дальнейшем денационализация, потеря духовных и прочих ценностей, свойственных определенному этносу, неудержимо прогрессирует. И формируются новые поколения «не помнящих своего родства Иванов».

Болгары, к счастью, эмигрировали целыми семьями, общинами, большими семействами, состоявшими из нескольких поколений, ввиду чего болгарская молодёжь на новом месте обитания не встретила недостаток в невестах или женихах своей национальности. Ей удалось избежать смешанных браков, а это, наряду со

всеми прочими условиями, в которых оказались переселенцы, помогло им сохранить до наших дней и приумножить богатую и самобытную культуру, этнодемографическую установку и национальные обычаи и традиции.⁹

Эти, пусть скромные, открытия студентов, если даже они не столь заметны для большой науки, а пока значимы только для самих же молодых исследователей, радуют и вдохновляют их на новые поиски. Примечателен в этом контексте ответ дипломантки Грозовой Ларисы (1991) на вопрос председателя государственной экзаменационной комиссии профессора Подградской Е.: «Что больше всего ценит она в своей дипломной?», на что автор не задумываясь ответила: «Я счастлива, что посредством этой работы, наконец, узнала и могу рассказать другим, где родина моих предков, кто мои прародители, что у меня в Болгарии есть родственники, о которых я до сих пор ничего не знала, а сейчас я могу восстановить прерванные когда-то связи...» и далее добавила «Если бы я больше ничего не открыла для себя, то и тогда мне стоило заняться исследованием истории болгарских переселенцев в Бессарабии».¹⁰ Комментарии, на мой взгляд, здесь излишни.

Творческую, любознательную студенческую молодёжь волнуют однако и острые, казалось непредсказуемые и необъяснимые, на первый взгляд ситуации в истории Балканского региона и сопредельных с ним, которые не решены пока исторической наукой. К ним можно отнести проблему, вытекающую из истории взаимоотношений российской дипломатии и дипломатии других великих держав на Балканах.

Не странно ли, как мог русский император Александр I и его дипломатическое ведомство не поддержать греческое национально-освободительное движение 20-х гг. XIX в. Почему, имея, казалось бы, возможности упрочить своё влияние в этом столь необходимом для России Балканском, Средиземноморском и вообще Ближневосточном регионе, он пренебрегает этим?

А разве более понятно студентам, почему Англия, да и Франция, отказываются поддержать турецкого султана в начале 30-х годов XIX в. в борьбе против египетских сепаратистов?

Почему российский император Николай I столь долго терпел антироссийские козни своей «союзницы» Австрии на Балканах?

Как и почему российская дипломатия так необъяснимо сильно могла ошибиться в своих отношениях с Англией по балканской политике, а затем так жестоко поплатиться за свою доверчивость, а скорее — самонадеянность в Крымской войне 1854-1856 гг.?

Чем объяснить тот факт, что российская дипломатия, которая оговорила столь широкую автономию для Болгарии по Сан-Стефанскому мирному договору и отстаивала её, хотя не столь успешно, на Берлинском конгрессе 1878 г., затем в середине 80-х годов выступила, в пику западным державам, против расширения границ Болгарского государства?

Почему Российское государство, выступая защитником сербов и других славянских народов Балкан от турецкого ига — фактически предало их, согласившись в 70-х годах с претензиями Австрии на Боснию и Герцеговину? И множество других “почему?”

История Балкан, Ближнего Востока — это хрестоматийное поле самого высокого уровня для подготовки широко мыслящего, творческого историка-профессионала, подаренное нам, живущим на этой земле, Богом. И грешно было бы этим пренебречь. Молодых исследователей это увлекает. Они трепетно берутся за разгадки таких ситуаций, зачитываются исследованиями своих предтеч и источниками — свидетелями прошлых событий. В этих условиях научному руководителю вовсе нет необходимости держать своего дипломанта в тесных рамках своего понимания истории, навязывать ему свою точку зрения, а достаточно лишь деликатно вести его по неизведанным тропам событий, направлять его поиск в лабиринтах множества свидетельств событий минувшего. И выводы, открытия будут не только новыми, оригинальными, но и научно обоснованными, а стало быть, и правдивыми.

Такое творческое сотрудничество студента и убеждённого седной и обременённого множеством знаний научного руководителя принесёт великую пользу и молодому начинающему исследователю, и молодёющему опытному научному руководителю, ибо “только молодёжь, — по словам выдающегося физика П.Л.Капицы, — только твои ученики могут спасти тебя от преждевременного мозгового очерствения. Кто учит учителя, как не его ученики?”

Наш профессорско-преподавательский коллектив это понимает и старается шагать в ногу с наукой, со всеми новациями, про-

исходящими в её недрах, не поддаваясь влиянию преждевременного старения и в переносном и в прямом значении этих слов. От этого в итоге выиграет историческая наука.

Первые наши успехи радуют, но хотелось бы большего. И в первую очередь следует расширить тематику исследований. По истории самой Болгарии представляются в научном плане интересными экономические, социальные и политические проблемы; пора шире обращаться к проблеме личностей в её истории — как болгар, так и представителей других народов, которые сражались за её независимость; к памятным местам, связанным с этой борьбой, и самим памятникам, увековечившим их в камне и металле.

Представляется интересным освещение проблемы совместной борьбы славянских и других народов Балкан и в целом Юго-восточной Европы против османского ига в художественной литературе (которая есть не что иное, как история в образах), в народном творчестве, в современном кино.

Есть, вероятно, необходимость исследования проблемы современных экономических, культурных, дипломатических и иных связей Молдовы и Болгарии. Не исчерпана и проблема задунайских переселенцев в Бессарабии: образование, культура, духовная жизнь, история сёл, личностей и другие проблемы ждут своего молодого исследователя. Но им нужна помощь.

Научная помощь могла бы быть оказана со стороны учёных АН Молдовы, прежде всего Института национальных меньшинств, Научного общества болгаристов Республики Молдова, научных центров Болгарии. Необходимо расширить источниковую базу посредством издания и переиздания архивных документов, эпистолярного наследия, мемуарной литературы и даже монографий, ставших библиографической редкостью.

Помогать молодым исследователям выезжать в научные командировки в те болгарские центры, где они могут осуществлять поиск материалов по исследуемой теме, устанавливать новые и расширять старые контакты со своими сверстниками, ближе знакомиться с исторической родиной своих предков, её культурой, обычаями. Глубже почувствовать и “дым Отечества”, — который, по словам поэта, — “нам и сладок, и приятен”.

Следует помогать таким молодым исследователям общаться

на уровне всевозможных конференций по итогам исследований проблем болгаристики; хорошо бы организовать соответствующие конкурсы на лучшую научную студенческую работу по той же проблеме; помогать публиковать свои научные достижения и шире вовлекать талантливую, увлечённую молодёжь в докторантуру и в такой форме подготовки кадров высшей квалификации, как сонскательство.

Это далеко не все меры, которые могли бы обеспечить достойное будущее исторической науки и достойную смену нынешним поколениям историков по балканистике, но в наше сложное время не следует пренебрегать и малым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Историческая справка архива КГПУ им. И.Крянгэ за 1983/84 учебный год. Л.2.

² Государственный учебный план по специальности 2108 за 1972-77 гг. Л.1-2. Учебные планы, утвержденные Минвузом СССР 20 мая 1985 г. №118НД/ТИН; №119 НД/ТИН; №126 НД/ТИН.

³ Планы научно-исследовательской работы студентов и отчёт о научно-исследовательской работе студентов КГПУ им. И.Крянгэ за 1984 г. // Архив института. ф.1, оп.2, ед.х.1311. Л.3,45. Программа студенческой конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1987 г. Кишинёв, 1988. с.22-36. (В пяти секциях был представлен 81 реферат).

⁴ Кустрябова С.Ф., Козма В.И. *Методические рекомендации к курсу "Основы научных исследований"*, Кишинёв, 1986. Кустрябова С.Ф., Козма В.И., Цвиркун В.И. *История СССР (досоветский период)*. Методические рекомендации по курсовым работам и другие.

⁵ Отчёт КГПУ им. И.Крянгэ за 1984-85 учебный год. // ф.1, оп.2, ед.х.1294, Л.70,71. Отчёт факультета истории и этнопедагогике за 1995-96 учебный год. // Текущий архив факультета.

⁶ Годовые планы кафедр факультета истории и этнопедагогике за последние 5 лет. // Текущий архив кафедр и факультета.

⁷ Там же.

⁸ Дипломные работы перечисленных выпускников. // Текущий архив факультета; Книга выдачи дипломов за 1977-80 гг. // ф.1, оп.3, ед.х.2.

⁹ Протоколы государственной комиссии по испледу за соответствующие годы; Отчёт о работе КГПУ им. И.Крянгэ за 1980-81 учебный год. // ф.1, оп.2, ед.х.583; Отчёт ... за 1984-85 уч. год. // Там же. ед.х.1294.

¹⁰ Протокол государственной комиссии по защите дипломных работ на историко-педагогическом факультете за 1991 г. // Текущий архив факультета.

Виктор ЧИРИМПЕЙ БОЛГАРСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ ДИМИТРИЯ КАНТЕМИРА О ДОЙНЕ КАК ИМЕНИ ФРАКИЙСКОГО БОЖЕСТВА

Самое раннее упоминание о Дойне как забытом божестве румын содержится в монографии ученого-энциклопедиста XVIII века Димитрия Кантемира "Описание Молдовы", написанной в 1716 году. В работе отмечается, что румыны Молдовы "еще и поныне поклоняются, в песнях и стихах — на свадьбах, похоронах и в определенные дни года — нескольким неизвестным божествам"¹. Далее ученый перечисляет наименования 25-ти забытых, по его мнению, языческих божеств, добавляя: "и много подобных"². Среди этого сонма указано и божество Дойна, которое, по его мнению, могло быть одним из дакийских богов.³

Со времени письменного высказывания этой гипотезы прошло 280 лет (почти три столетия). Несомненно, за такой срок многое стерлось из древней системы верований, и поэтому в настоящее время предположение о Дойне как о древнем божестве румын от их гето-дакийских предков — кажется иллюзорным умозаключением.⁴

Однако спешить с отрицанием высказывания Д.Кантемира, его правдоподобности, не следует, так как мы не располагаем ни фольклорными материалами тех времен, ни другой удовлетворительной информацией о мифологических воззрениях румын начала XVIII века. Скорее всего нас должен беспокоить тот факт, что понятие "дойна" и этимологически, и как явление музыкального фольклора восточных романцев (особая категория народной лирической песни) — остается не вполне разгаданной тай-

ной. Уже более ста лет много авторов высказывали, по вопросам дойн, различные точки зрения.⁵ (У одного из этих авторов кантемировская трактовка понятия “дойны” как имени языческого божества гето-даков квалифицируется как компетентная.⁶)

Загадочные, а порой и странные на первый взгляд, отдельные слова и выражения, обычаи, обряды нередко оказываются очень древними элементами духовной культуры, а феномены, ими обозначаемые, не поддающиеся четкому разграничению. В мифологии и фольклоре румын таковыми являются, кроме дойны, драгайка, папаруда, крџчун, колинда, стрига, припев, “лер”, множество лексем заговорной поэзии.

Для разгадки таких явно архаических элементов духовной культуры необходимо погрузиться поглубже в историю народа, в его предысторию, в ту далекую действительность, которая могла породить эти понятия. Чем дальше проникнуть в глубину веков, тем ближе и родственнее явятся различные группы современных народов. Так как двадцать веков назад геты и даки были одним из ответвлений фракийцев, это дает нам основания искать фракийские элементы румынской культуры при сравнительно-историческом анализе фактов — у всех племен и этнических образований, населявших античную Фракию в прошлом, как и у современных народов, владеющих в настоящем этой территорией, и в первую очередь, конечно, у южных соседей — болгар.

* * *

В припевах многих болгарских коляд имеется обращение к загадочному персонажу — чаще всего женского рода, но иногда и мужского — Дайна/Дойна и Дайно/Дойно. Предположить, что основа дойн — как-то связана с глаголом доя “доить”, прилагательным дойна “дойная, дающая молоко” и существительным дойна (дойка) “кормящая мать”, “кормилица”, “женская грудь” нет оснований, потому что в этом случае собственные имена Дайна/Дойна и Дайно/Дойно были бы характерны и для других групп славян (у всех имеется основа доя/доу-/дои-/дој-/дои-⁸), не говоря о том, что никто не стал бы именовать родившегося ребенка дойным, дающим молоко, кормящей матерью и т.п. Таким

же неприличным является индивидуальное имя с этим смыслом и для взрослой женщины. Другое дело, если в этом имени кроется причастность к чему-либо божественному.

Известно, что среди болгарских имен (как и у других народов), образованных из ресурсов собственного языка, нередки имена-обереги, имена-пожелания, “которые давались ребенку, чтобы оградить его от злых духов и всяческих бед, например: Вляко, Добри, Живко, Здравко, Любен, Огнян, Стоян”⁹. После принятия болгарями христианства (около 865 г.) у них появились такие христианского толка имена, как Христо (от евангельского бога Иисуса Христа), Божидар (от перевода греческого имени св. Теодосия), Лазар (от адаптации еврейского Елеазар)¹⁰, давший впоследствии название Лазаруване одному из древнейших языческих обрядов.¹¹ Языческим содержанием наполнено и христианско-византийское имя Калоян “Красивый (св.) И(о)ан”.

Как фольклорное, имя Дойна широко распространено у болгар, особенно в обрядовой поэзии, что сразу направляет наше внимание на его возможные связи с древними верованиями. Рассмотрим ряд примеров.

В 1928 г. в северо-восточной Болгарии (с. Басарабово Русевского округа) была записана от трех информаторов-мужчин колядная песня “для девушки”. Приводим здесь только начало текста, содержащего рефрен с обращением “Дойни ле”: “Рану рани, Дойни ле, малкъ мума, / Дойни ле, момни ле, малкъ мума, / умилъ съ, ушпелъ съ...”¹²

Или рефрен другой коляды, с именем Дайна: “Дайне ле, я станете, / браино ле, йотворете, / Дайне ле, че ви идат, / браино ле, колежданци, / Дайне ле, че ви идат, / браино ле, богомолци, / Дайне ле, богомолци, / браино ле, песнопойци”.¹³

Четкое чередование Дайне с явно мужским обращением “браино ле” переводит здесь категорию рода для формы Дайне от женского к мужскому.

Целиком мужской выглядит основа дайн в следующем зачине коляды (запись 1928 г.): “Дайни ле, дзвънало ми, / Дайни ле, ясно дзвънче, / Дайни ле, да мой Дайне, / браине ле, мой коледо. / Дзвънало ми, ясно дзвънче, / Дайни ле, да мой Дайне, / браине ле, мой коледо”.¹⁴

Основа текста — нечетко повторяющаяся фраза: “...дзвѣнало ми, / ... ясно дзвѣнче, / ... / ... / Дзвѣнало ми ясно дзвѣнче, / ... / ... /”, а все остальное — два повторяющихся рефрена: “Дайни ле” и “Дайни ле, да мой Дайне, / брайне ле, мой коледо”.

Мы не останавливаемся здесь на наличии имени Дойна вне припева болгарских коляд, где зачастую оно выглядит обыкновенным женским именем — нас интересует, в первую очередь, сакрально-мифологический оттенок этого имени; поэтому и уделим больше внимания припевным формулам. Многократным повторением магических формул древние предки всех народов надеялись достичь желанного¹⁵ — здоровья, плодородия и др. В то же время припевы, как известно, самые стойкие элементы ритуальных песен. В них консервировалась наиболее древняя информация. Конечно, “в припева от честата употреба някои думи са загубили прекия си смисъл и имат само декоративно значение”¹⁶. Сакральность Дойны в колядных припевах просматривается, когда этот персонаж (в женской и мужской ипостаси) выступает в одном синонимическом ряду с древнеславянским мифическим существом (личностью) Коляда/Коледа¹⁷, именуемого также Божиком¹⁸, Девушкой, Девочкой, Добрым, Браино (братом-покровителем) и т. п. Включение в синонимическом ряду таких реалий, как “девочка” и “девушка”, связано с мифологическим восприятием бога дневного света как маленького или юного в начале солярного года, когда и практикуется колядование.

Кроме цитированных синонимических сочетаний (Дойна-девушка — девочка, Дайна — браино — Коледа), приведем и другие синонимические ряды для Дайны/Дойны, подчеркивая курсивом рефренные слова: 1) Дойна — Девушка — Коляда: “Дойна мома на стол седи, / Дойне ле, момне ле, коладе ле, / на стол седи, гюргоф шие ...”¹⁹. Или: “Дойнѣ мума болнѣ лижи, / Дойни ле, момни ле, кулади ле ...”²⁰; 2) Дойна — Добрая — Девочка: “Мела ѝ Дойна равни двори, / Дойно ле, добре ле, малка мома”²¹; 3) Дойна — Коляда — Добрая: “Сокол гони, Дойне ле, коладе ле, / пѣстра птичка, Добро ле, коладе ле...”²²; 4) Дойна — Коляда — Браино (последнее — в форме “бърно”): “Писнали са, Дойне ле, куладе ле, / три славея, бърно ле, куладе ле ...”²³.

В том же синонимическом ряду выступает и мифический пер-

сонаж Дан: “Дайне ле, зажени се, / бране ле, добър юнак, / Дайне ле, дал бог, Дане ле, / брайне ле, коладе ле”²⁴ или: “Дайно льо, гуворѣт си, / Дайне ле, двама братѣ, / Дайно льо, Дан мой Дайно, / брати ле, мой куладе ле, / че дѣ идѣт у Дубруджѣ...”²⁵.

В свою очередь персонаж Дан (ласкательно Данчо) встречается в припевах обрядовых песен и без Дайна / Дойны, однако в одном синонимическом ряду с теми же Колядо²⁶ и Браино²⁷, реже — с господином, баном²⁸ и др.

Указанные примеры с персонажами Дайна/Дойна и Дан/Данчо в припевах песен говорят не только о функциональном родстве этих персонажей, они приводят нас к мысли о родстве самих этих имен, об их родстве с другими созвучными именами, такими как Дана/Данка и Дона/Донка, Дойчо/Дуйчо и Дойчин/Дуйчин, также часто встречаемыми в фольклоре.

Возвращаясь к мысли о мифологической изначальности лексем “дойна” и не будучи сведущим в музыке, хотелось бы лишь обратить внимание на музыкальную сторону вопроса, на большой вклад, который могли бы внести музыковеды в прояснение семантической специфичности припевных формул вообще и включающих имя Дайна/ Дойна в частности. Напомним, что основные источники, на которые мы ссылаемся (в основном, филологически) — “Народни песни от Тимок до Вита”, “Народни песни от Средна Северна България” и “Народни песни от Североизточна България” — это ценнейшие нотные издания, с подробной паспортизацией 8082 произведений, записанных в 20-е годы XX в.²⁹ Специально исследовавший функционально-интонационные типы болгарских коляд фольклорист-музыковед Тодор Джиджев отмечает заклинательное предназначение припевов типа “Коладе ле”, “Добро ле”, “Дойне ле”; их восходящую призывную интонацию, высокий тоновый уровень обращения-возгласа типа “Дойне ле”³⁰.

Таким образом, целесообразность нашего обращения в первую очередь к припевным формулам связана с их особой ролью (интонационно выделенной при исполнении) в забытых языческих ритуалах. Благодаря именно этой роли стала возможной консервация весьма архаической информации. Но не менее важной является и выявление сакрально-мифологической сущности пер-

сонажа вне припева, т. е. в самой песне, исходя из содержания произведения в целом.

В небольшой пастушеской песне из северо-западной части Болгарии говорится:

Дойне онемела,	офчар на ядове.
Дойне ослепела,	Офчар си заслуша,
че коги запая	ту му останаха
од заран, от рано	чебри не парени,
и вечер до късно,	стърга не метена,
сльнчо на заода,	стадо не доено ³¹ .

Замечаем, что речь идет о существе, Дойне, которое может петь с раннего утра до позднего вечера, так сильно очаровывая слушающего, что этому некогда заняться своими основными делами. Вряд ли можно принять это существо за обыкновенную смертную женщину. Дойна этого текста скорее всего напоминает мифологических существ, пленяющих слушателей своим пением. Заслушавшись пением Дойны, чабан мог оказаться в положении Одиссея при встрече с сиренами, если бы не чья-то помощь. По народным поверьям, сирены были первоначально морскими божествами, превратившимися впоследствии в злых демонов³². Демоническим существом выглядит и Дойна болгарской песни. Из-за причиняемого вреда она онемела и ослепла (возможно, вследствие проклятий чабанов). А если онемела, значит уже не поет, не считается больше божеством. Осталось лишь одно недоброе (наверняка, в христианской редакции) воспоминание о ней.

Записанная в октябре 1927 г. от старой, 70-летней женщины, эта песня является редчайшим, по нашему мнению, реликтовым экземпляром воспоминания о Дойне как божестве с чарующим певческим голосом.

Две версии другой пастушеской песни, записанные в конце того же 1927 г.³³, говорят об одном чабанском преступлении, известном одной лишь Дойне. Приводим зачины этих версий: “Викна Дойна запела / вчера надвечера: / Мома загинала, / офчар гя пребило ...” и: “— Дойне ле, / шо е гора грозна? / — Ка да не е грозна: / мома загинала — / йофчар гя пребило...”

В этих версиях роль Дойны опять-таки не из обыкновенных,

земных — она понимает “язык” леса, она одна знает о тяжком тайном преступлении в лесной глуши и рассказывает об этом громким пением.

В ряде болгарских песен персонаж Дойна выступает в связи с водой и базиликом. Если сопоставить это с христианским православным ритуалом окропления-освящения водой при помощи букета базилика, то можно предположить реликтовое сохранение каких-то языческих ритуалов в такого рода болгарских песнях. Сами эти песни, как правило, обрядовые, лазарские. В одной из них говорится: “Одила Дойна на йода ... / Одила и се върнала, / на път си либе срещнала. / Либе, Дойна ле, думаше: / Я ми дай, Дойне йодица ... / Я ми дай, Дойне, китката, / китката ранбосилкова ...”³⁴

Синонимичность имен Дайна и Дона в соотношении с элементами “колодец” (тоже вода!) и “базилик” содержится в коляде, раскрывающей конфликт между хозяйкой базилика и чабаном, при этом оба они обладают мифологическими потенциальными (Дана — устранять изморози, чабан — спровоцировать в ответ изморозям горячее солнце): “Пофали са, Дайне ле, куладе ле, / Дана мома, момне ле, куладе ле, / снощи вечер на кладенца, / че си има ран босилек ... / Вакъл чобан йотговаря: / — Аз ще пусна сиво стадо, / да искоси ран босилек. / Дана мома йотговаря: / — Аз ще стана силна слана, / ще изтровя сиво стадо. / Вакъл чобан йотговаря: / — Аз ще стана силно слънце, / че ще дигна силна слана.”³⁵

И здесь, как и выше приведенном примере об отношении между чабаном и онемевшей Дойной-певуньей, превосходство в конфликте на стороне чабана. Вывод, который напрашивается из этой ситуации, следующий: будучи языческой богиней скотоводов в определенный исторический период³⁶, при христианстве Дойна лишается прежнего сакрального ореола, отвергается самими чабанами.

Убедительна сакральность персонажа Дана, выступающего в одном синонимическом ряду с Солнцем и Иисусом Христом в следующей обрядовой (лазарской) песенке: “Дойла, Дойла, Дойла, / ю радини равни двори, / Дойла, Дойла, Дойла”. / То не било ясно слънце, / най е било бяла Дана, / бяла Дана, бели Христо.”³⁸

Следующий важный аспект — постепенно меняющейся сакральности, или, точнее сказать, десакрализации болгарской Дойны — это ипостаси Дана-воевода, Дана-бана, Дана-кума. Так как в предыдущем разборе мы указали на синонимичность Дайны/Дойны и Даны/Доны, а также на их родство с Даном, Данчом, Дойчином/Дуйчином, здесь мы обратим внимание на то, что в болгарском ритуальном фольклоре Дан выступает нередко в роли владельца, господина, охранителя и покровителя, а также в роли богатыря.

Слова припева одной колядки “для охотника” следующие: “Дайне ле, Данчо льо, Дан войвода, / стани нине, брайне ле, господине”³⁹, то есть Дан воевода — он и Дайна, и Данчо; он и хозяин, и покровитель, и господин. В колядной песне “для охотника” Дан войвода и сур елен Дан-воевода фигурирует не только в припеве (“Дане ле, Данчо льо, Дан войвода”), но и в самом повествовании как персонаж произведения; к нему обращается олень со словами: “Ой та тебе, Дан войвода, / да би уловил сура елена, / не би сукал на девет майки, / на девет майки, десета нейна”⁴⁰.

К Дану-бану обращаются в семейно-ритуальной песне как к богу (!), способному наделить счастливым будущим новорожденного ребенка: “Имам сина среброглава, / среброглава, златокося, / дай го, Дане, дай го бане, / цар да бъде, бан да бъде!”⁴¹.

В другой семейно-ритуальной песне, с припевом “Дайне ле, Данчо ле, Дан войвода”, Дан выступает в роли удалого кума-молодца, принимающего непосредственное и главное участие в крещении новорожденного мальчика⁴²; былая сакральность персонажа годится для обыкновенного народного обряда.

В мифологической коляде “Дан войвода убива самодивата” Дан выступает как эпический богатырь, сумевший расправиться с лесным демоном самодивой. Узнав о территориальных (между горами и Дунаем) и имущественных притязаниях чудища, “разсърдил са Дан войвода, / че си извади злат боздуган, / че си ударил горска дива, / горска дива самодива, че я пръсна кат ситно прос”⁴³.

В припеве или вне припева песен Дан-воевода, Дан-бан и Дан-кум являются переходными формами персонажа — от мифологически-божественной ипостаси к ипостаси фольклорной, будь то царем, воеводой, баном, богатырем, воином, хайдуком⁴⁴, ку-

мом или просто нередким в фольклоре героем.

Согласно болгарскому фольклору, в запутанной сети родственных Дойне имен лексема “дан” имеет значение не только собственного, но и нарицательного имени. Это обстоятельство, как убедимся ниже, продвигает наше исследование к тем глубоким временам, когда возник первоэлемент сакральной сущности Дайны / Дойны.

Обратимся в этой связи к очень ценному тексту. Речь идет о мифологической колядной песне, предназначенной “для старых (!) людей”, состоящей из 42 стихов. Записан текст в 20-е годы нашего столетия от 21 (!) информатора-мужчины в возрасте между 23 и 52 годами. Коляда начинается лирическим обращением к “белому Дунайчику”. Реку спрашивают, почему она течет глиняно-мутной, на что Дунайчик-река отвечает, что это из-за того, что ее переходил вброд на коне молодец, повстречавшийся и мирно поговоривший с лесной дивой самодивой. Сюжет явно неполный, но для нас важен зачин коляды: “Ти Дунафчец, бял Дунафчец, / добро ле, дан мой добре, / добро ле, мой коладе, / защо течеш кален мътен ...”⁴⁵.

Белый Дунайчик приравнивается здесь к знакомым нам по другим текстам обращениям-заменителям “Добрый” и “Колядо”, как и “Дан мой, добрый”, но контекст, в который включены болгарские “дан мой добре”, особый. В этом контексте лексема “дан” сохраняет первоначальный индоевропейский смысл “воды”, “реки” (сравни: авестийское *dānu* “река”, осетинское *don* “река”, “вода”, древнерусские гидронимы *Дън-ѣпръ* и *Дън-ѣстръ* (у античных авторов *Dan-apris* и *Dan-astris*)⁴⁶). Того же происхождения и название реки Дунай. По всей вероятности, утверждают болгарские языковеды-этимологи, болгарское Дунав, как и русское (читай: древнерусское) Дунай, заимствованы из дако-мизийских **Dōnavi(s)* и **Dōnai(s)*⁴⁷.

От такого “донай” (с вариантами “данай” / “дунай”) и возникли — путем простой и однотипной перестановки звуков (метатезы) — слова-рефрены “дайна”, “дойна”, “дуйна”. Причина метатезы — частое сокращенно-ритуальное повторение обожествленной реалии “вода” = “река”, особенно в период забывания ее изначального смысла. Наряду с метатезированными образовани-

ями продолжали свое существование, тоже как слова-рефрены, более архаичные формы наименования обожествленной реалии “вода” — дана, дона, дуна.

Нет надобности подробно останавливаться на культе воды и мифологии водных объектов. Об этом написано в научно-популярной книге Р.А.Агеевой “Происхождение имен рек и озер” (М., 1985, с. 102-112). Исходя из информации указанного источника, обращаем внимание лишь на то, что предки любых современных народов населяли весь мир, в том числе реки и водоемы, духами-хозяевами этих мест, олицетворяющими водные источники, создавая сонмы водных божеств. В Древней Греции, например, (южной соседке Фракии) поклонение рекам было обычным явлением. Стикс был именем не только реки, но и ее божества; водами этой реки клялись (по мифологии) боги Олимпа, и эта клятва считалась самой страшной. “Реально существующие реки в Греции — Алфей, Ахелой, Асоп, Скамандр, Симоис, Сперхий и многие другие имели каждая свое божество. Этот речной бог мыслился одновременно как тождественное с рекой и как антропоморфное существо, обитающее в ней” (там же, с. 110). Такой мыслилась, несомненно, и река Дунай у многих племен, проживавших на ее берегах.

С этой точки зрения — мифологической — обратимся к упомянутой уже дако-мизийской (иначе сказать, фракийской) ипостаси Дуная.

Самое древнее из известных письменных свидетельств о том, что река Дунай считалась священной, относится к VI-V вв. до н.э. и принадлежит древнегреческому поэту Пиндару⁴⁸. Великий драматург Древней Греции Софокл (V в. до н.э.) считал воды Дуная священно-очищающими для людей и их жилищ. В творчестве римского поэта Вергилия (I в. до н.э.) Дунай представлен как исключительно священная река, на берегах которой фракийцы приносили клятвы и проклятия. Один из комментаторов Вергилия, Афиций (I в. до н.э.), современник расцвета дакийского государства, отмечал наличие у даков обычая выпивать из Дуная глоток воды, наподобие священного напитка, перед началом новой войны. Священными представлены устья Дуная в географических и исторических трудах Страбона (I в. до н.э. — I в. н.э.) и

Плиния Старшего (I в. н.э.). Прежде чем начать захватнические войны против Дакии (в начале II в. н.э.), римский император Траян совершил специальный обряд жертвоприношений в “пользу” туземного дакийского бога, названного по-латински Данубиусом (Дунаем), чтобы тот способствовал благополучному переходу его войск через бушующие воды реки у Железных Ворот. После победоносного разгрома даков, в честь этого подвига, в Риме была воздвигнута так называемая “Траянова колонна” со множеством барельефных сцен из истории римско-дакийских войн. В одной такой сцене было изображено дакийское божество реки Дунай: на фоне бурлящих вод, из наибольшей волны раскрывается голый торс косматого и бородатого мужчины с волнообразной мускулатурой⁴⁹. Аналогичный облик того же божества был запечатлен и на римской серебряной монете денарии с легендой: DANVVIVS “Данувиус” (“Дунай”).

Все эти сведения — убедительные подтверждения наличия водного (речного) бога *Donavi(s)/*Donai(s) у даков и других племен, проживающих у берегов Дуная. Сакральные рефлексы этого бога прослеживаются, как было показано выше, вплоть до наших дней в произведениях устного народного творчества болгар, особенно во множестве зачинов ритуальных песен, что является косвенным, фракийско-болгарским подтверждением высказывания Д.Кантемира о Дойне как имени дакийского бога, использованного в зачинах многих румынских народных песен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Д. Кантемир. *Descrierea Moldovei* / В переводе с латинского языка Н.Костенко / Кишинэу. 1975. П.192.

² Там же.

³ См.: D. Cantemiru. *Descriptio Moldaviae*. Bucuresci. 1872. Д. 141.

⁴ Напомним, что Б.П.Хашдеу, один из первых и наиболее проникновенных исследователей истоков дойны-песни, назвал предположение Кантемира о Дойне-божестве “произвольным” (arbitrara) (B.P.Hasdeu. *Doina. Originea poeziei poporane la români*. “Columna lui Traian”, 1882, № 7-8. P.398)

⁵ После Б.П.Хашдеу в хронологическом порядке перечислим: Б.Делавранча (1902), Н.Влайков (1914), К.Буриляну (1936), П.Караман (1943), Л.Аксенова (1957), Е.Комишел (1959, 1969), О.Пападима (1960, 1968), Н.Расвский (1962), М.Кахане (1965, 1967), А.Росети (1968), С.Семчинский (1969), Г.Богач

(1970), Е.Черня (1970), Л.Агапие (1971), К.Замфир (1972), П.Стоянов (1980), И.Попеску-Сиретяну (1983), Н.Бот (1987).

⁶ П.Ф.Стоянов. *Ритмика молдавской доины*. Кишинэу, 1980. С.5

⁷ См. *Български етимологичен речник*, св. VI. С., 1968. С.416

⁸ См. *Этимологический словарь славянских языков*. Пра斯拉вянский лексический фонд, вып. 5. М., 1978. С. 134.

⁹ М.В.Никулина. *Болгары. // Системы личных имен у народов мира*. М., 1968. С. 82.

¹⁰ Там же.

¹¹ См. П.Динев. *Български фолклор*, ч. 1. С., 1959. С. 292.

¹² *Народни песни от Североизточна България*, т. 1 Съст. Р. Кацарова, И.Качулев, Е.Стоин. С., 1962 (сокращенно: СИБ). С. 33.

¹³ *Народна песнопойка*. Стъкмена от В.Стоин. С., 1930. С. 67. Почти идентичный вариант коляды опубликован в сб.: *Народни песни от Средна Северна България*. Редактира В.Стоин. С., 1931 (сокращенно: ССБ). С. 155.

¹⁴ ССБ, с. 156. Реальный мужчина с индивидуальным именем Дойно известен в болгарской культуре XVIII в. как книжник Дойно Грамматик, не говоря о распространенном в Болгарии фамильном имени Дойнов.

¹⁵ И.И.Земцовский. *Мелодика календарных песен*. Ленинград, 1975. С. 54.

¹⁶ Т.Джиджев. *Функционально-интонационные типы в болгарских коледни песни*. // *Обреди и обретен фолклор*. С., 1981. С. 197.

¹⁷ См. *Мифы народов мира*, т.1. М. 1980. С. 665; Т. Джиджев. Цит. соч. С. 209; Л.Н.Виноградова. *Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян*. Генезис и типология. М., 1982. С. 144. Конечно, мы далеки от мысли отождествлять такие мифические существа, как Дойна и Коляда. Подобные синонимические ряды — это след языческого обращения к нескольким богам одновременно.

¹⁸ Относительно синонимичности ряда Божик — Бог — Коляда см.: *Мифы народов мира*, т.1, М., 1980. С.181; И.Георгиева. *Българска народна митология*. С., 1983. С. 155.

¹⁹ СИБ. С. 23.

²⁰ Там же

²¹ ССБ. С. 600.

²² СИБ. С. 35.

²³ Там же. С. 20.

²⁴ Там же. С. 98.

²⁵ Там же. С. 132.

²⁶ ССБ. С. 160, 346; СИБ, 1962. С. 76.

²⁷ СИБ. С. 81; ССБ. С. 159, 401.

²⁸ СИБ. С. 88, 92, 126. Большое количество болгарских песен с персонажем Дан включено в сб.: *Народни песни от Тимок до Вита*. Редактира В.Стоин. С., 1928 (сокращенно: ТВ). С. 15, 24, 28-30, 33-37, 41, 45.

²⁹ К сожалению, мы не имели возможность познакомиться с не менее ценным, думается, изданиями произведений фольклорных сборников "Родопски песни" (1934 г.), "Български народни песни от Източна и Западна Тракия" (1939 г.) и "Народни песни от Западните покрайнини" (1959 г.).

³⁰ Т. Джиджев. Указ. соч. С. 224, 226-227, 231-234.

³¹ ТВ. С. 282.

³² М.Н.Ботвинник, М.А.Коган, М.Б.Рабинович, Б.П.Селецкий. *Мифологический словарь*. Изд. 2-е. Ленинград, 1961. С. 223.

³³ ТВ. С. 282

³⁴ СИБ. С. 159; близкий вариант — с. 158, версия — 160. Для соотношения Дойна — вода в трудовых песнях см. ТВ. С. 214.

³⁵ СИБ. С. 28.

³⁶ Занятие скотоводством, как правило горным, было вынужденно-временным для приютившегося в горах населения после сильных социальных потрясений.

³⁷ Припевное "Дойла" образовано от ритуального "дай, Ладо ле" через "Дайлада", "Дайла" (*Български етимологичен речник*, т. 1...).

³⁸ СИБ, 1962. С. 199

³⁹ Там же. С. 96; варианты того же рефрена в колядах — на с. 97, 101-102.

⁴⁰ Там же. С. 95-96.

⁴¹ *Сборник от народни умотворения, обичаи и други*, 1 отд.: народни песни; кн. 1. Сост. Ат.Т. Илиев. С., 1889. С. 94.

⁴² ССБ. С. 127.

⁴³ Там же. С. 13

⁴⁴ В истории болгар известны два хайдука из разных районов страны с одним и тем же именем: Дойнич — воевода.

⁴⁵ ССБ. С. 12.

⁴⁶ Т.В.Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. С. 671.

⁴⁷ *Български етимологичен речник*, св. VI ... С. 446.

⁴⁸ Эта и последующая информация о Дунае как священной реке почерпнута нами из монографии: R.Vulcanescu. *Mitologie română*. București, 1985. P. 109, 463-465, 476, 481.

⁴⁹ В античные времена такое видение речного божества было характерным не только для римлян. Ср., напр., скульптурное изображение реки Нил, чья римская копия с греческого оригинала II в. до н.э. хранится в одном из Ватиканских музеев Рима (*Мифы народов мира*, т. 11 ... С. 218), не говоря уже о более известных изображениях "водных" божеств, как Посейдон и Нептун.

Петр СТОЯНОВ
**ОБЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В БОЛГАРСКОЙ И
МОЛДАВСКОЙ НАРОДНОЙ МУЗЫКЕ**

Общность духовной и материальной культуры болгарского, молдавского, а если шире — румынского народов сформировалась в период VI-XIII веков. Хотел бы напомнить читателю, что первая дата — VI век — это время, когда после смерти византийского императора Маврикия Тиберия (582-602 гг.) пограничные сооружения империи по линии Дуная окончательно рухнули и славяне в массовом масштабе перешли на правый берег реки.

Известный румынский лингвист Александру Филиппиде, именем которого назван Институт румынской филологии в Яссах, в своих исследованиях, выполненных на материалах диалектов румынского языка, убедительно показал, что романизация фракийского населения, а затем и южнославянское влияние, приведшее к формированию влахов (волохов) — этнической основы современной румынской нации — происходили главным образом на территории к югу от Дуная. В результате двух волн переселения восточно-романского населения на левый берег Дуная и далее — на север к XIII веку произошел окончательный обмен территориями между двумя этносами¹. Это привело к формированию в XIV в. двух княжеств — Молдовы и Валахии.

Исторические причины, вызвавшие этот процесс и события, связанные с ним, известны. Обратим внимание лишь на то обстоятельство, что именно в этот период — с VI по XIII век, то есть на протяжении 800 лет, болгарский и восточно-романский этносы находились в самом тесном контакте. Окончательно сформировались не только вербальный, но и музыкальный язык обоих народов. Все, что было после, — это уже другая эпоха. Унаследовали же мы результаты межэтнических контактов первых 800 лет.

Именно на Балканах мог сформироваться такой феномен, когда, при различном происхождении обоих языков, мы обнаруживаем удивительную близость фольклора обоих народов. Между тем, при общности происхождения румынского и западно-романских языков не обнаруживается общность их музыкальных культур. Они сильно отличаются. Итальянская, испанская и французская народная песня, ее мелодика и ритмика никак не похожи на мелос румынской народной песни. То же самое можно сказать и в отношении болгарского фольклорного мелоса и мелоса восточных славян. При общих корнях их языков он различен. В этом смысле румынская и болгарская народная музыка уникальны. Их близость обнаруживается невооруженным глазом и во многих случаях лежит на поверхности. Не надо быть специалистом, чтобы заметить, например, тот факт, что такие молдавские танцы, как “Хангул”, “Хора де мынэ”, “Хора де брыу”, “Де скоатера зестрей” и др. по своему хореографическому (кинетическому) и музыкальному языку имеют свои аналогии в болгарском фольклоре. Сам феномен “Хора сагулуй” и болгарское “Хоро”, что одно и то же, проводившиеся особенно в прошлом в Бессарабии по воскресным и праздничным дням, — яркое свидетельство этой общности. Музыканты в Буджаке имеют даже общий репертуар для молдавских и болгарских свадеб, особенно в области танцевального жанра.

В прошлом некоторые наблюдения этого рода, носящие этнографический характер, были сделаны Помпилиу Пырвеску. Среди общего репертуара румынских и болгарских сел в Добрудже он называет танцы: “Фырликундак”, “Молдаванската”, “Хайдучяскэ”, “Хора дряптэ” (болгарское “Право хоро”), “Хора ын доуэ пэрць” (болг. “На две стърни”), “Жямпарале” (болг. “Ръченица”), “Хора Плевней”, “Киндия”, “Ширимбоюл”, “Ляса” (болг. “На леса”), “Пайдушка”, “Хора булгэряскэ”². Он же описывает и исполнение самих танцев. Приведу лишь один фрагмент: “Можно видеть румынских юношей, танцующих рядом с болгарками с лицом как цветок ромашки... руки наперекресток, взявшиеся за широкие пояса или фартуки, украшенные красным цветом, и державшиеся легко за талию”³.

Несколько раньше, в 1878 г. другой румынский этнограф и фольклорист Тодор Бурада описывает исполнение молдавского

танца “Pe sub pole de dughena” (дается написание оригинала — П.С.), мелодия которого была опубликована в начале XIX века Франсуа Ружицким⁴: “Этот танец очень старинный. Танцуется на базарчиках и в селах в дуэте с мужчиной и женщиной, которые держат в руках края одного платка и время от времени кружатся под ним”⁵. Данное описание сильно напоминает болгарскую реченицу, а по музыкальному ритму — идентично ей.

Позднее общность отдельных аспектов румынского и болгарского музыкального фольклора стала объектом научных интересов. Так, исследователь Георге Чобану в одной из своих статей⁶ анализирует обнаруженные им в болгарском и румынском фольклорном репертуаре многочисленные мелодии, принадлежащие, по его мнению, фракийскому субстрату и которые, что очень важно, являются частично или полностью вариантами.

Другой румынский автор, Николае Рэдулеску, на многочисленных примерах народных песен и танцевальных мелодий, в том числе и таких широко известных образцах, как “Алунелул”, “Раца”, “Как се чука пиперя” доказал, что эти образцы являются общими в фольклорном репертуаре обоих этносов⁷.

Об общих элементах румынской и болгарской народной музыки, молдавском и болгарском мелосе писали известный болгарский этномузиколог Тодор Джиджев⁸, а также автор этих строк⁹. Указанные авторы рассматривают явления, которые, повторяю, находятся на поверхности фольклорного репертуара обоих этносов.

Данная проблема, однако, имеет аспекты, требующие более глубокого осмысления, проникновения в сущность исторического процесса этого феномена. Чем, например, объяснить тот факт, что некоторые из языческих божеств, которые называет Д.Кантемир, такие как Ладо, Мано, Дойна, которые ведут свое начало, по его мнению, от идолов древних даков, которым молдаване поклонялись на свадьбах, похоронах, в песнях, воспевающих воинственные действия, при этом особо подчеркивается, что божество Дойна молдаване употребляют так, “чтобы оно предшествовало их песням”¹⁰? Чем объяснить, что эти божества практически не встречаются в текстах известных публикаций молдавских народных песен, в том числе и в публикациях за Прутом, в то время как эти имена, особенно Дойна, можно встретить в любом сбор-

нике болгарских народных песен? Этот феномен ждет своих исследователей.

Другая проблема. Одно из значительных открытий этномузыкологии конца XIX — начала XX вв. — обнаружение в болгарской народной музыке необычной для мелоса европейских и восточно-славянских народов метрической системы — так называемых “неправильных”, “асимметричных” тактов. Бела Барток на конференции под названием “Так называемый болгарский ритм” (Будапешт, 1937) констатировал, а позже писал следующее: “Когда я впервые увидел такие необычные ритмы, с трудом поверил в их реальность. Но затем мне показалось, что я мог бы встретить такие же феномены в моей румынской коллекции музыкального фольклора”¹¹. Так великий композитор и основатель современной этномузыкологии на материале трансильванских музыкальных диалектов открыл в румынском фольклоре некоторые виды болгарских тактов. Позже они были обнаружены и в других румынских диалектах. На молдавском материале с помощью современных методов анализа (осциллографирование, алгоритмы, на основе которых составлялись компьютерные программы для идентификации музыкального ритма) нами обнаружена еще одна версия этих тактов — пятивременный метр, построенный на симметрии равенства пропорций золотого сечения, В болгарском фольклоре имеется зеркальное отражение этого такта: не 3+2, а 2+3¹². В первом случае это румынский танец “Хора маре”, во втором — болгарский танец “Пайдушко хоро”. Такое распределение вариантов этого метра между двумя этносами имеет глубокие корни и представляет собой тайну для музыкальной науки, культуры в целом, требующей научного прояснения.

Последующее развитие музыкальной этнографии показало, что эти ритмы в том или ином количестве, в том или ином сочетании распространены от Памира и Индии до Балкан. В остальной Европе — в Западной и Восточной — они не обнаружены. Думается, что корни следует искать не только во фракийском наследии, но и в новой теории этногенеза протоболгар болгарского исследователя Петра Добрева, согласно которой в прошлом они — припамирское, а не тюркское население, как утверждает официальная история¹³. Именно в этом регионе живут народы, практикующие эти ритмы. Автор приводит многочисленные аргумен-

ты из различных областей знаний в пользу своей новой концепции.

Язык музыки, кроме ритма, имеет и другой, не менее важный компонент, а именно **тональность**, высшим выражением которой является сама мелодия. Чтобы доступно объяснить этот феномен, а, точнее, тональное пространство, сравним его, например, с пространством культовых строений. По объему и способу освоения оно может быть различным в зависимости от архитектуры, национальной традиции, эпохи и стиля. Эти же закономерности распространяются полностью и на тональное пространство. Как средство музыкальной речи, строительным материалом которой является звук, оно осваивается различными этносами, согласно их традициям, эпохе и стилю.

Наши исследования в области мелоса молдавской и болгарской народной песни показали, что европейская концепция тональности ошибочна и не отражает природы вещей в этой области. Оказалось, что народная песня не моно-, а политональна. На такой методологической основе была обнаружена генетическая близость, если не идентичность, болгарской и молдавской народной песни, ее мелос¹⁴. Это родство представляет собой корневую систему музыкального мышления обоих народов, в формировании которой большую роль сыграл, несомненно, фракийский субстрат.

В свете вышесказанного нами пересмотрена европейская трактовка той части античной музыкальной науки, которая называется учением о гармонике или учением о музыкальных сочетаниях, которая как метод была отвергнута, объявлена архаичной по происхождению, идеалистической по своим установкам и антинаучной по содержанию (Л. Кулаковский). Наши исследования дали прямо противоположный результат. Античная музыкальная доктрина оказалась не только верной, но полностью отражающей основные теоретические положения болгарской и молдавской народной песни. Проще говоря, наши сельские песни — прекрасная иллюстрация античной музыкальной науки. И в этом случае мы можем говорить о фракийском субстрате. Ведь известно, что древнегреческие ученые констатировали тот факт, что музыка, которую они слушали в те далекие времена, является или фракийской, или восточной, в связи с чем и вспоминали легендарного Орфея.

И в заключение хотел бы привести фрагмент рецензии виднейшего румынского историка Николае Йорга на книгу Константина Жорже-Мунтяну "Literatura poporană bulgară", изданной в Бухаресте в 1940 году. Он пишет: "Настоящая книга — первое широкое представление болгарской народной песни, которая не только похожа на нашу, но во многих отношениях принадлежит этой же древней расе"¹⁶. Эта мысль имеет методологически фундаментальное значение для тех, кто занимается вопросами болгаро-молдавско-румынских связей в области духовной культуры, к которой относятся народная музыка и хореография.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Alexandru Philippide. *Originea românelor*. V. 2. Ce spun limbele română și albaneză. Iasi, 1927. P. 233, 397, 403-407.

² Pompiliu Părvescu. *Hora din Cartal*. Bucuresti, 1908, №1, 4, 8, 17, 20, 22, 38, 49, 51, 59.

³ Ibidem. P.12-13.

⁴ 500 melodii de jocuri din Moldova. Alcătuitor P.Stoianov. № 431.

⁵ Teodor Burada. Almanah muzical. Iassy, 1877. P. 63.

⁶ Gh. Ciobanu. *Elemente muzicale vechi în creațiile muzicale românești și bulgărești* // Studii de muzicologie, 1965, vol.1. P.335-399.

⁷ N.Radulescu. *Variante romano-balcanice ale unor melodii de dans și rituale* // Rev. de etnografie și folclor, 1968, №1. P.3-27.

⁸ Джиджев Т. *Проблеми на метроритъма и структурата на песенния фолклор*. София, 1981, с. 30-66.

⁹ Стоянов П.Ф. *Молдавский мелос и проблемы музыкального ритма*. Кишинев, 1985. С. 87-134.

¹⁰ Кантемир Д. *Описание Молдавии*. Кишинев, 1972. С. 173.

¹¹ T. Alexandru. *Bela Bartoc despre folklorul românesc*. Bucuresti, 1958. P. 64.

¹² Стоянов П.Ф. Указ. соч. С. 59-68; он же, *Bazele teoretice ale melodicii cîntecului popular moldovenesc* // Folklorul muzical din Moldova și creacia componistică. Chișinău, 1993. P.5-55.

¹³ Добрев П. *Каменната книга на прабългарите*. София, 1992; он же, *Претъриването на прабългарския календар: ключ към тълкуването на най-стария български летопис*. София, 1994; он же, *История на българската державност* (по най-старите царски и църковни летописи). София, 1995.

¹⁴ Стоянов П.Ф. *Вопросы формирования лада и мелодики в молдавской народной песне*. Кишинев, 1990; он же, *За тоналността (към методологията на музикалната фолклористика)* // Български фолклор, 1996, кн. 5-6. С. 46-60.

¹⁵ Страбон. *География*. Москва, 1964. С.448.

¹⁶ C.George-Munteanu. *Literatura poporană bulgară*. Bucuresti, 1940. P.1.

Lilia HANGANU

CALOIANUL.

VIZIUNI MITOLOGICE ÎN TRADIȚIA POPULARĂ ROMÂNEASCĂ ȘI CEA BULGĂREASCĂ

Printre multiplele forme tradiționale de manifestare culturală la români și bulgari poate fi considerat și ceremonialul popular de combatere a secetei, cunoscut pe întreg arealul românesc sub denumirea de "Caloian" ("Scaloian"), iar la bulgari fiind definit "Gherman". Considerat la origine un relict arhaic din vechea civilizație agrară preindoeuropeană, o continuitate mitologică a zeităților mediteraniene, care mureau și reînviau periodic ca simbol al ciclurilor vegetale, acest rit s-a manifestat în mod plinar și continuă să mai persiste fragmentar și la ora actuală în tradiția celor două popoare vecine ca un obicei legat de cultul naturii și divinizarea forțelor ei vitale: soarele, apa, pământul, vegetația.

Descrierea tipologică a datinei din vastul areal bulgaro-românesc presupune, evident, atragerea în câmpul de investigație a unui imens material factologic, fapt ce rămîne doar un deziderat de viitor. Prin studiul dat autorul își propune, doar, o viziune de ansamblu asupra unor conotații simbolice ale acestui obicei atât de răspîndit nu numai în Bulgaria și România, dar și în Republica Moldova.

După cum atestă majoritatea izvoarelor științifice românești, în acest areal geografic ritul dat se încadra în circuitul obiceiurilor de primăvară, fiind legat nemijlocit și de practicile agricole. Teodor T. Burada (1880, pag. 27) și Simion Fl. Marian (2, 1994, pag. 325) consemnau și specificul Paștelui al ceremoniei, dat fiind că în trecut ea se practica, de regulă, a treia marți sau joi după Paști. La mijlocul secolului 19 Gheorghe Săulescu integra această datină în contextul riturilor de invocare a ploii (Marian, 2, 1994, pag. 325).

Variat etimologic, divers ca răspîndire pe întreg spațiul românesc, dar egal prin nucleele sale originare, în formele sale de manifestare culturală

majoritatea surselor etnofolclorice românești atestă descrieri tipologice similare. Tradițional, Caloianul este imaginat ca o figurină antropomorfă de lut, îmbrăcată în "haine" /cîrpe/ și ornat cu flori; este dus cu fast și îngropat într-un loc special, fiind deplins ca pe un defunct; peste câteva zile e dezgropat și aruncat într-un mediu acvatic — fîntînă părăsită, baltă, rîu etc. Acest ritual arhaic imprima obiceiului dat un caracter similar cu ceremoniile funerare.

Nicolae Densușianu întrezărea în multiplele variante ale acestei practici magice un relict de înmormîntare simbolică a Soarelui: "Cînd primăvara e secetă mare; fetele române fac o păpușă mare de lut galben în formă de om, pe care o împodobesc cu panglici, cu cîrpe colorate și cu flori, iar pe cap îi pun drept căciulă o coajă de ou roșu. Pe alte locuri îl îmbracă în straie țărănești, cu opinci și cu căciulă. Această păpușă, spun dîsele, reprezintă pe tînărul Caloian; iar marți, în săptămîna a treia de la Paști, fetele așează această figură de lut într-un coșciug, o fată reprezintă pe popa, alta pe dascălul, o bocesc, o plîng, unele chiar cu lacrimi, provocînd-o în bocetele lor cu cuvintele: "Caloiene, trup de Deciană", adică copil al Decianeii, sau "Scaloiene Scaloian, trupușor de Dician". Apoi acest cortegiu de tinere vestale duce și înmormîntează păpușă (ori păpușele) într-un loc aproape de apă, iar după înmormîntare îi fac pomană. A treia zi după această ceremonie, fetele se duc iarăși la mormîntul lui Caloian, îl dezgroapă, îl bocesc din nou, îl pun într-un coșciug de papură, îi aprind lumînări și-i dau drumul pe Dunăre; ori pe apă" (Densușianu, 1913, pag. 259-262).

După relatările lui T.T. Burada în Dobrogea fetele executau din lut figura Caloianului "ca de o palmă de lung", pe care o puneau "într-un sicriu de papură și-l dau pe Dunăre sau pe baltă, cînd atunci încep toate fetele a se face că plîng și a se văicăra... În multe locuri, Scaloienii, înainte de a se arunca în apă, stau trei zile îngropați în pămînt. După ce Scaloianul s-a dat pe apă, toate fetele se întorc acasă, pun masa, fac bucate și plăcinte, beau, mănîncă și fac horă, iar flăcăii cîntă din fluier și din cimpoi" (Burada, 1880, pag. 26-27).

La S.Fl. Marian întîlnim descrieri similare: "copilul de lut" (pe alocuri se făceau două figurine de sex opus) era pus într-un sicriu mic, sau pe o scîndură, îmbrăcat în haine țărănești cu opinci și cu căciulă, înconjurat cu coji de ouă roșii, păstrate de la Paști, împodobit cu flori (de preferință busuioc), dus și îngropat "pe cîmp, prin mărăcini, sau pe malul vreunei ape ori într-alt loc ascuns". Tot el vorbește și de un alt model ritualic al

Caloianului, confecționat de fetele mici care "îmbracă un sul cu haine femeiești și pleacă cu el pe la oameni acasă, și la casa la care se duc gazda trebuie să ude acel sul cu apă, apoi le dă ouă, unt, făină, etc., și cu ceea ce adună fac și ele plăcinte, bucate, și cumpără vin, și aceasta se cheamă pomana Caloianului, iar acelui sul îmbrăcat, care mai pe urmă se leagă de vîrfurile cumpenei unui puț, i se zice ca și omului celui de lut, asemenea Caloian sau Scaloian" (Marian, 1994, 2, pag. 320, 324).

Și în Republica Moldova s-au mai păstrat reminiscențe ritualice ale acestui obicei. Din atestările lui Nicolae Băieșu un grup de fetele executau o figură antropomorfă din lut (lemn, piatră), îmbrăcată în haine țărănești, pe care o puneau într-un sicriu mic (din scîndură, carton), împodobit cu panglici și flori, și o "înmormîntau" după toate tradițiile funerare creștine în cîmp sau pe malul unei ape (Креация, 1991, pag. 244).

Potrivit unor informații de teren din raionul Drochia (satele Cotova, Sofia) și Rîșcani (satul Pelinia) fetele modelau o păpușă din cîrpe colorate și o împodobeau cu flori și beteală. Ele imitau "bocetul" defunctului, utilizînd foi de ceapă. Ulterior, întregul "cortegiu funerar" ieșea cu mare alai din sat, "mortul" fiind îngropat la hotarele dintre moșiile satelor vecine.

Paralel cu etimologia tradițională de Caloian, în unele localități din Republica Moldova obiceiul e denumit "Titiană", "Păpușică de gumoi" (raioanele Orhei, Telenești, Singerei), "mortul" sau "a umbla cu mortul" (Drochia, Soroca).

În Bulgaria ritualul dat era foarte răspîndit. Denumit în mod tradițional "Gherman", iar în regiunile bulgărești din partea nordică a țării Caloian ori Scaloian, ritualul se practica, de regulă, la 9 (22) mai, cînd se celebra ziua sfîntului respectiv, sau în perioadele de secetă.

După cum nota Gheorghe S. Rakovski, obiceiul se oficia și la solstițiul de vară (24 iunie, ziua Sfîntului Ion): "На някои места правят и човека от пърцали и го носят по беленки момичета и къту го оплакват къту мъртвец, закопават го в земя" (Раковски, 1922, стр. 190).

Liuben Karavelov atesta în lucrările sale etnografice unele amintiri legate de această datină populară din localitatea sa natală Koprivștița: "Делают куклу из разных старых платьев или из соломы, девушки и парни ее носят, как покойника, а другие идут за ними, что-то говорят и поют песни" (Каравелов, 1861, стр. 234).

Țani Ghincev aduce în lumină unele informații de teren din anii 70 ai secolului trecut despre celebrarea datinei respective la bulgarii din regiunile

Sviștov, Silistra și Basarabia. Potrivit relatărilor, acest obicei de invocare a ploii, se practica anual atât la 9 mai, cât și în perioadele de secetă. Desfășurarea scenariului ritual era precedat de anumite prescripții de ordin organizatoric. Fetele și femeile tinere se adunau la o casă, unde se pregătea pomana Ghermanului din proviziile aduse de fiecare: pâine, făină, lapte, ouă, brânză, unt etc. Pe banii adunați se cumpăra și un miel, din care se prepara mîncarea rituală — “curbanul”. Fetele modelau din argilă o figură antropomorfă masculină nudă cu ochi din cărbune stins, căreia i se încrucișau minile pe piept, iar pe cap i se puneă o scufie din coajă de ou roșu de la Paști, păstrate neapărat pe ramurile unui arbore viguros. Împodobit cu flori, Gherman-ul era pus într-un sicriș de lemn, în jurul căruia se aprindeau lumînări. “Mortul” era jelit de fete pînă seara tîrziu, iar peste noapte se lăsa în curte sau într-o încăpere, fiind păzit cu strictete. Dimineța în zori fetele duceau sicriul cu lumînările aprinse la Dunăre și-i dădeau drumul pe apa rîului. După aceasta se stropeau cu apă și se întorceau la casa, unde le aștepta masa funerară. Aici petreceau pînă tîrziu, pomenind mortul: “Бор да прости Скало-Яня”.

În regiunea Sviștov Ghermanul era îngropat în nisip. Bulgarii din Caragaș (Basarabia) aruncau figura Caloianului în lacul Ialpuș (СБНУ, 8, стр. 276).

Un tablou sinoptic al celebrării Ghermanului la bulgari e prezentat și de Mihail Arnaudov în vastul studiu “Герман-Скалоян” (1, 1971, стр. 203-234). Autorul urmărește evoluția și specificul obiceiului în diferite regiuni ale Bulgariei, precum în discuție momentele comune la bulgari și la români, atestă practici similare la ruși (Купало, Марена, Кострома, Костробонко), la abhazii din Caucaz, în China, Franța, Germania, Cehia; vorbește de miturile exemplare ale lui Adonis și Tammuz și de reminiscențe similare din tradiția universală, consemnate de M. Mannhardt și J.G. Frazer.

Referindu-se la concret la datina bulgărească a Ghermanului, M. Arnaudov consemnează că ea diferă de la o regiune la alta. În localitățile de pe malul Dunării (Sviștov, Șumen) ritul se celebra paralel cu Paparuda. În timp ce cîteva țănci travestite în paparude făceau ocolul satului, un grup de femei modelau din humă o figurina cu lungimea de 40-50 cm, pe care o împodobeau cu flori. Rolul bocitoarei îi revenea “mamei”, “surorii” sau “fratelui” celui mort. “Defunctul” era deplîns în stilul bocetelor tradiționale “Германе, мамин Германе, на кого ме оставяш, къде отиваш?”, iar înmormîntarea se desfășura conform canoanelor funerare

creștine — procesiunea se oprea la întretăiere de drumuri, se dădea de pomană, se cînta “Св. Боже” etc. În regiunea Pleven Ghermanul era îngropat sub un pod sau la o încrucișare de drumuri.

În formele tradiționale figura acestui sfînt era modelată din lut, imprimîndu-i-se ochi cu boabe de porumb roșu sau cărbune stins și sprîncenele cu rămurele de arbore vopsite negru. Pe cap i se puneă o scufie obișnuită de culoare roșie, denumită în partea de apus a țării “подкапник”, sau o coajă de ou roșu, păstrat de la Paști (se mai insista, ca aceasta să fie coaja de la primul ou, ciocnit la masa festivă). Majoritatea figurinelor nude ale Ghermanului bulgăresc se deosebeau prin mărimea exagerată a falusului erect.

Alteori imaginea zeității era simbolizată de o mătură, îmbrăcată în veșminte, modelîndu-i-se capul din cîrpe și fața din pînză, peste care se indicau cu cărbune stins ochii, nasul, gura etc. Această mătură ritualică comporta și unele rosturi magice. Ea trebuia să fie răpită de către copii în cea mai mare taină de la o femeie la prima graviditate, și în acest caz figura vegetală a Ghermanului era îngropată cu alai, iar la procesiunea funerară participau trei fete.

Urme ale acestui obicei pot fi întîlnite și la bulgarii din Moldova.

Conform informațiilor de teren (inf. Lisița Domnica, a.n. 1912; analfabetă; Lisița Ecaterina, a.n. 1942; studii primare; culegător: Hanganu Lilia — 1998) la Taraclia ceremonialul dura o singură zi. Femeile se adunau la o casă, unde se pregătea masa de pomenire din proviziile aduse de fiecare. Tot aici se modela și figurina antropomorfă din lut (“от кал”, “от ума-нец”) a Ghermanului, care se înfășura în cîrpe (“Куклата се правеше саму ут кал, ублечена във парцали”). Gherman-ul era îngropat în cîmp (“по баири”), în rîpi (“в ръпата”) sau pe malul unei ape. În formulele de invocare se cerea, ca această zeităte să le aducă oamenilor ploaie (“Герман, Герман, да ни дунисеш дъжд!”), sau recolte bogate (“Госпуд да даде убава година, урожай!”). Pe mormînt se puneă o cruce de lemn, iar păstorii din preajmă erau avertizați să nu dezgroape mortul, dat fiind că așa a fost să fie voia lui Dumnezeu (“Госпуд е изпратил да гу заровим”). După “înmormîntarea” ritualică fetele sau femeile reveneau la casa cu pricina, unde avea loc masa de pomenire. A doua zi se mergea la “mormîntul” lui Gherman, unde se depuneau flori, se stropea cu aghiazmă, se dădea de pomană covrigi, bomboane.

Cercetătorul bulgar Nicolae Kaufman, care a întreprins în anii 70 un

amplu sondaj etnofolcloric în unele localități bulgărești din Republica Moldova, nota că datina în cauză era cunoscută în diferite sate și ca "Германчо", "Ирмия", "Калаелник", "Калиян", ultimile fiind, evident, contaminări etimologice românești. Tot acest autor prezintă și un text folcloric, invocată la ritul funerar al zeiții:

Герчо, Гер, Германчо, Геньо,
де ш'идиш, де ш'та занесем.
Гене, Гене, де шт'а занесем,
де ш'идиш ти си мънинко.

(Кауфман, I, 1982, стр. 702)

Atât la români cât și la bulgari **actul ritual al modelării și "împodobirii"** cu veșminte sau flori al Caloianului nu poate fi cuprins în anumite tipare, dat fiind arhaismul acestui relict spiritual. Dar sumarele date etnografice și fragmentele dispartate și dispersate, care merită să fie consemnate, adunate și orânduite tipologic, ne permit să încheșăm un tablou amplu cu stratificări de elemente și semnificații profunde.

Un aspect prioritar asupra căruia vom stărui este materia primă din care e modelat Caloianul.

Din sumarele atestări etnografice, aduse în lumină anterior, variantele Caloianului-ului românesc și ale Gherman-ului bulgăresc erau modelate din lut, lemn, piatră, paie, cîrpe etc. Privite în totalitatea lor, ele ar putea sugera ca aspect mitologic substanța htoniană sinonimă în mitologia hindusă cu materia primă (Prakriti). Tot aici ar putea fi întrezărite unele paralele cu miturile antropogonice în care omul e făcut din lut (Evseev, 1994, pag. 133). Asistăm, deci, la un mit de creație.

Tot în miturile de creație a lumii prin sacrificiu, cosmosul ia naștere în urma actului sexual, iar arma cu care e doborâtă divinitatea primordială e identificată cu falusul. În mitologia universală există numeroase exemple de acest fel: săgeata lui Marduc, fulgerul lui Indra etc. Aceste principii eterne ale energiei naturale masculine pot fi atribuite și Caloianului, dat fiind reminiscențele de cult falic care mai persistă la modelarea figurinelor de lut de pe teritoriul Bulgariei. Este un aspect menționat nu numai de M. Arnaudov în studiul său, ci și demonstrat cu materiale ilustrative de teren de către Liubomir Mikov într-un articol, publicat în revista "Български фолклор" (кн. 4, 1986, стр. 25-30).

Însăși gama largă a figurinelor antropomorfe sugerează la origini modelul exemplar al creației divine. Semnificativă, în acest sens, este

tipologia variantelor antropomorfe ale Ghermanului de pe teritoriul Bulgariei, prezentată de L. Mikov în ordinea ce urmează:

- figurine androgine;
- figurine de prunci;
- modele plastice feminine, denumite "Светото", "Лазар", "Еньова буля", "Иванка", "Мара Лишанка", "Булка на пелеруда";
- modele plastice masculine, ce includ multiplele forme ale Ghermanului original. Din această categorie fac parte și formele ritualice de turte din aluat, coapte pe vatră, denumite "младенец" ("copilul"; "pruncul"). Ele se dau copiilor în timpul ritualurilor de invocare a ploii;
- modele de cupluri maritale, imaginate ca soț și soție: "Герги" ("Gheorghe") și "Тергина" ("Gheorghina") (regiunea Razgrad), "Герман" și "Росица" ("Rourița") (regiunea Mihailovgrad).

În viziunea autorului funcțiile semantice ale multiplelor imagini plastice desemnate mai sus înglobează un șir de principii ritualice. Ele sunt utilizate cu scopul de a simboliza trezirea naturii la viață, de a stimula forțele vitale la copii și animale, de a asigura fertilitatea cîmpurilor și a invoca ploile în timpul secetei.

Atât la români, cât și la bulgari s-au formulat numeroase ipoteze referitoare la originea Caloianului.

I. A. Candrea afirma, că mitul și obiceiul Caloianului românesc ar prezenta unele filiații din tradițiile romane, practicate la Idele lui Mai, când vestalele aruncau după echinocțiul de primăvară în apa Tibrului 24 figurine de lut numite "Argaei". Ca aspect etimologic I.A. Candrea admitea o versiune probabilă de la adjectivul v.sl. кальнь (de lut), derivat de la subst. каль (lut) (Candrea, 1900, pag. 94-97).

Adept al concepțiilor latinizante, și N. Densușianu va susține ipoteza romană a originii Caloianului ca un relict al sărbătorii Caianus. Tot el va fi printre primii care va releva și unele paralelisme dintre Caloian și Attys din mitologia frigană, fiu și amant al Kybellei, celebrat prin ritualul înmormîntării unei efigii. Autorul propunea și unele etimologii fonetice (derivarea Caloianului de la Caianus; corelări cu numele tatălui lui Attys — Calaus, sau cu epitetul Colane, atribuit Kybellei) (Densușianu, 1913, pag. 249-262), dar aceste opinii au fost respinse pe parcurs de către cercetătorii români (vezi, Ivănescu, 1967, pag. 14).

Marcu Beza omologa ceremonialul dat cu riturile arhaice ale zeului oriental al naturii care moare și reînvie din categoria lui Tammuz al

babilonienilor, Osiris al egiptenilor, Attys al frigienilor, Adonis al grecilor. Confluențele Caloianului românesc cu aceste zeități mediteraniene merg, uneori, până la identitate, menționa autorul. În continuare M. Beza reconstituie originea și evoluția mitului în viziunea creștină. El relevă faptul, că majoritatea zeilor în discuție aveau și unele corelări cu simbolul acvatic. În formele arhaice Tammuz (Dumuzi–Absu) era echivalent cu “fiu adevărat al apelor”. După o inscripție la o pictură murală aflată în templul de la Philae, în care era reprezentat Osiris mort, se spunea: “aceasta este forma aceluia pe care nu-l poți numi, Osiris al misteriiilor, care răsare din apele ce revin”. Aceste omologări ale zeităților cu niște spirite acvatice au fost transferate în viziunea creștină asupra Sfântului Ioan Botezătorul, care a preluat și anumite atribute legate de cultul apei. Autorul își argumenta aceste supoziții prin exemple ritologice din Rusia de vest, unde ziua Sfântului Ioan se celebra prin aruncarea în apă a unei efigii din ramuri, iarbă și plante (Beza, 1928, pag. 32-36).

În recenzia la lucrarea lui Marcu Beza cercetătorul ieșean Petru Caraman acceptă teza privind omologarea Caloianului românesc cu mitul lui Adonis, amintind, în acest sens, și de afinitățile cu Gherman-ul bulgăresc. Concomitent, P. Caraman sublinia și faptul, că nu poate fi neglijat nici aspectul de zeități a ploii (Caraman, 1935, pag. 181-197).

Printre lucrările de referință pe marginea Caloianului românesc se înscrie și cea a filologului G. Ivănescu, unde sunt reexaminată opiniile științifice principale, axate în jurul acestui rit mitologic (Ivănescu, 1967, pag. 13-23). Autorul completează investigațiile anterioare românești cu noi date de ordin mitologic: în circuitul zeităților mediteraniene sunt amintiți și Telepin al hitiților, Baal al fenicienilor; se cercetează modalitățile de evoluție a sărbătorii la numeroase popoare, în special slave, și se ajunge la concluzia, că teza emisă de M. Beza pare a fi cea mai acceptabilă. În final, G. Ivănescu trasează imagină o posibilă modalitate de fuziune a Caloianului pe teritoriul românesc. “Nu trebuie să uităm că, pe o mare parte a Peninsulei Balcanice provinciile romane Tracia și Macedonia — grecii sau macedonenii grecizați și-au însușit, după mijlocul secolului al VII-lea, dialectele slave de tip bulgăresc, aduse acolo de triburile slave, așa că este posibil ca mitul și obiceiul lui Adonis, care caracterizau în special regiunile nordice ale Egeii, să se fi transmis mai ales slavilor de tip bulgar, în mare parte de origine greacă, și de la acestea, românilor. Nu pare să fie întâmplător faptul că mitul și obiceiul Caloianului se întîlnește în Oltenia și Muntenia numai

în zona cu o bogată toponimie slavă, de tip bulgar vechi și mediu, și că lipsește în zona deluroasă și muntoasă, cu bogată și străveche toponimie românească. Aceasta, conchide autorul, — ne-ar arăta că obiceiul a fost adus chiar de bulgarii care s-au stabilit, în epoca imperiului româno-bulgar, în părțile de sud ale Munteniei și Olteniei și s-au românizat cu vremea”. Și tot aici, în continuare: “Faptul, că, la români, ca obicei și ca nume, Caloianul apare numai în regiunile de sud ale țării (Oltenia, Muntenia și Dobrogea), trebuie, poate, interpretat în sensul că ne-a venit de la bulgari. După ce a fost împrumutată de români, datina Caloianului și-a pierdut legătura cu Sfântul Ioan și a fost pusă în legătură cu Paștile”. G. Ivănescu presupune, că originea sintagmei Caloian poate fi un atribut românesc, un compus bulgăresc, dar “este mai probabil, că el a fost alcătuit de greci” (Ivănescu, 1967, pag. 21).

În cercetările etnofolclorice din Republica Moldova sunt emise diferite ipoteze cu privire la mitul Caloianului.

Victor Gațac stabilea două forme intermediare ale acestei divinități celeste: fie că e o zeități a ploii sau un mediator între lumea celestă și cea terestră. Unii etnografi (V. Zelenciuc, I. Popovici) împărtășesc afirmațiile cercetătorilor ruși (L. Marcova, M. Cașuba, E. Rikman etc.), după care tradiția “Caloianului” ar avea la origine cultul unui șir de zeități mitologice similare la diverse popoare agrare din Orientul antic (egipteni, babilonieni etc.).

Nicolae Băieșu presupune și faptul, că acest rit ar constitui o reminiscență a unui ceremonial arhaic agrar, ce ar fi avut la origine principiul unui sacrificiu uman, modificat, ulterior, și sedimentat într-o figurină antropomorfă (“păpușa” la moldoveni), adusă drept jertfă unei zeități a ploii (Креация, 1991, pag. 245).

S-au atestat asemănări și cu ritualul slav, denumit la ucraineni Marena, la cehi Marena și la poloni Marzana (fapt relevat la români deja de I. Candrea, vezi locul citat). Într-un context similar poate fi încadrat și obiceiul bieloruș Mara — simbol al morții (Мифы, 2, стр. 29), cât și cel de primăvară al divinității de tip adonisiac Kostrobonika (în ucraineană “ко-струб” — “murdar, neglijent”), Kostroma (rus. “костерь”, “костра”, derivat din “coașă de arbore”, ceul “kostroun” — “schelet”), Kupalo (de la vb. rus “купать”, “кипеть”, derivate din lat. “cupido”; “Cupidon” — zeul dragostei la romani) (Мифы, 2, стр. 10—11, 29) sau Iarilo (de la v. sl. *jar*, cu multiple derivate lingvistice ce semnifică principiul fertilității de

primăvară: rus. “яровой” — de primăvară; cereale/grîne de primăvară, semănătură de primăvară; “ярый” — pasionat, înfocat, fervent, înflăcărat; tot aici sunt incifrate și principiile luminii de primăvară, a soarelui ardent de dimineață: rus. “жар” — căldură, dogoare, jărătic, arșița soarelui) (Мифы, 2, стр. 686). Aceste ritualuri sunt practicate pe un areal larg la slavii răsăriteni. În cazul dat aici se arde, se înecă sau se dezmembrează simbolic o păpușă, figurată alegoric de o fată sau de un tînăr cu atributele masculine profund reliefate (Мифы, 2, стр. 11).

La bulgari M. Arnaudov emite ipoteza că obiceiul dat ar fi pătruns pe acest teritoriu prin filiera culturală românească (“Вземем ли под внимание голямото сходство, ако не пълното тъждество на българския Герман с румънския Скалоян, както и факта, че в някои български места (Добруджа, Бесарабия) куклата се нарича с румънското име (Калоенчо), ние бихме могли да допускаме, че при тоя народен обред у нас се касае чисто и просто за румънска заемка”) și conturează imaginar profilul teritorial pe ambele maluri ale Dunării, unde acest ritual s-ar fi manifestat în toată amploarea, și de unde ar fi iradiat pînă la slavii răsăriteni (“...аз бих наклонен да търся родината на Герман-Скалоян нейде край Дунава, на стара трако-мизийска почва, за да съзря в руския обреден комплекс Купало — Ярило — Кострома, ако той не бъде автохтонно явление, рефлекс от пра-типа на румънско-българския обичай”). Aceste interferențe spirituale datează, în opinia lui M. Arnaudov, din perioada comuniunii istorice a bulgarilor cu români: “или от времето на българските племена във Влашко, румънизирани по-късно, или от по-нова дата, при едно ширене на румънското влияние отсам Дунава” (Арнаудов, 1, стр. 226—234).

Tot M. Arnaudov sugerează și o posibilă etimologie a Caloianului de la sintagma românească “scaloiu” — diavol, demon; derivat din grupul de cuvinte “scalîmb-scălimbătură”, imagini, care, în opinia D-sale, pot fi asociate cu fenomenul dezastruos al secetei (Арнаудов, 1, стр. 233).

Adept al școlii mitologice, cercetătorul bulgar Ț. Ghincev (СБНУ, 8, стр. 276) opina pentru omologarea Ghermanului cu zeul solar Ianus, Enio, dat fiind că, pînă la solstițiul de vară în tradiția bulgărească Soarele e denumit Дядо Райко (Moșul Raiko), iar după data respectivă — Дядо Еньо (Moșul Enio). Conform miturilor autohtone această zeitățe era conjurată de proprii săi părinți ca să deschidă porțile cerului pentru a da drumul

ploilor pe pămînt. Afirmatia este susținută atît prin exemple de ordin lingvistic (autorul derivă etimologia Caloianului de la lat. *calare* — a invoca, a implora, a conjura), cît și prin rememorarea unor rituri arhaice universale, cînd în perioada marilor secete se aduceau sacrificii umane prin aruncarea lor în apă, pentru a fi îmbunătățită zeităța solară.

În acest sens cercetătorul bulgar vorbește despre un caz autentic desfășurat în secolul trecut într-o localitate bulgărească din Basarabia (Karagaci), la care el a asistat în calitate de martor ocular. Într-o perioadă de mare secetă toți locuitorii satului, în frunte cu preotul, se adunaseră pe malul lacului Ialpus ca să se roage de ploaie. Ei intrau în apă, se împroșcau reciproc, udau icoanele, crucile și praporele bisericești. Unul dintre săteni ar fi zis la un moment dat: “Hai să-l aruncăm pe cineva ca jertfă apelor (да го хвърлим курбан на водата), poate că va ploua!”. “Era doar o glumă, — meditează Ț. Ghincev, — dar dacă nu s-ar fi temut de pedeapsa cerească, așa cum erau îngroziți de ravagiile secetei, ar fi făcut-o și pe asta”. Autorul finalizează: “...în asemenea cazuri muritorii de rînd nu-și stăpînesc rațiunea (простата маса в подобни случаи не му мисли по-нататък)”.

Investigațiile etnologice din străinătate confirmă odată în plus arhaismul și universalitatea acestui obicei. Or, după opinia lui Victor Kernbach, “ritualul Caloianului coboară din fondul comun al primelor populații agrare ale lumii, deoarece forme ceremoniale nu prea îndepărtate ca simbol se regăsesc și în Extremul Orient (pentru Maica Orezului), ca și în America precolumbiană (pentru Maica Porumbului)” (Kernbach, 1994, pag. 232).

Așadar, urmărind disputele științifice în cercetarea originii Caloianului, vom reține:

- originea obiceiului românesc și bulgăresc al Caloianului își prelungește rădăcinile pînă în vechea cultură șumeriană și babiloniană, unde se practica un rit dedicat zeului vegetației care moare și reînvie anual. Acest rit aparține practicilor agricole de primăvară.

- majoritatea cercetătorilor susțin ipoteza, că obiceiul dat ar fi fost transmis odată cu tehnica muncilor agrare la egipteni, de unde a fuzionat și în Peninsula Balcanică.

Deci, suntem în lumea unui mit, însoțit la români și de un text poetic, ce comportă, în primul rînd, atribute caracteristice zeităților celeste, **aducătoare de ploaie și belșug în toate.**

În cercetările etnologice românești s-a relevat, că atît ritul Caloianului, cît și unele caracteristici ale poeziei simbolice de un sincretism complex,

sunt înrudite tematic de obiceiul și poezia Țăparudelor, considerată la origini o practică superstițios-magică de invocare a ploii (Buga, 1972, pag. 175). "Cînd nu plouă, — relata G. Săulescu în descrierile sale, — românii cei vechi păstrau procesiunea următoare, invocînd două divinități naționale, pe Calian și pe Păpălugă. Femeile, și mai cu seamă fetele, efigiază o statuă de argilă (lut galbăn), mare cam de o palmă, pe care o numește Calianu; îi fac un sicriu din scoarță, îl învelesc în giulgi și, ducîndu-l la mormînt făcut înadins, fetele îl bocesc, declamînd următoarele versuri: " Iani, Iani, / Caliani! / Ia ceriului torțele / Și deschide porțile / Și pornește ploile, / Curgă ca șuvoaiele, / Umple-se pârăiele / Printre toate văile, / Umple-se fîntînele ..." (Marian, 2, 1994, pag. 325). În acest caz Caloianul este investit cu funcția de zeitate supremă capabilă să dirijeze cu ploile.

M. Pop a calificat și clasificat textul poetic al Caloianului la categoria poeziilor de rugăciune (Pop, 1960, pag. 43).

În mod tradițional poezia de incantație a Caloianului prezintă această divinitate drept un mediator între cer și pămînt, capabil de a determina deschiderea cerurilor pentru curgerea ploilor. În cercetările structurii funcționale a poemelor de incantație s-a menționat, că ele prezintă un anumit tipar compozițional:

- versul de invocare a zeității: "Iene, Iene, Scaloiene";

- ruga — cerere:

"Du-mi-te la Dumnezeu / Și te roagă tot mereu, / Să dea drumul cerului / Ca să curgă ploile, / Ploile ca gîrlele / Noaptea și zilele / Și cu săptămînile".
Sau: "Du-te-n cer și cere! / Să deschidă porțile, / Să sloboadă ploile".

- motivarea practică:

"Ca să creasă apele, / Să s-adape vitele / Și să ude grînele, / Grînele și oarzele, / ... Ca să crească grînele, / Grînele, fînățele / Meiul și fasolele, / Cu toate legumele, / Porumbul și poamele, / Cu toate ierburile, / Să le pască vitele, / Să ne are holdele, / Să se facă roadele, / Să mănînce oamenii!".
În alt context: "Să răsară grînele, / Florile, verdețele, / Să crească fînățele / Să s-adape vitele, / Fie multe pite!".

- consecințele benefice ale ploii asupra unei colectivități concrete sau asupra umanității în general: "Să dea drumul roadelor, / Roadelor, noroadelor, / Ca să fie îmbelșugată, / Țara toată, lumea toată!" (Marian 2, pag. 324-325).

În unele regiuni românești substituitul ritualic al Caloianului este Muma ploii, ale cărei valențe mitologice se reduc de asemenea la invocarea ploii.

Unele informații despre practicarea acestui rit le vom întîlni la Simion Fl. Marian. Iată ce scrie el: "Nu plouă, și-i creapăt de se crapă pămîntul, pare c-ar căsca de zăduf: numai ce vezi pe babe că ies cu Muma ploii, un chip de om făcut din humă și îmbrăcat cu țoale negre, ca să se înnozeze cerul, și după ce-l descîntă, cum știu ele, îl îngroapă la un loc umbros, pare c-ar ploua, dacă fac ele așa" (Marian, 2, pag. 326). Conform textelor poetice, ea ține ploile închise și numai cererea de ajutor din partea actanților o poate determina să acționeze pozitiv în sprijinul colectivității, și în acest caz textul poetic este asemănător cu cel al Caloianului: "Mumuliță, mumulea, / Eu te rog pe dumneata / să ne dai cheițele / Să deschid porțile, / Să plouă ploile" (Buga, 1972, pag. 179).

În practica superstițios magică de invocare a ploii din tradiția românească a Caloianului figurează și un al treilea personaj — Tatăl soarelui. Marin Buga relatează despre unele reminiscențe ritualice, păstrate în Oltenia și regiunea Brașovului, unde prin anii 60 ai secolului nostru se făceau două păpuși simbolice de lut: "una pentru a provoca ploaia, numită "Mumulița ploii", iar alta pentru a o opri, numită "Tatăl soarelui", fiecare practică avînd text poetic diferit" (Ibidem, pag. 175). Acest fenomen reliefează existența unui sistem mitologic complex în practica de rit agrar a Caloianului românesc.

După cum observă, pe bună dreptate, Marin Buga ne aflăm în fața unui scenariu "de ierarhizare a forțelor supranaturale din calitățile, forța, însușirile cu care au fost înzestrate de însăși fantezia omului primitiv care le-a dat naștere... o ierarhizare în propriul său sistem mitologic, așa cum o întîlnim în orice mitologie: în cea antică grecească sau în cea a religiei creștine. Întruchipările precreștine, păgîne cum sînt numite, s-au născut din concepția omului primitiv formată în contactul lui direct cu natura" (Buga, 1972, pag. 180).

Astfel, ritul de invocare a ploii comportă o funcție de mediere între homo sapiens și zeitățile celeste. Este bine cunoscut faptul, ca ritul în cauză se practica în momentele de criză survenite în viața colectivității, cînd lipsa ploii și seceta declanșau cataclisme de ordin economic și social, omologate în plan mitologic cu un dezechilibru cosmic. În acest sens, ritul dat (cu multiplele sale acte magice, implicit și poezia de incantație) era chemat să medieze între om și zeitățile celeste, imaginate la români fie în calitate de Țăparudă, Mumulița Ploii, Tatăl Soarelui sau Țăloian, zeități investite cu forțe consacratore, capabile să lichideze dezastrul social și să restabilească,

în ultimă instanță, echilibrul cosmic.

O funcție similară o are și Ghermanul la bulgari. "Герман — от кал направен човешки образ, който закопават, кога е суша, за да вали дъжд. Пее се: "Умрял Герман, Германе от суша за киша" (СБНУ, 14, 193).

Edițiile enciclopedice bulgărești menționează și caracterul de zeitate a ploii, atribuit Ghermanului. În "Речник на българския език" (том 3, 1981, стр. 114) sunt date, în acest sens, câteva exemple: "1. Стар народен празник в някои български краища, на който чрез специален обред са се молили на светец Герман за дъжд или за закрыла от градушка. 2. Глиненă или дървена обредна кукла, която се погребва на този празник като символ на умрял от суша момък". În continuare este citat un crîmpei poetic despre ritul dat în viziunea poetului bulgar Orlin Orlinov: "Суша напука души и ниви... / Тма без про-светна / в поглед и и диви... / Коли курбан, / Скачай връз огън! / Германи дялкай! Прави магия! / Белки те чуе / от рая / Бога!".

Potrivit relatărilor lui M. Arnaudov în Bulgaria nord-apseană copiii puneau în burta figurinei antropomorfe a Ghermanului o broască moartă cu gura căscată menită să aducă ploaie. O fetiță îndoliată imagina mama "defunctului".

În cazurile ploilor abundente prin unele părți se utiliza și Caloianul-mătură. Ritul era supravegheat cu strictețe de femeile în vîrstă pentru a nu se închide cerurile sau pentru a se evita moartea vre-unui copil al femeii, de la care fusese răpită mătura.

Tot în cazuri de secetă în unele localități bulgărești fetele ridicau o movilă din pămînt, ce imagina "mormîntul" lui Gherman. Ele o stropeau cu apă, implorîndu-l pe zeu să aducă ploaie (Arnaudov, 1972, стр. 232).

Paralel cu trăsăturile preponderent celeste ritul Caloianului incifrează și numeroase toposuri simbolice de natură funeбрă, ele fiind circumscrise amplului scenariu despre zeitățile vegetale care mor și revie periodic.

În cadrul poeziei de incantație a Caloianului românesc există un tip de variante ce se suprapun motivului "Maica bătrînă își caută fiul", motiv, întîlnit, de altfel, în baladele cu un subiect similar, în "Coblea", "Miorița", cît și în colindele religioase. La bulgari motivul s-a păstrat în baladele despre Krali Marko și în colinde. Este vorba de bocetul fetelor care jelesc mortul în ritul Caloianului, amintind de acele imagini, legate de Isis în mitul osiriac: "Iane, Iane / Caloiane! / Te caută mă-ta / Prin pădurea deasă / Cu inima

arsă, / Prin pădurea rară / Cu inim- amară, / și ea că te plînge / Cu lacrimi de sînge, / Iane, Iane, / Caloiane!" (Marian, 2, pag. 320).

Atestări similare întîlnim și în bocetul fetelor din Dobrogea (după consemnările lui T. Burada): "Scaloieni, Scaloian, / Trupușor de dician; / Scaloiță, Scaloiță, / Trupușor de cuconiță, / Mă-ta că mi te-a cătat, / Te-a cătat, te-a întrebat / Prin pădurea rară / Cu inim- amară, / Prin pădurea deasă / Cu inima arsă" (Burada, 1880, pag. 26).

Este interesant de remarcat, că unele reminiscențe ale motivului în cauză persistau și bulgari. T. Ghincev publica textul unei melodii românești, cîntată de bulgarii din regiunile de pe malul Dunării, în care se vorbește și despre un Tată al Caloianului: "Scalo-Eni, Eni, / Mă-ta te caută prin buruiene, / și tat-tu prin surcele / Prin pădurea grasă / Cu inima arsă".

Nu vom deschide, în acest caz, o discuție mai amplă la tema dată. Ne vom limita doar la afirmația, că acest motiv confirmă odată în plus originea mitologică a Caloianului, sugerînd, în această ordine de idei, existența arhaică a unui text epic legat de mitul lui Osiris, text păstrat ca un subiect integru nu numai la români, ci și la bulgari.

Concepte mitologice osiriace pot fi întrezărite și în fenomenul dezmembrării Caloianului pentru a se asigura fertilitatea cîmpului sau pentru a se reitera ca aspect mitologic moartea subită și renașterea unei divinități vegetale. "În cele mai multe locuri, însă, Caloianul e mai întîi frînt în mai multe bucăți, și abia după aceea diferitele sfărîmituri sînt aruncate prin fîntîni sau puțuri, prin bălți sau prin gîrle" (Marian, 2, 324). Paralel simbolismul dat reprezintă și o transsimbolizare metaforică a mitului cosmogonic sacrificial, aflat la temelia majorității faptelor de cultură realizate de omenire, mit reafirmat de către Mircea Eliade în lucrările sale: crearea lumii prin uciderea unui monstru de către un erou civilizator și disecarea acestuia în mii de fragmente din care ia naștere cosmosul.

În finalul studiului vom sublinia: născut în țările mediteraniene, de unde a fuzionat la bulgari și români prin filiera greacă, culminînd în mod plener pe ambele maluri ale Dunării, ritul Caloianului a incifrat în ambele cazuri multiplele variații mitologice ale cultului solar și naturii vegetale — moartea și renașterea lor anuală.

LITERATURA

- Beza M. *Paganism in Roumanian folklore*, London, 1928.
- Buga M. *Tipuri de structuri compoziționale în poezia rituală de invocatie* // "Folclor literar", v. 3, 1969-1970, Timisoara, 1972.
- Burada T.T. *O călătorie în Dobrogea*. Iasi. 1880.
- Candrea I.A. *Caloianul* // Noua revistă română. Vol. 2, nr. 15, 1900.
- Caraman P. *Folclor românesc în englezeste*. Arhiva, anul XVII, 1935, nr. 3-4.
- Densusianu N. *Dacia preistorică*. Bucuresti, 1913.
- Evseev Iv. *Dictionar de simboluri și arhetipuri culturale*. Timisoara, 1994.
- Ivănescu G. *O influență bizantină sau slavă în folclorul românesc și limba românească*: Caloianul. Folclor literar, nr. 1, Timisoara, 1967.
- Kernbach V. *Universul miic al românilor*. Bucuresti, 1994.
- Marian S.Fl. *Sărbătorile la români*. Vol. 1-2. Bucuresti, 1994.
- Pop M. *Perspectivă în cercetarea poetică a folclorului*. "Studii de poetică și stilistică", E.P.L., 1960.
- Арнаудов М. *Студии върху българските обреди и легенди*. Том 1. София, 1972.
- Гинчев Ц. *Герман или Скало-Ян*. СБНУ, 8.
- Каравелов Л. *Паметници народного быта болгар*. Москва, 1861.
- Кауфман Н. *Народни песни на българите от Украинска и Молдавска ССР*, в два тома. София. 1982.
- Креация популарэ*. Курс теоретик де фолклор ромынеск дин Басарабия, Транснистрия ши Буковина. Кишинэу. 1991.
- Миков Л. *Антропоморфни атрибути в българската фолклорна обредност*. сп. Български фолклор, 12, кн. 4. София, 1986.
- Мифы народов мира*. Том 1-2. Москва. 1992.
- Раковски Г. *Съмнения*. София. 1922.
- Речник на българския език*, том 3. София, 1981.

Александър КАВАЛОВ
КЪМ ВЪПРОСА ЗА ЗАИМСТВУВАНИЯ
В КАЛЕНДАРНАТА ОБРЕДНОСТ НА
БЪЛГАРИТЕ В МОЛДОВА

В резултат на продължително пребиваване на бесарабските българи извън етническите граници на България календарната им обредност претърпява естествени промени. Някои обичаи се загубват, други пък се променят. В същото време се появяват отделни обреди или техни елементи, характерни за съседните народи (преди всичко за молдовци и украинци).

Календарната обредност на българите в Република Молдова се е проучвала от автора в следните селища: с.Кирсово (Комратски район), с.Паркани (Слободзейски район), с.Валя-Пержей, с.Кортен, с.Кайраклия и с.Твардица (Тараклийски район), гр. Тараклия¹. Събраните материали потвърждават и до известна степен разширяват представите за заемките, които не са били още обект на специално изследване, но са отбелязани от редица автори, изучавали традиционния народен календар на бесарабските българи².

На румънците и молдовците е добре познат обредът "Păzit usturoi" ("Вардене чесън")³. В по-опростен вид този обред се изпълнява и във всички посочени български села (освен с.Паркани). Названията му са следните: в с. Валя-Пержей, където живеят и молдовци, "вардят (или правят) устурой" (молд. — чесън), а в останалите — "вардят (пазят, правят) чесън". Обичаят наподобява седянка и често се сравнява от информаторите със седянка или засевки (където не се работи, само на места момите плетат). Момите готвят постна трапеза, идват ергени, играят, пеят цяла нощ (няколко главички чесън се намират през това време на масата). Често на другия ден момите вземат от този чесън две-три скилид-

ки, наричат ги на мъжки имена, засаждат ги и чакат: която ще изникне най-напред, — за този ще се омъжи.

На въпроса защо трябва да се пази чесънът, отговарят обикновено следното: “Да не дойдат от другата махала да го откраднат”, “Да не пуснат нещо в манджите”, макар че има свидетелство от втората половина на XIX век, че в бесарабското българско село Чумлекьой чесънът се е пазел от “зли духове”, а също така на него му са приписвали следното свойство: ако юздата на откраднатия кон е била натрита с “андреевския чесън”, този кон скоро ще е намерен⁴.

В общобългарската обредност този обичай няма аналози, изключение прави само обредът “пазене квас”, “вардене квас” в Русенско и Разградско. Определено сходство съществува както по функцията на главния предмет в обряда, по свойствата му (вярват, че този квас защитава от зли духове, магии, болести), така и по времето на изпълнение (от Игнажден до Нова година) — това е период на преход, когато предпазващата насоченост заема важно място в календарната обредност.

С Андреевден са свързани и редица гадания с брачна насоченост, извършвани срещу този празник или в навечерието на Нова година. Едно от тях, разпространено при всички източноромански народи, както и при украинци и руснаци, при молдовците става така: правят се малки пити “балабуше, бълбушь”, белязват се от всяка мома и се дават на кучето: по същия ред, както то ги изяжда, момите ще се омъжват. Гадаят и по колове: на една от момите завързват очите, и тя, като намери най-близкия кол на оградата, брои наляво от него девет кола и към последния с червен конец привързва китка босилек. Сутринта гледат: ако колът е висок — висок ще бъде и бъдещият годеник, ако колът има кора — годеникът ще бъде богат и т.н.⁵

В с. Паркани вечерта срещу “Андрея” се прави седянка, по време на която всяка мома донася с уста вода “от три герана” (момците по това време правят различни смехории, за да се разсмее момата, така че ѝ се налага да ходи няколко пъти на всеки кладенец), меси питка, назована тук “балабушка”, после момите ги слагат в един ред на метла, на прага или на лопата и викат кучето. Чиято “балабушка” ще е изядена най-напред, тази мома ще се омъ-

жи първа. Пак там момите вървят до някоя ограда и броят коловете: първия кол — “вдовец”, втория — “молодец” и т.н. Според това, какъв ще ѝ се падне последния кол, ще я вземе вдовец или ерген.

Подобни гадания с “мълчешка вода” от три кладенеца се правят понякога сутринта на Нова година и в гр. Тараклия от момите, участвали вечерта срещу празника в обряда “Дайлада”. Разликата е в това, че тук питките се наричат с имената на любовниците (едната от тях обикновено се нарича на “незнаен”).

Пак тук понякога момите излизат вечерта срещу Васильовден вънка и “барат” по тъмно някой кол от ограда: ако е крив, мъжът ще се падне крив и т.н.

Празничните обхождания на домовете в навечерието на Нова година в горепосочените български селища съдържат в себе си черти на молдовските обичаи “Плугушор”, “Капра” и разпространената сред украинците и молдовците “Маланка”. Молдовският учен Ю. Попович, разглеждайки различни исторически форми на обичая с плуг и заораване, посочва, че вместо животните в първоначалните обхождания на домовете с плуг и волове по-нататък се появява “бухай” (молд. — бик) — своеобразен музикален инструмент, имитиращ мучене на добитък. И в двата случая се произнася един и същ поздравителен текст⁶. М. Салманович отбелязва, че бухаят и звънците стават задължителни елементи на обичая, докато плугът се използва не винаги⁷.

В с. Кирсово названието на обичая идва от характерните възклицания “хъй-хъй!”, които всички участващи ергени повтарят след всяка строфа на поздравителната формула и с които те сякаш подгонват несъществуващите волове. Там “ходят на хъй-хъй” (или ходят да “хъйкат”) с траки (хлопки), звънци, “бухай”. Интересно е, че в това село известно време е съществувала и другата форма на обичая. Стари хора си спомнят, че в междувоенния период (по всяка вероятност под румънско влияние) през деня в навечерието на Нова година по улиците са ходили с волове, впрегнати в плуг или дърво вместо него, и пеели съчинения с пожелания за хубава реколта.

В с. Твардица вечерта срещу Нова година обхождат домовете ергени със звънци, с акордеон и пеят песни. Един от задължител-

ните атрибути — звънчето — е дал името на обичая. Тук го назовават “хлопка”. Тази вечер стопаните се стараят нищо да не оставят в двора неприбрано, иначе нощните гости ще го задигнат и отнесат някъде далече.

В с.Валя-Пержей, Тараклийски район, където българите са 77 на сто, а останалите са основно молдовци, се употребява молдовското название: там ходят “на хъит”⁸. Ергени с маски, звънци, “буга” (“бухай”), пръчки бляят, кряскаят, плющят с камшици и пеят “на джама” (до прозореца).

Поздравителните текстове и в трите села най-често са по-кратки или по-разгърнати варианти със следното начало:

Скоалъ, скоалъ, баде Василе,
Къ ну-й време де дормит,
Да-й време де арат
Ла кымпу курат
Ла мъру' ротат...⁹.

Молдовските думи обикновено са изопачени, произнасят се често като близки по звучене български думи, а понякога на шега се смесват с българските:

Бунъ време, бунъ време,
Давай рубли, че немаме време.
(с.Твардица)

В с. Кайракия се срещат три вида обхождания на домовете в навечерието на Нова година. Най-малките момченца (до 10-12 години) ходят “на хлопка”, като пеят на украински език:

Василка просилка,
Василка му й батка,
пусти мене в хатку...
и т. н.
И в края:
Ъ-й, колаче петаче,
подковете магарето!

По-големите момчета ходят “на бучило” (еквивалент на “бухая”), като пеят различни песни (най-често на руски език) без обредно съдържание. Ергените пък тук ходят “на коза”.

Последното название се среща също така в гр. Тараклия и с.Кортен. И в трите селища участниците (а по-рано са ходили и

40-50-годишни мъже) се предрешват с момински дрехи; други се “правят” на жени, на баби; някои се мажат със сажди; в групата има “доктор”, “козата” е направена от дърво и покрита с черги; свирят акордеони, кавали. Козата играе из къщи, разболява се, пада, “докторът” ѝ прави инжекции, тя пак става и продължава да играе. Даряват я с кравайчета, които слагат на рогата ѝ, черпят я с вино, слагат пари в устата ѝ.

В с.Паркани обичаят се казва “Маланка”. В групата от 6-7 души освен “козата” (с облечен наопаки “кюрк”, с маска, рога, опашка), влизат различни персонажи: ковач с помощник, циганин, мечка, козел и други. Момците, които се стараят да не ги познае стопанинът, пеят песни (обикновено украински) и разиграват въщи различни сценки. “Ковачът” кове “козата”; когато я коват, я боли; тя не се дава, пада, умира; лекуват я със сланина, колбаси. Представлението завършва с подковаването и даряването “козела” (който носи подаръците) или пък с подковаването на козата, като ѝ слагат даровете на копитата.

В песните обикновено се пее за Маланка, за козата:

Наша Маланка сама не ходы,
За собою казаки я воды,
Маланочка петривочка,
Не спала Маланка ночку...

Или:

Наша коза не ила, не пила,
На сухой камень сидила...

Без да се задълбочаваме в дискусия за генезиса на кукерските и сурвакарските игри, трябва да отбележим, че типологичното сходство между тях и молдовските и украинските новогодишни обичаи вероятно облекчава процеса на заимствването на последните от бесарабските българи. Допринася за този процес “общата мирогледна основа”, най-важните прояви на която са обредното заораване, мнимата смърт и възкръсване на главния персонаж, близката календарна прикрепеност на тези обичаи към периода на “зимните веселия и сватбите”¹⁰.

Под въздействието на местната църква в горепосочените български села (с изключение на с.Паркани) се разпространяват така наречените “песни на звездата”, много популярни сред

румънците и молдовците¹¹. По време на коледните празници (на първия ден или и на трите дена) 10-12-годишни деца по две-три обхождат домовете, като започват от своите близки. Те държат в ръцете си прикрепена към пръчка звезда (обикновено украсена с разноцветна хартия) с малка икона, а понякога и със свецица вътре и със звънчета по краищата и пеят песни за раждането на Христа на молдовски или черковнославянски език.

За разпространението на обичая допринася вероятно неговата близост (както по състава на участниците, така и по времето на изпълнението) към българското сурвакане.

Първият понеделник след Томина неделя на българите в Молдова е познат като Софинден, Софиинден, Малък Великден, Мъртвия или Мъртвия Великден. Молдовците на този празник (Paștele blajinilor) ходят на гробище, където се служат панихиди, прави се трапеза до гроба, прекадява се, прелива се, раздава се...¹². Почти по същия начин правят помени и българите от горепосочените села. Доста подробно описание на този обичай дава още Й.Титоров, като го завършва с предположението, че той е бил зает от местните молдовци или украинци¹³. В с. Паркани, където украинското влияние е по-силно, се употребява украинското название "Проводы".

В България на този ден не се работи против суша и окуцвяването на хората и добитъка; не се ядат яйца, за да не излизат циреи; в събота преди празника жените раздават просфорки и червени яйца за скоро починали¹⁴.

Всъщност в случая става дума не за заимствуване на един чужд обичай, а за прикрепяване (под молдовско и украинско влияние) на помени към тази дата, което е обусловено, вероятно, от характерната за великденската обредност връзка с култа към мъртвите и от всеобщото вярване за "разпуснатите" от Велики Четвъртък до Спасовден души на умрелите.

Описаните по-горе обичаи не засягат цялостта на българската обичайна система, тъй като тези заемки не са много и те се прикрепяват към близките по смисъл български празници.

За отбелязване е, че подобни на някои от разгледаните обичаи се срещат и в други места, където българите живеят в съседство с румънците. В Добруджа например в редица села се правят поме-

ни за умрелите на Софинден; пак там в отделни села се срещат и маскарадните игри: "Кланза" на Коледа и "Бухай" на Сурва¹⁵. Към същия тип игри спада и "Бразая", която се изпълнява в някои северни райони на България¹⁶.

БЕЛЕЖКИ

¹ Личен архив на автора.

² Титоров Й. *Българите в Бесарабия*. София, 1903; Державин Н. *Българските колонии в Русия*. Т.1. София, 1914; Маркова Л.В. *Некоторые наблюдения над развитием календарных обрядов у болгар междуречья Прута и Днестра*. // Известия на етнографски институт и музей. 1968, кн.ХІ; Сорочану Е.С. *Зимняя календарная обрядность болгар юга Молдовы и Одесской области середины ХХ в.* // Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины. Кишинев, 1995. С.92-106.

³ Вж.: Салманович М. *Румыны* // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. ХІХ — начало ХХ века. Зимние праздники. М., 1973. С.284; Попович Ю.В. *Молдавские новогодние праздники*. Кишинев, 1974. С. 78.

⁴ Киранов С. *Борьба приходского священника с предрассудками и суевериями прихожан-болгар* // Кишиневские епархиальные ведомости. 1875, № 21. С. 783.

⁵ Сырку П. *Из быта бессарабских румын*. Петроград, 1914. С. 176; Попович Ю.В. Цит. съч. С.78.

⁶ Попович Ю.В. Цит.съч. С. 83.

⁷ Салманович М. Цит. съч. С. 290.

⁸ Ю.Попович пише, че според картографирането на обичая в Република Молдова преобладава названието "урьтурь, или хьитурь", а не "Плугушор". Вж.: Попович Ю.В. Цит. съч. С. 9.

⁹ Срв.: Сырку П. Цит. съч. С. 153.

¹⁰ Арнаудов М. *Студии върху българските обреди и легенди*. Т.2. София, 1972. С. 91; Краев Г. *Обредното травестиране на българските земи през зимния календарен цикъл*. // Обреди и обреден фолклор. София, 1981. С. 153-158; Беновска-Събкова М. *Българската маскарадна обредност в контекста на европейската традиция* // Българска етнография. 1994, кн. 3-4. С. 5-8.

¹¹ Попович Ю.В. Цит. съч. С. 138; Сырку П. Цит. съч. С. 173.

¹² Зеленчук В.С. *Очерки молдавской народной обрядности* (ХІХ — нач. ХХ в.). Кишинев, 1959. С.83; Сырку П. Цит. съч. С. 178.

¹³ Титоров Й. Цит. съч. С. 283-284.

¹⁴ Василева М. *Софинден*. // Българска митология. София, 1994. С. 339-340.

¹⁵ Василева М. *Календарни празници и обичаи*. // Добруджа, София, 1974. С. 311, 334, 343.

¹⁶ Арнаудов М. *Студии...*; Сиракова И. *Бразая в Русенско*. // Българска етнография, 1994, кн. 3-4. С.54-57.

Евдокия СОРОЧАНУ
**ОБЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЗИМНЕЙ
КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ БОЛГАР И
МОЛДАВАН**

Заметно усилившийся за последние годы интерес к вопросам изучения народной духовной культуры славян, в частности, с новыми принципами научного анализа этого круга проблем, “ориентирующего исследователя на рассмотрение связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции”¹. В 70-80-е годы под руководством известного русского слависта Н.И.Толстого сложилась этнолингвистическая школа, в русле которой ведется комплексное изучение духовной культуры славян и балканских народов. Первые этнолингвистические исследования в области духовной культуры болгар и румын посвящены анализу терминологии и структуры их календарных обычаев и обрядов (диссертации И.А.Седаковой и Г.И.Кабаковой)². Народная календарная терминология бессарабских болгар в сравнении с гагаузской была предметом исследования диссертации автора данного доклада³.

Как известно, в буджакских степях Бессарабии компактно, большими селами, живут болгары и гагаузы, переселившиеся сюда из Болгарии в конце XVIII — 1-й четверти XIX в. В результате этого переселения в Бессарабии сложилась этническая ситуация, подобная балканской. То, что сейчас на юге Молдовы и частично в Одесской области живут болгары, гагаузы, молдаване и даже есть одно албанское село, можно назвать микробалканской ситуацией. В этой связи интересно наблюдение над взаимосвязью и взаимовлиянием элементов календарной обрядности этих наро-

дов. Длительные тесные контакты болгар с молдаванами содействовали формированию общих черт календарных праздников. Календарь — это чрезвычайно важная система организации бытовой и реальной жизни любого народа, не порвавшего связи с традиционной духовной культурой. Он регулирует не только хозяйственную, трудовую деятельность, но и перекодирует на годовую ось всю структуру жизненного цикла человека.

По народному календарю болгар и молдаван год делился на два сезона: зимний и летний. Началом зимы считался день Св.Дмитрия, а первым днем лета — день Св.Георгия. Деление года на два сезона характерно для всего Балкано-Карпатского ареала⁴. Однако этнолингвистический материал указывает на другие временные границы. Так, первый выгон скота, маркирующий начало скотоводческого года, приурочен к Благовещению, но главная дата, фокусирующая целый комплекс животноводческих магических действий, — день Св.Георгия. Началом зимы и у болгар, и у молдаван считается Андреев день (30.II. ст. ст.). Этот праздник связан с началом удлинения дня. Болгары говорят, что со дня Св.Андрея день вырос на “просяное зерно”⁵. Молдаване называют этот день “головой зимы”. Обычаи и обряды этого дня направлены на повышение плодородия, на достижение благополучия в семье, на нейтрализацию злых сил. В отличие от болгар метрополии, в бессарабских болгарских селах в ночь Св.Андрея совершался обряд “хранения чеснока”: *вардя чесан* — Кирсово, *пазя чесан* — Твардица. Обычай этот чужд славянской обрядности, но хорошо известен молдаванам и румынам⁶, откуда, по всей вероятности, и перенят бессарабскими болгарскими. В болгарском селе Суворово (Шикерли-Китай) Измаильского района обряды Андреева дня, связанные с чесноком, не известны, но в этот день народ празднует *устурой*, что в переводе означает чеснок (“на андреев ден гул’аим, празнуваме устурой”). Информаторы не знают, что обозначает данное слово и почему так называется этот день. В отличие от других исследуемых болгарских сел с.Суворово находится в известном отдалении от молдавского населения в окружении болгарских и украинских сел. Здесь редко кто владеет румынским языком. Этнографические данные говорят о том, что обряд “хранения чеснока” известен в тех болгарских селах, кото-

рые расположены в непосредственной близости с молдавскими. Подготовка к Рождеству начиналось со дня Св. Игнатия (20.III. ст. ст.). В этот день формировались группы колядчиков, избирался глава дружины, закалывался рождественский поросенок, совершались обряды, связанные с первым посетителем (*полезник*). Функция праздника состояла в том, чтобы посредством магических обрядов, гаданий и предсказаний обеспечить плодородный и счастливый год.

У болгар Игнажден считается праздником птицеводческим (ср. наименование данного дня в с. Кирсово — Пилешки празник, ‘куриный праздник’), и большинство обрядовых актов и ритуалов (в том числе и *полезник*) направлены на разведение кур⁷. Приход первого посетителя (*Care intră primul în casa, Vestitorul*) в молдавских селах приурочен к первым трем дням Рождества и Нового года, и обычай этот связан с поверьем, что от первого посетителя зависит приплод домашних животных в течение года⁸. В роли *полезника* у болгар выступали и некоторые животные⁹. Так, в с. Твардица, кроме первого посетителя-человека, *полезником* считалась и домашняя собака, которую рано утром вводили в дом и кормили обрядовым хлебом. Многие ученые (И.Богатырев, К.Мошинский, Т.Колева, С.Кулишич, В.Чайканович) полагают, что ползник-животное предшествовал ползнику-человеку¹⁰. Особенность обычая у молдаван характеризуется преобладанием в нем роли ползника-человека¹¹. Известно, что обычай этот характерен для всех южнославянских народов, он существовал у венгров, словаков, поляков, западных украинцев¹². К восточно-романским народам он перешел, возможно, уже после переселения славян на Балканы.

Основным обрядом дня Св.Игнатия у молдаван было закалывание рождественского поросенка. В селах Черновицкой области этот день называется *ziua porcilor (свиняче свято)*. Закалывание сопровождается множеством ритуальных действий, свидетельствующих, что свинья является жертвоприношением богу, домашним духам и умершим предкам¹³. Об аналогичных обрядовых действиях болгар упоминает Л.Каравелов¹⁴. В исследуемых нами болгарских селах Бессарабии свиней на Игнатов день закалывали без особой обрядности, а праздничную еду готовили лишь к Рожде-

ству. Обязательным блюдом рождественской трапезы в с.Твардица была так называемая рождественская колбаса — *дядо*. Наименование ритуальной пищи в данном случае подчеркивает культовое жертвоприношение свиней в этот день. На наш взгляд, ритуальное убийство поросенка молдаванами в день Св.Игната более сходно с ритуальным закланием жертвенного ягненка у болгар в день Св.Георгия (23.IV ст. ст.). Здесь и поросенок, и ягненок входят в тот же самый круг жертвенных животных, символически означавших, по мнению В.И.Чичерова, плодородие, богатство, благополучие в жизни человека¹⁵.

Рождественские и новогодние обряды болгар и молдаван тесно связаны между собой и во многом сходны. Они отражают одно из основных занятий этих народов — земледелие. Древние земледельцы славили “рождение” солнца, отождествляя его с зимним солнцеворотом. Рождественские обычаи и обряды обнаруживают аналогии и связи с древними Календами, о чем говорит и само наименование праздника¹⁶. Р. Бернар, автор новейшего исследования о судьбе латинского термина, вслед за А.Н.Веселовским, предполагает, что Календы оказались связаны с Рождеством посредством переосмысления *Festum calendarum* — языческих игрищ, приуроченных к зимнему солнцестоянию, начинавшихся в конце декабря и захватывавших январские каникулы¹⁷. Он выделяет три значения *календы* в балканских языках: 1. гр. *κοιλαντα* ‘рождественская ночь’; алб. *kollendarë* ‘24 декабря, когда дети собирали калачи’; рум. *colinda* ‘Сочельник’. Все эти формы восходят к старославянскому *колда*. 2. Обрядовый хлеб для колядчиков. 3. Рождественская песнь — гр. *καλαντα* ‘греческие колядки, исполняемые в канун Нового года’.

В современных славянских языках и диалектах временная референция иная. В южно- и восточнославянских диалектах это в первую очередь Рождество (с которого в VII в. начинался отсчет нового года): болг. *коледа*, банат. *кольда*, серб. *коледа*, слов. *coleda* (pl), *koledniške praznike* ‘рождественские праздники’, макед. *коледа*, укр. *коляда*, полес. *коляда*, рус. *коляда*, диал. *каледы*, *каляды*, *коляды*¹⁸. Не менее широко распространено и значение ‘Сочельник’. Сочельник также обозначается и составным термином: болг. *малка коледа/коледка*, *суха коледа/колада*; полес. *перша коляда/пер-*

шы коляды. В болгарских и восточнославянских диалектах развивается и значение ‘канун большого праздника’: болг. *попова коледа* — ‘канун Крещения’; рус. *коляда крещенская* (Пск.), *первая коллада*, *другая коллада*, *третья коллада* ‘каноны Рождества, Нового года, Крещения’ (Курс.), *колед* ‘Лазарева Суббота’ (Пут.), полес.: *друга коляда*, *голодна*, *водяна*, *писана коляда* ‘Крещенский сочельник’¹⁹. Из других темпоральных значений шире всего представлены обозначения месяцев, чаще всего декабря: болг. *коледа*, *коледски месец*²⁰. Общим для всех славянских языков выступает значение ‘старинный рождественский или новогодний обряд, сопровождавшийся обходом соседей с песнями, за что хозяева одаривали колядующих деньгами и калачами’. Также общеславянским стало значение ‘песня, исполняемая при колядовании’, что заставляет предполагать это значение и для старославянского языка. У молдаван главным значением *colindă* выступает ‘рождественская песнь, колядка’. Фонетический облик указывает на достаточно древнее заимствование из старославянского. Для наименования же праздника Рождества в Молдове и Румынии используется термин *Crăciun*. Известен он и другим народам Балкано-Карпатского ареала: западным болгарам — *Крачун*, сербам, словенцам, черногорцам — *Krocun*, *Krecun*, мадьярам — *Karacsony*, западноукраинским гуцулам — *Керечун*. Что касается происхождения данной лексемы, то до сих пор общепринятой этимологии нет. Наиболее старые теории связывают его с лат. *Christ(i)* ‘Христов пост’ (Шухард), *crastinum* (Хашдеу), *creatio* (Ягич, Росетти). Семантические и фонетические возражения дает Этимологический словарь славянских языков. Славянские этимологи исходят из **korciti* (Фасмер, Якобсон, Трубачев) ‘шагать’ с суффиксом *-икъ*, **kortькъ* (Миклошич). Третье направление поисков — балканские источники: алб. *kerçuni*, *kerçu* ‘пень, рождественское полено’ (Чабей, Гавацци). А.В.Десницкая, разделяя эту точку зрения, реконструирует палеобалканскую основу **karsun*, производную от и.е. корня **(s)ker*, **(s)kor* ‘резать, срубить’²¹.

Основные ритуалы святочных праздников приурочены к их канунам. Обрядность святочных канунов болгар и молдаван содержит ряд однотипных компонентов. Прежде всего это обрядовая трапеза с определенным количеством (9, 12) блюд, символи-

зирующих плодородие, ряд обрядовых действий с ритуальной едой и обрядовыми хлебами (подбрасывание зерен к потолку, кормление божества и умерших духов), а также ритуальные обходы домов, гадания и предсказаний.

Восточнороманская колядная терминология как описывающая наиболее сходную обрядовую структуру ближе всего к болгарской, хотя число полных совпадений невелико. К ним относятся названия обрядовых хлебов (болгары детям-колядчикам дарят *колячета*, *коврик*, молдаване — *colacul colindului*, *covrig*), наименования участников ритуальных обходов (*войвода* — *voivod*, *касиер* — *casier*, *торбач* — *săcar*, *хлебар* — *tartar*), группы колядчиков (*чета* — *ceta*, *дружина* — *drujina*). И у болгар, и у молдаван большая роль в обряде колядования отводится благодарности за калач (болг.: *богословка*, *поп* произносит *молитву*, *станеник одрича кравая*, *опчита кравая*; молд.: *descintat*, *grăitul*, *multămita*, *uratul*, *sfințitul colacului*, *popa slujește colacu*, *popirea colacului*, *primari răspunde colacul*).

Названия животных у восточнороманских народов служили обозначениями носильщиков подарков: *măgare*, *cal*, *iară*, *gloabă*, *rugică*, *scroafă*, *miță*. *Sățana* объявлял о приходе группы, испрашивал позволения колядовать. Аналогичную функцию исполняют и болгарские *котки*, *котета*, *мяучкари* или *мяуканци*, *магаре*, *маче*, *мачка*, другая их задача — требовать дары (мясо, сало), это делают и *кучета*²².

Обряд “Плугушор” в бессарабских болгарских селах совершается в его эволюционном виде, где отсутствует плуг или его символическое изображение. Здесь первостепенное значение имеет словесный аккомпанемент к обрядовым действиям, который исполняется на румынском языке. Колядующие после каждого куплета поздравления хлопают бичами, звенят в колокольчики (*трака*) и кричат *хей-хей* или *ахоу-ахоу* — как бы подгоняя волов. Отсюда произошло название обряда — *ходя на хей-хей* (Кирсово), *ходя с хлопки* (Твардица), *ходят траките* (Криничное). Этот новогодний обычай заимствован болгарскими-переселенцами у молдаван. Вопрос о его происхождении до сих пор остается спорным. П.Караман объяснял его славянским влиянием²³. Еще в начале нашего столетия М.Арнаутов указывал на совпадение вос-

точнороманского новогоднего обычая первой борозды с аналогичным элементом куцерского обряда у болгар²⁴. Ю.Попович также считает его родственным болгарским куцерским обрядам и мотивирует это общим фракийским происхождением²⁵.

Общим для болгар и молдаван является и новогодний обычай *Сорсаки*, *Сурва* — *Sorcova*, с той лишь разницей, что у болгар главным атрибутом является украшенная сухая кизиловая (в Бессарабии — яблоневая, вербовая) веточка, а у молдаван — распустившаяся цветочные почки или листочки яблоневая ветка. Распространение данного обычая в южных районах Молдовы и Украины, скорее всего, связано с болгарскими-переселенцами из Болгарии и Валахии.

В заключение можно сделать некоторые выводы. Длительные тесные контакты болгар и молдаван содействовали формированию общих черт их календарной обрядности. Сходство проявляется прежде всего в самой сути обрядов, их функциональной направленности, в характере магических приемов, которые должны обеспечить жизненное благополучие. Большое количество обрядовых изоглоссов основано на общей обрядовой практике, общих мифологических представлениях, связывающих болгар с восточнороманскими народами, в частности, с молдаванами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толстой Н.И. *Неравномерность развития звеньев языковой и мифологической системы в этнолингвистическом аспекте*. Вторая всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Диалектика развития языка. Тезисы докладов. М., 1980. С. 150.

² Седакова И.А. *Лексика и символика святочно-новогодней обрядности болгар*. Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1984. С. 16.; Кабакова Г.И. *Терминология восточнороманской календарной обрядности в сопоставлении со славянской обрядности*. Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1989. С. 24.

³ Сорочану Е.С. *Терминология болгарской календарной обрядности в сравнении с гагаузской (на материалах болгарских и гагаузских говоров Бессарабии)*. Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1995. С. 16.

⁴ Арнаутов М. *Български народни празници*. София, 1943. С. 16; Вакарелски Хр. *Българските празници обичаи*. София, 1943. С. 103; Гордлевский В.А. *Материалы для османского народного календаря*. Т. IV. М., 1968. С. 89.

⁵ Маринов Д. *Народна вяра и религиозни народни обичаи*. // Сборник за народни умотворения. XXVIII. София, 1914. С. 526; Вакарелски Хр. Указ. соч. С. 113.

⁶ Сорочану Е.С. *Зимняя календарная обрядность болгар юга Молдовы и Одесской области середины XX века* // Вопросы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины. Кишинев, 1995. С. 97-116; Салманович М.Я. *Румыны* // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX — начало XX в. Зимние праздники. М., 1973. С. 285.

⁷ Сорочану Е.С. Указ. соч. С.101.

⁸ Попович Ю.В. *Молдавские новогодние праздники*. Кишинев, 1974. С. 71.

⁹ Арнаудов М. Указ. соч. С.24-25; Вакарелски Хр. Указ. соч. С.119; Маринов Д. Указ. соч. С. 271; Колева Т. *Болгары* // Календарные обычаи... 1973. С.46.

¹⁰ Богатырев П.Г. "Полазник" у южных славян, мадьяров, словаков, поляков и украинцев. Kraków, 1934. С.230.

¹¹ Попович Ю.В. Указ. соч. С. 72; Caraman P. *Substratul mitologic al sarbatorilor de iarnă la români și slavi*. Iași, 1931.

¹² Богатырев П.Г. Указ. соч. С. 213-276; *Магические действия, обряды и верования Закарпатья* // Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 218; Усачева В.В. *Карпато-восточнославянские параллели* // Славянское и балканское языкознание. Структура балканского текста. М., 1977. С.21-76.

¹³ Попович Ю.В. Указ. соч. С.111.

¹⁴ Каравелов Л. *Памятники народного быта болгар*. М., 1897. С. 276.

¹⁵ Чичеров В.И. *Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI-XIX веков*. М., 1957. С. 78.

¹⁶ Маринов Д. Указ. соч. С. 274-275; Арнаудов М. Указ. соч. С. 26; *Годишни празнични песни* // Българско народно творчество. София, 1962. С. 36-37; *Календарные обычаи...* 1973. С. 270.

¹⁷ Веселовский А.Н. *Разыскание в области духовного стиха*. Очерк XII. 1883; Bernard R. *Bulgare "coloda" — provansal calendo "Noël"*. // В честь на академик В.Георгиев: Езиковедски проучвания. София, 1980. С. 282—296.

¹⁸ *Этимологический словарь славянских языков*. Под ред. О.Н.Трубачева. Т. X. М. 1974. С.134-135; *Словарь русских народных говоров*. Под ред. Ф.П.Филина. Т. XII. Л., 1965. С. 348; Толстая С.М. *Полесский народный календарь* // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 179-184.

¹⁹ Толстая С.М. Указ. соч. С. 181; *Словарь русских народных говоров*. Т. XIV. С. 122, 221; *Български етимологичен речник*. Съст. В.Георгиев и др. Т. II. София, 1979. С. 551.

²⁰ *Български етимологичен речник*. Т. II. С. 551; Маринов Д. Указ. соч. С. 592.

²¹ Попович Ю.В. Указ. соч. С.143; Кабакова Г.И. Указ. соч.; Десницкая А.В. *О балканских элементах в русских русской народно-обрядовой лексике. К вопросу о раннеисторических связях восточных славян с балканским ареалом* // Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984. С.324-348.

²² Маринов Д. Указ. соч. С.310, 339; Арнаудов М. Указ. соч. С.33; *Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания*. София, 1974. С. 306.

²³ Caraman P. *Colindatul la români, slavi și la alte popoare: Studii de folclor comparat*. В., Minerva. 1983. 635 р.

²⁴ Арнаудов М. *Кукери и русалии* // Сборник за народни умотворения. Кн. XXXIV. София, 1920. С. 60—79.

²⁵ Попович Ю.В. Указ. соч. С. 52—53.

Алексей ПРИГАРИН
О ФРАКИЙСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В
ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ БОЛГАР
БЕССАРАБИИ:
на материалах жилища XIX — XX вв.

Культура всякого народа складывается из многообразных элементов, происхождение которых связано с различными этапами в историческом саморазвитии, а также с результатами взаимодействия с другим этническим опытом. В этом плане в культуре болгар, по мнению ряда исследователей, возможно проследить славянский, тюркский и фракийский субстраты.¹ Под последним принято понимать "комплекс наследия материальной и духовной культуры древних фракийцев, который возможно различать в современной болгарской культуре".²

Вполне очевидно, что условия и факторы его формирования относятся к ранним этапам истории болгарского этноса. Архетипы такого рода активно изучаются в современной науке³. Однако следует отметить и факты влияния фракийской культуры в новое время посредством межэтнических связей с другими народами Карпато-Дунайского ареала, в складывании культуры которых фракийцы оставили свой значительный след. Ярче всего это проявляется в конкретных вариантах болгарской этнической культуры. В этих случаях выступает не столько общеполитическая специфика восприятия фракийских парадигм, сколько исторически сложившаяся регионально-этнографическая.

В связи с этим мы бы хотели исследовать в этих аспектах бессарабский вариант болгарского народного жилища. Это представляется нам перспективным в связи со следующими моментами. Во-первых, значительную роль в формировании болгарского на-

селения Бессарабии играли выходцы из тех регионов, для культуры которых характерно присутствие фракийских комплексов и сюжетов. А во-вторых, исторические и этнокультурные условия предопределили активное межэтническое взаимодействие бессарабских болгар с румынско-молдавским населением.

Различные аспекты этих проблем уже затрагивались в науке. К эволюции и типологии жилища обращалась Л.В.Маркова⁴. Характер межэтнических связей в регионе являлся предметом исследований В.И.Наулко⁵. Влияние фракийских традиций на культуру молдавского населения региона, и на жилище в частности, нашло свое отображение в работах Т.Д.Златковской⁶. Опираясь на этот историографический опыт, приведем некоторые материалы по фракийским элементам в болгарском бессарабском жилище в контексте болгарско-молдавского взаимодействия.

Основой для данной работы является полевой материал, собранный автором в ходе экспедиционных исследований кафедры археологии и этнологии Украины Одесского государственного университета им.И.И.Мечникова в 1994-1996 гг. в ряде сел Болградского, Измаильского, Килийского, Арцизского и Саратовского районов Одесской области⁷. Изучение материальных объектов, а также сведения, собранные в ходе опросов респондентов, позволяют нам характеризовать процессы и явления периода конца XIX — XX ст.

Сравнивая болгарскую и молдавскую этнические культуры южной части Бессарабии, мы можем констатировать целый ряд общих элементов. Однако большая часть их своим происхождением обязана параллельному развитию культур в регионе в рассматриваемый период. Интеграция имеет место под влиянием и внешних факторов: приспособление к новым условиям, влияние городской культуры и т. д. Это прежде всего проявляется в технологических вопросах (например, широкое использование смеси глины с соломой (*чамур*), вытеснение сырцовым кирпичом (*ламнач*) с начала XX века вальковой техники кладки стен и т. д.).

Следующая группа общих моментов для нас более важна. Она формируется в результате аккультурации отдельных элементов и комплексов представителями этих народов. Так, например, с конца XIX века у болгар получает распространение 4-хкамерный вид

планировки (*гуляма къща + аят + камара + малка къща*). Образовалась такая форма путем выделения в *аяте* отдельного помещения (*камара, комара*), наделенного функциями зимней кухни и жилья для старшего поколения семьи. Здесь располагались устья печей или груб, рядом с которыми устраивалась плита (*котлон*) для приготовления пищи. В связи с отсутствием подобной планировки у балканских болгар мы склонны расценивать эту инновацию в регионе как элемент, заимствованный у молдаван. На это указывает название (от молд. "*кэмарэ*"), а также функциональная близость данному помещению в традиционном жилище молдаван⁸.

Следует отметить и влияние традиций, характерных для ряда славянских народов (украинская "*комора*", словацкая "*komora*" и т. д.). Однако близость названия сочетается с другим по сути назначением (складское подсобное помещение или даже отдельная постройка). Кроме этого, как свидетельствуют наши материалы, при подобной планировке у украинцев и русских региона присутствует другое название (*кухня*). В то же время отметим, что данный вид планировки получил наибольшее распространение и наблюдается в более ранних постройках в болгарских селах Заря Саратовского, Главаны Арцизского и Новосельское Килийского районов. Эти села расположены в непосредственной близости от сел с молдавским населением, с которыми установлены прочные отношения (торговые, брачные и другие).

Такого же рода процессы характерны и для архитектурного облика традиционного бессарабского болгарского жилища (*къща*), и прежде всего системы внешних украшений. Она складывается не позднее конца XIX века и прослеживается в общих чертах и в современных постройках. В это время традиционная ориентация жилища фасадом на южные румбы вытесняется (прежде всего из-за административной регламентации строительства в колониях) расположением жилого дома перпендикулярно к улице, торцевой стороной к ней. В связи с этим главная репрезентативная нагрузка придается торцевой стене и фронтоны.

Согласно нашим полевым материалам, можно выделить два основных технологических варианта решения этих вопросов: украшение каменной и деревянной резьбой. Первый встречается в

поселениях с традиционными каменными домами (например, Главаны, Делены, Задунаевка Арцизского района), а второй — с чакмурными (Васильевка, Огороднее, Червоноармейское Болградского района, Каменка Измаильского и т. д.). В некоторых постройках середины XX века встречается каменная резьба на стенах в сочетании с деревянной на фронтоне.

Вместе с тем мотивы и сюжеты в обоих вариантах идентичны. В целом для данной системы характерны симметричность и увеличение насыщенности по вертикали. В их структуре четко выделяются три уровня:

1. Поверхность стен, «жилой». Характеризуется геометрическим и растительным орнаментом, в котором чаще всего различаются хтонические идиограммы.

2. Фронтон, уровень чердака. Наиболее ярко выражены солярная и небесная символика.

3. Коньковые украшения (перо, пиструла). Разнообразные вариации растительного и зооморфного содержания.

Отметим, что подобная система не была известной балканским болгарам. Вместе с тем она является характерной для традиционного румынского и молдавского жилища. Проникновение формальной стороны данной системы украшения происходило на уровне полупрофессиональной сферы народной культуры болгар. В ряде сел респонденты старшего возраста указали на заимствование мастерами (именно они выполняли ответственные работы, связанные с перекрытием дома) этих традиций в молдавских селах.

Анализируя материал молдаван, Т. Д. Златковская была склонна рассматривать такую систему украшений как наследие фракийской сюжетной композиции, проводя аналогии из других комплексов молдавской культуры (вышивка, фольклор и другие)⁹. По-видимому, это справедливо и для бессарабских болгар.

В упомянутой орнаментальной структуре однозначно прослеживается противопоставление хтонического и солярного начала, характерное для фракийских традиций. На уровне символов актуализируется «подземный мир» — парные зооморфные изображения (*зымынци*), стилизованные под змею, иногда с «крыльями»; земной — растительный орнамент, символика мужского и женского начал и т. д.; и небесный — прежде всего птицы (голуби,

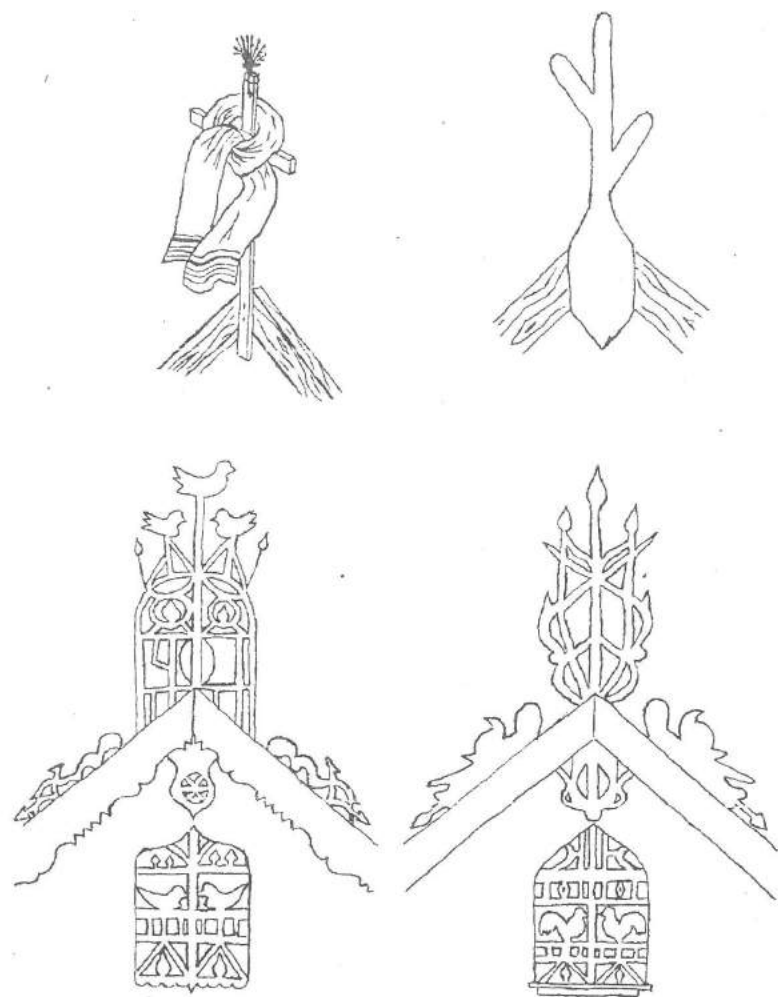

Рис. 1. «Крест» на стропилах во время перекрытия крыши (А) и коньковидные украшения болгарских домов начала XX века (Б) и 1940–1950-х гг. (В, Г). С. Червоноармейское (Кубей).

петухи и другие), солярные изображения (шестилистник, круг).

Следует отметить, что такое расположение уровней характерно как для системы в целом, так и для фронтона или конькового украшения в частности. Особенно это касается построек 1950-1970-х гг., в которых она присутствует лишь на этих указанных элементах.

Такая структура, а также ряд символов дает возможность расценивать данную систему украшений как проекцию "мирового дерева". Этот известный у многих народов архетип отражает условную схему пространственно-временной организации мира¹⁰. Дом же в традиционной культуре выступает одной из важнейших мировоззренческих моделей того же самого. Поэтому не случайным является присутствие в системе его украшений сюжетов, связанных с представлениями об устройстве мира — мирового дерева.

Это характерно как для фракийцев и их наследников, так и для славян, что дает нам возможность предположить, что заимствованная форма наложилась на представления, имеющие архаичные корни. В последних проступает некий синтез славянских и фракийских парадигм.

Однако влияние коснулось не только материальной стороны жилища. Отдельные моменты мы наблюдаем и в строительной обрядности, и в ритуальном освоении нового дома. Обратимся к наиболее ярким примерам.

Так, у болгар с. Зари Саратовского района до 1960-1970-х гг. существовал на новоселье обычай устраивать соревнование на конях для односельчан (*кушия*). Согласно ему, хозяин нового дома вывешивал на дереве полотенце (белое — *стане* или вышитое — *пешкир*) или рубашку, пояс, платок, а также деньги и бочонок вина (*бъклица*). На следующий день рано утром около такого дома собирались юноши и мужчины на конях. Хозяин или его родственник указывал на начало соревнований (хорошо известное место за селом), а их конечным пунктом всегда являлись ворота новой постройки. Трех победителей хозяин одаривал соответственно: рубашка или пояс с деньгами, полотенце или платок, бочонок с вином.

Для нас важно, что такой обычай был широко распространен среди болгар Балкан и Бессарабии. Однако связан он был с празд-

нованием Тодорова дня. По мнению болгарских исследователей, это один из обрядовых комплексов, сложившихся под сильным влиянием древнефракийских традиций. Размещение же его в комплексе освоения дома можно считать следствием трансформации в культуре отдельного болгарского села в Бессарабии, возможно, под влиянием актуализации архетипов в новых условиях.

Еще один пример такого рода трансформации относится к обычаю, организующему коллективную обрядовую трапезу на новоселье, а иногда и в других обрядах календарного и семейного цикла. Бытование данного обычая было зафиксировано для большого ряда сел (Червоноармейское, Н.Трояны, Васильевка, Каменка и др.), а в Огороднем существовало для него специальное название — *ниф*. Согласно ему, после того как гости сели за стол, хозяин выпивал первый стакан, ставил его на тарелку и благодарил всех, помогавших ему в строительстве. После этого он или кто-нибудь из его близких наполнял вином стакан и передавал его с тарелкой по очереди всем присутствующим. Тот из них, кому это передавали, должен был пожелать хорошей жизни в новом доме ("Дай беди бугат, да варви напред, да не идиши назад, да няма прости разговори"), выпить вино и положить на тарелку деньги (желательно — металлические).

Семантическая характеристика данных действий является отдельным вопросом. Укажем лишь на очевидное присутствие пережитков жертвоприношения-общения (согласно классификации С.А.Токарева) и солярной символики. Это, а также аналогии в молдавской и румынской традиционных культурах, дает нам возможность рассматривать данный обычай как одно из наследий древнефракийской ритуалистики.

Приведенный материал позволяет нам сделать некоторые выводы. Во-первых, фракийские элементы не только сохраняются в традиционной культуре болгар после их переселения в Бессарабию, но и в ряде моментов получают новое развитие. Во-вторых, данные процессы могут быть расценены как результат сохранения этнической выразительности предшествующих вариантов болгарской культуры и одновременно выработке новых форм этой выразительности в Бессарабии. Большую роль при этом играет межэтническое взаимодействие с румынско-молдавским на-

селением: отдельные архетипы фракийского происхождения из пассивных становятся активными составляющими. Эти предположения сделаны на материалах жилища и нуждаются в проверке и расширении за счет других комплексов этнической культуры болгар.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Колев Н. *Българска етнография*. — Велико Търново, 1987.
- ² Попов Д. *Тракийско наследство в българската култура* // Българска митология: енциклопедичен речник. — София, 1994. — С.369.
- ³ См. напр.: Фол А. *Тракийски орфизъм*. — София, 1986; Он же. *Тракийският Дионис*. Кн.1. — София, 1991; Попов Д. *Тракийски конник* // Българска митология: енциклопедичен речник. — София, 1994. — С.365-369 и др.
- ⁴ Маркова Л.В. *Поселения и жилища болгар-переселенцев в Бессарабии* // Краткие сообщения института этнографии АН СССР. 1955, № 24. — С.3-12; Она же. *Типы болгарского жилища в Днестровско-Прутском междуречье* // Этнография и искусство Молдавии. — Кишинев, 1972. — С.61-74 и другие.
- ⁵ Наулко В.И. *Развитие межэтнических связей на Украине*. — Киев, 1975.
- ⁶ Златковская Т.Д. *Элементы фракийской культуры в традиционном изобразительном искусстве и фольклоре молдаван* // Советская этнография. — 1976, №4. — С.25-40.
- ⁷ Полевые материалы находятся в фондах Лаборатории археологии и этнографии Степной Украины Одесского госуниверситета им.И.И.Мечникова.
- ⁸ *Молдаване: очерки истории, этнографии, искусствоведения*. — Кишинев, 1977. — С.87—88.
- ⁹ Златковская Т.Д. Указ.соч. — С.26-30.
- ¹⁰ Топоров В.Н. *Мировое дерево* // Мифы народов мира. Т.1. — М., 1980. — С.398—406; Попов Р. *Световно дърво* // Българска митология: енциклопедичен речник. — София, 1994. — С.321-322.

Татяна ЗАЙКОВСКАЯ
**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В
 СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ БОЛГАР,
 МОЛДАВАН И РУССКИХ**

Проживая вот уже почти два столетия в Молдове, одном из основных ареалов за пределами своей исторической родины, болгары сохранили свои национально-культурные особенности, обычаи, традиции, способы освоения мира, язык как главное средство передачи этнокультурной информации, фольклор и т. д. Вместе с тем практическое и духовное общение с представителями других этнокультурных общностей на протяжении всего этого времени привносило в их жизнь свои плоды, естественным образом отчасти отражаясь на их традиционном опыте и ценностной ориентации. Это закономерно проявляется и на вербальном уровне, сказывается на восприятии окружающей действительности и отражении ее в языковой картине мира, Культура и язык взаимодетерминированы при примате культурно-национального компонента над внутрilingвистическими закономерностями.

Наряду с двумя традиционно принятыми способами представления языка (язык — совокупность, воплощенный в текстах, и язык — система, находящийся отражение в грамматиках и словарях), в последнее время выделяют еще один, проявляющийся в ассоциативно-вербальной сети. «Ассоциативно-вербальная сеть, будучи онтологической по своей сути, фиксирует психологически релевантные связи и отношения, которые не находят отражения в системной и текстовой ипостасях языка» (3, 5). Это можно легко увидеть, проанализировав, например, оценочные конструкции как сравнительные устойчивые обороты, зафиксированные в соответствующих словарях, и как результаты межъязыкового ассоциа-

тивного эксперимента (см. ниже), основанного на сопоставлении данных, полученных от носителей болгарского, румынского и русского языков, проживающих в Молдове, то есть болгарских переселенцев и представителей молдаван и русских, с которыми они тесно общаются в своей повседневной деятельности длительное время.

Далеко не все конструкции с союзом *как*, обозначающие внешние и внутренние характеристики человека и активно употребляющиеся в речи, отражены в словарях как устойчивые обороты. Например, в болгарском языке в качестве устойчивых сравнений выделяются: *гладен като вълк* (голодный как волк), *мокър като мишка* (мокрый как мышь), *черен като катран* (черный как смола), *бял като платно/вар/смин* (белый как полотно/известь/смин), *слаб като дъска/кука/скуприя* (худой как доска/спица/скуприя), *хубава като капка* (красивая, как капля) — о девушке, *ням като риба* (немой как рыба), *свеж като кукуряк* (свежий, как первоцвет), *глупав като гъска/патка* (глупый, как гусыня/утка), *прост като фасул* (глупый, как фасоль) и ряд других; в русском языке: *голодный как собака*, *черный как смоль*, *седой/белый как лунь*, *мокрый как мышь*, *белый как полотно*, *худой как доска/щепка*, *красивый как картинка*, *бедный как церковная мышь*, *пьяный как сапожник*, *трезвый как стеклышко*, *глупый как пробка*, *свежий как огурчик* и др.; в румынском языке: *slab ca un țig* (худой как щепка), *înalț ca bradul* (высокий как ель/сосна), *flămînd ca un cîine* (голодный как собака), *alb ca varul/zăpada* (белый, как известь/снег), *prost ca noaptea* (глупый как ночь) и т. д.

Однако результаты проведенного эксперимента свидетельствуют о значительной степени устойчивости и многих других подобных конструкций, не нашедших отражения в словарях как устойчивые сравнительные обороты. Достаточно взглянуть на процентные показатели наиболее частотных реакций, приведенных в приложении, чтобы убедиться в этом. В основе 69% ассоциаций болгар — участников эксперимента на стимул «белый» лежит соотнесенность с понятием снега. Их закрепленность в сознании носителей языка подтверждается и переводами, например: «Любовь Онисимовна тогда была еще не очень стара, но бела как лунь» — Лесков, «Тупейный художник» («Любов Онисимовна по онова

време още не беше много стара, но вече имаше снежно бяла коса»). В эксперименте было задействовано по 200 человек болгар, молдаван и русских различного рода занятий, принадлежащих к разным половозрастным группам, с преобладанием учащейся молодежи. Им было предложено дополнить сравнительные конструкции, относящиеся к внутренним и внешним качествам человека. Количество таких сравнительных оборотов составило 50 единиц, что необычайно велико для подобного рода экспериментов, однако не вызвало затруднений у испытуемых.

В список слов-стимулов вошли следующие прилагательные: *бял, черен, червен, добър, зъл, хубав, слаб, дебел, висок, нисък, свеж, румен, бърз, бавен, скъперничав, богат, беден, пиян, трезъв, здрав, силен, глух, сляп, ням, храбър, страхлив, срамежлив, кротък, нахален, мръсен, чист, любопитен, непохватен, мързелив, работлив, безпомощен, търпелив, отърничав, гладен, мокър, свободен, изморен, спокоен, строен, лъжлив, хитър, коварен, глупав, умен, тъжен, весел* как компоненты сравнительных конструкций с элементами *като* и опущенными вторыми компонентами. Молдаванам и русским были предоставлены перечни тех же характеристик человека на их родных языках с элементами *ca* и *как* соответственно.

В качестве объекта нашего эксперимента сравнения выбраны не случайно. Обращаясь к одним и тем же сущностям, в данном случае к качествам человека, испытуемые сопоставляют их с различными денотатами, сравнивают с разнообразными реалиями, непосредственно соотносящимися с условиями жизни носителей рассматриваемых языков, с их культурой, практической деятельностью и т. д.: «Язык несет на себе отпечаток духовной и материальной культуры народа. Наиболее ярко национально-культурная специфика проявляется в сравнениях..., именно сравнения представляют собой форму ценностного освоения мира, фактор внутренней детерминации поведения» (4, 120).

В основе полученных в ходе эксперимента сравнительных конструкций лежит сопоставление с:

1) животными: болг. *търпелив като магаре* (терпеливый, как осел); *мързелив като котка* (ленив, как кошка); *беден като голо зайче* (бедный, как голый зайчик); *мокър като мишка* (мокрый как мышь); рум. *blînd ca pisica* (кроткий, как кошка), *obraznic ca un*

țar (нахальный, как козел), obosit ca boul după plug (усталый, как вол после пахоты), рус. трудолюбивый как вол, неуклюжий как медведь; упрямый как осел;

2) птицами: болг. мокър като кокошка (мокрый, как курица), сляп като кукумявка, бухал (слепой как сова/филин), храбър като петел (храбрый как петух), глупав като гъска/патка (глупый как гусыня/утка); рум. negru ca cioaga (черный, как ворона); orb ca găina (слепой как курица); русск. глухой, как тетерев, любопытный, как сорока;

3) земноводными: болг. бавен като костенурка (медлительный, как черепаха), зъл като змия (злой, как змея), рум. surd ca țarpele (глухой, как змея); încet ca mielcul (медлительный, как улитка); русск. медлительный, как черепаха; коварный, как змея;

4) насекомыми: болг. работлив като мравка/пчела (трудолюбивый, как муравей/пчела); нахален като муха (нахальный, как муха); рум. harnic ca furnica/albina (трудолюбивый, как муравей/пчела); leneș ca greiegul (ленивый, как кузнечик/сверчок); русск. ленивый, как трутень, трудолюбивый, как пчела/пчелка;

5) явлениями природы: болг. изморен като земя без дъжд (усталый, как земля без дождя); спокоен като вода в язовира (спокойный, как вода в пруду); рум. frumos ca soarele (красивый, как солнце); beat ca frunza în bătaie vîntului (пьяный как лист на ветру); trist ca toamna (печальный, как осень); русск. свободный, как ветер; черный, как ночь;

6) фольклорными персонажами: болг. хитър като Хитър Петър (хитрый, как Хитрый Петр); бавен като баба Меца/Мецана (медлительный, как баба Медведица); рум. sărac ca Penelea (бедный, как Пепеля); frumos ca Făt-Frumos (красивый, как Фэт-Фрумос); mîncinos ca Păcală și Tîndală (лживый, как Пэкалэ и Тындалэ); leneș ca fata babei (ленивый, как дочь старухи — из сказки “Дочь старика и дочь старухи”); русск. худой, как Кашей; злой, как баба-яга; застенчивый, как Василиса Прекрасная; храбрый, как Иван-царевич;

7) представителями других народов: болг. хитър като еврей/чихутин (хитрый, как еврей; чихутин — еврей (диал.); коварен като чеченец (коварный, как чеченец); нахален като турченин (нахальный, как турок); мръсен като циганин (грязный, как цыган);

лъжлив като циганин/еврей (лживый, как цыган/еврей); рум. mîncinos ca țiganii (лживый, как цыгане); русск. хитрый, как еврей;

8) людьми определенных профессий, занятий: болг. висок като баскетболист (высокий, как баскетболист), здрав като доктор (здоровый, как доктор); силен като културист (сильный, как культурист); ням като партизанин (немой, как партизан), трезвен като поп (трезвый, как поп); любопитен като милиционер (любопытный, как милиционер); рум. îndrăzneț ca un voinic (смелый, как солдат); bogat ca împăratul (богатый, как царь); sărac ca țăranul (бедный, как крестьянин); русск. бедный, как студент; веселый, как клоун; кроткий, как монах; пьяный как сапожник;

9) конкретными предметами реальной действительности: болг. беден като скъсан чувал (бедный, как рванный мешок); беден като цървул (цървули — болгарская традиционная крестьянская обувь из сыромятной кожи, ср. у молдаван и румын — постолы); чист като стъкло (чистый, как стекло); слаб като дъска (худой, как доска); рум. gras ca un poloboc (толстый, как бочка); rapid ca săgeata (быстрый, как стрела); treaz ca lumînarea (трезвый, как свеча); русск. белый, как скатерть; румяный, как блин;

10) литературными героями: болг. нахален като Бай Ганьо (персонаж произведения Алеко Константинова); богат като дядо Геракът, кротък като Елка (герои рассказа Е.Пелина “Герациите”); русск. скупой, как Плюшкин (Н.В.Гоголь, “Мертвые души”);

11) реальными лицами: болг. весел като Чаплин (веселый, как Чаплин); богат като Рокфелер (богатый, как Рокфеллер); силен като Шварцнегер (сильный, как Шварценеггер); рум. deștept ca Ștefan/Solomon (умный, как Штефан/Соломон); русск. умный, как Ломоносов/Сократ;

12) растениями: болг. нисък като трева (низкий, как трава); висок като топола (высокий, как тополь); строен като явор/топола (стройный, как явор/тополь); рум. roșu ca trandafîgul/bujorul (красный, как роза/пион); puternic ca un stejar (сильный/крепкий, как дуб); sărac ca iarba, lipită pămîntului (бедный, как трава, пригнувшаяся к земле); русск. высокий, как тополь; красный, как мак и некоторыми другими денотатами.

Каждый ряд может быть дополнен примерами зафиксированных ассоциаций. Существенная часть данных, полученных в ре-

зультате проведенного эксперимента, приведена в приложении, в котором представлены наиболее частотные реакции представителей всех трех групп испытуемых на слова-стимулы, обозначающие внутренние и внешние характеристики человека.

При их сопоставлении становится очевидным целый ряд совпадающих ассоциаций либо во всех трех группах (хубав като цвете; красивый, как цветок; frumos ca floare; срамежлив като мома; застенчивый, как девушка; sfios ca fata mare; беспомощен като дете; беспомощный, как ребенок; nerutincios ca copilul; страховлив като заек; трусливый, как заяц; fricos ca iepurile и др.), либо в двух из них (болг./молд.: нисък като трева; jos ca iarba; изморен като кон; obosit ca calul; свободен като птица; liber ca pasărea и др.; молд./русск.: curat ca lacrima; чистый, как слеза; răbdător ca mama; терпеливый, как мама; trist ca toamna; печальный, как осень и др.; русск./болг.: здравый, как бык; здрав като бик; белый, как снег; бял като сняг; веселый, как клоун; весел като клоун; быстрый, как ветер; бърз като вятър и др.).

Это происходит по той причине, что в языке преломляется вся совокупность знаний и представлений человека о мире, происходит отражение и общечеловеческой практики. В любом языке можно выделить универсальные, региональные и национально-специфические признаки.

В отражении объективного мира, его явлений и предметов, а также отношений между ними ассоциациям принадлежит огромная роль. В тех случаях, когда появляется необходимость для языкового обозначения какого-либо компонента национальной культуры того или иного народа, слова могут вступать в новые ассоциативные отношения. Среди языковых ассоциаций, в частности, лексических, неоднородных по своему характеру, выделяют "онтологические, отражающие онтологию языка, объективные принципы группировки элементов, эмпирические, основанные на субъективно-объективном опыте носителей языка (именно к этой группе преимущественно относятся ассоциации, приведенные в приложении — Т.З.) и психические — индивидуальные, случайные" (1, 214).

Если же говорить об объективных и субъективных факторах формирования сходных и различных черт, то к первым следует

отнести природные и культурные особенности, а ко вторым — "произвольную избирательность, когда одни и те же реальности, равно свойственные двум цивилизациям, трактуются по-разному" (2, 55). По этим причинам один и тот же признак можетноситься носителями различных языков, в том числе болгарскими, молдаванами и русскими, с разными эталонами сравнения, о чем и свидетельствуют материалы приложения.

Вспомним, однако, что в случае с рассматриваемыми языками, бытующими на территории Молдовы, природные условия практически одинаковы для всех их носителей, а вследствие длительных контактов культур наблюдается их взаимовлияние в той или иной степени, что усложняет общую картину и придает ей дополнительное своеобразие.

Сказанное подтверждается не только материалом таблицы, но и менее частотными ассоциациями, также достойными рассмотрения. С одной стороны, сравнения, основанные на таких ассоциациях, тоже отражают национально-культурную специфику народа, раскрывая его традиции, обычаи, показывая особенности его самопознания, исторического пути и т. п., например, болг. коварен като башибозук/Сулеман паша (коварный, как башибозук — военный чин в турецкой армии времен ига); румен като милина (румяный, как милина — блюдо болгарской национальной кухни); работлив като българските хора (трудолюбив, как болгары); чист като българка (чистый, как болгарка — очевидно, в нравственном смысле); лъжлив като планинска река (лживый, как горная река); тъжен като кавал (печальный, как кавал — болгарский национальный музыкальный инструмент, большая свирель); храбър като Хаджи Димитър (храбрый, как Хаджи Димитр — Хаджи Димитр Асенов, болгарский национальный герой) и др.; рум. gumen ca o plăcintă (румяный, как плацента — блюдо молдавской кухни); puternic ca viteazul (сильный, как витязь, богатырь — фольклорный образ); zgîrcit ca zgîrte-brînză (приблизительно можно перевести так: скупой, как человек, у которого и брынзы не выпросишь); deștept ca Ștefan (умный, как Штефан — Штефан Великий, выдающийся молдавский государственный деятель); deștept ca cărturarii (умный, как книжники, летописцы) и т. п.

С другой стороны, такие сравнения являются свидетельствами

ми взаимного знания истории, литературы, фольклора, образной системы языков, о носителях которых идет речь: болг. скуперничав като Плюшкин (скупой, как Плюшкин); тъжен като Несмеяна (печальный, как Несмеяна — персонаж русского фольклора), румен като матрьошка (румяный, как матрешка); рум. curios ca Varvara (любопытный, как Варвара); русск. злой, как Лаур-Ба-лаур (персонаж молдавского фольклора) и др.

Выявленные сравнения, основанные на определенных ассоциациях, позволяют охарактеризовать и некоторые элементы образной системы того или иного языка. Так, в анкетах молдаван выкристаллизовываются черты образа осени (trist ca toamna — печальный, как осень; trist ca frunza toamna — печальный, как лист осенью; obosit ca toamna — усталый, как осень; bogat ca toamna — богатый, как осень), раскрываются чувства преклонения перед природой, ее богатствами, особенно растительным миром, единения с ней: bogat ca pământul (богатый, как земля), bogat ca pomul în frunze (богатый, как плодородное дерево в листве); sărac ca pomul uscat (бедный, как засохшее плодородное дерево); obosit ca codrul (усталый, как коды) и др. В анкетах болгар, например, явственно проступает образ болгарки: "чист като българка" (чистый, как болгарка); срамежлив като момиче (застенчивый, как девушка); работлив като млада булка (трудолюбивый, как молодая невестка) — нравственно чистой, трудолюбивой, застенчивой, но отнюдь не кроткой (что подтверждается анкетой) видят ее носители болгарского языка. Этот перечень образов может быть продолжен.

Анализ результатов эксперимента был бы неполным без учета еще одного вида сравнений, а именно основанных на ассоциациях, связанных с телерекламой, популярными фильмами и т. п., например: болг. свеж като "Orbit", бърз като BMW, силен като Сталоне/Шварцнегер, силен като Ксена и трезвен като Жудити (телесериалы); рум. curat ca "Taid" (чистый, как "Тайд"); русск. добрый, как крокодил Гена (мультфильм). Эти и другие довольно многочисленные ассоциации могут относиться к разряду неустойчивых, зачастую единичных, случайных, но в целом они отражают значимость средств массовой информации в жизни современного человека и то огромное влияние (далеко не всегда благоприятное), которое он испытывает с их стороны. А то, что эти

сведения были получены в результате психолингвистического эксперимента, лишней раз свидетельствует об уязвимости нашего восприятия.

Таким образом, сравнения, являясь формой ценностного освоения мира и воплощаясь в сравнительно-оценочных конструкциях, отражают важную часть организации ассоциативно-вербальной сети среднестатистических носителей рассматриваемых языков, выявляют определенные стереотипы их восприятия окружающей реальности, а также несут на себе отпечаток материальной и духовной культуры болгар, молдаван и русских как результат их длительного совместного проживания на одной территории и практического освоения действительности.

Приложение

Перечень наиболее частотных ассоциаций

Слово-стимул	Ассоциации (%)		
	болгары	русские	молдаване
белый	сняг — 69	снег — 28	varul — 32
		мел — 16	zăpada — 26
черный	земя — 32	ночь — 20	noaptea — 19
		негр — 16	cioara — 17
		сажа — 12	pământul — 14
красный	рак — 20	рак — 40	racul — 24
		помидор — 18	
красивый	цвете — 24	цветок — 20	floarea — 20
		клетка — 31	scindura — 18
худой	бъчва — 43	бочка — 42	porc/purcel — 32
			poloboc — 16
толстый	стълб — 41	тополь — 12	copacul/teiul/ plopul/bradul — 40
			iarba — 26
высокий	карлик — 25	карлик — 24	piticul — 12
		трева — 17	
низкий	краставица — 18	огурчик — 33	pîinea — 41
		ветер — 29	săgeata — 16
свежий	вятър — 20	ветер — 29	mielcul — 43
		черепашка — 56	broasca țestoasă — 14
быстрый	костенурка — 37		porcul — 37
медлительный	ботуш — 27	сапожник — 26	
пьяный			

трезвый	свиня — 16 стъкло — 15	свинья — 22 стеклышко — 65 огурчик — 14	omul — 12
добрый	майка — 17	мама — 16	pînea — 24 mama — 13 cîinele — 28
злой	вълк — 27	черг — 27 собака — 23	plămîndul — 10 bogatul — 8
скупой	Бай Ганю — 15 богаташ/ чорбаджия — 13	Плюшкин — 20	pămîntul — 18 toamna — 9 țaranul — 11
богатый	цар/крал — 26	Рокфеллер — 12 царь — 10	cucul — 12 pomul uscat — 10 tunul — 48 stejarul — 17
бедный	сиромах — 29	мышь (церков- ная) — 24	unul mare — 8 iepurele — 43 o fată mare — 38
здоровый	бик/ бивол — 25	бык — 60	
сильный	лъв — 13 слон — 10	лев — 13 viteazul — 12	
храбрый	лъв — 37	лев — 44	
трусливый	заяк — 78	заяц/кролик — 61	
застенчивый	мома — 25	девушка/ девица — 37	
	булка — 22		
кроткий	агне/агънце — 28 заяк — 13	ягненок — 28	mielul — 17 pisica — 15 pînea — 41
румяный	ябълка — 16	яблоко/яб- лочко — 35	țap — 16 copilul — 12
нахальный	лисица — 15 Бай Ганьо — 11 циганин — 10	кот — 13	
грязный	прасе/свиня — 61	свинья/поросе- нок — 53	porcul/pur- celul — 42 lacrima — 21
чистый	вода — 22 небе — 12	родник — 18 слеза — 14	
любопытный	Варвара — 20 баба — 15	Варвара — 32 сорока — 25	baba — 14 un copil — 11 copilul — 16 elefant — 13 ursul — 12 greierul — 17
неуклюжий	мечка — 55	медведь — 44 слон — 17	
ленивый	котарак — 7	трутень — 16 кот — 16	
трудолюбивый	мравка — 26 пчела — 9	муравей — 27 пчела — 20 вол — 11	furnica — 32 albina — 24 mama — 13 copilul — 26
беспомощный	дете — 34	ребенок — 48	

терпеливый	бебе — 8 майка — 18 магаре — 15 вълк — 90	мама/мать — 21	mama — 24
голодный		волк — 68	lupul — 32 cîinele — 21 măgarul — 28 pasărea — 45 vîntul — 10 calul — 27
упрямый	магаре — 63	осел — 55	
свободный	птица — 54	ветер — 40 птица — 16 собака — 38	
усталый	кон — 23 вол — 16 куче — 15 вода — 22	слон — 12 ночь — 10	muntele — 12
спокойный		берез(к)а — 35 тополь — 11	trestia — 18 plopul — 16 bradul — 10 vulpea — 15
стройный	бреза — 19 топола — 17 явор — 10		
лживый	лисица — 39 Хитър Петър — 11	шакал — 12 сивый мерин — 11	
хитрый	лисица — 73 Хитър Петър — 13	змея — 10 лиса — 76	vulpea — 69
глупый	магаре — 12 овен — 12 кокошка — 9	пробка — 26	noaptea — 22
коварный	тигър — 11	змей — 14	vulpea — 47
печальный	крава — 17 магаре — 8 клоун — 15 слънце — 8	Пьеро — 24 осень — 11 клоун — 28 шут — 12	toamna — 29 macul — 10 vara — 18 greierul — 10
веселый	профессор — 15 глухар — 40	профессор — 18 тетерев — 36 пень — 17	șarpele — 12 piatra — 10 peștele — 21 găina — 16 cîrțița — 13 bufnita — 10
умный		рыба — 64 крот — 53	
глухой	риба — 77 къртица — 70 кукумявка — 9	котенок — 18	
немой			
слепой			

ЛИТЕРАТУРА

1. Богуславская Г.П. *Языковая картина мира и культура народа* // Язык и культура. Материалы IV Международной конференции. Киев, 1996.
2. Гак В.Г. *Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими фразеологизмами)* // Вопросы языкознания, 1997, № 5.
3. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. *Идиоматика в тезаурусе языковой личности* // Вопросы языкознания, 1993, № 2.
4. Маслова В.А. *Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека (на материале киргизского языка)* // Этнопсихоллингвистика. М., 1988.

Надежда ДАМЬЯН
**РУМЫНСКО-БОЛГАРСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
 НА УРОВНЕ ЛЕКСИКИ**

Академик В. В. Виноградов в своё время указывал, что изучение языка может ответить на такие три основных круга вопросов:

1. С какими другими народами, этническими группами был связан народ по своему происхождению? Это вопросы формирования и происхождения народов и языков, вопросы этногенетические.

2. Как развивалась культура народа, каково было состояние и качество её на разных этапах его истории? Это вопросы культурно-исторические.

3. С какими другими народами и языками был связан этот народ, какие влияния он испытывал с их стороны, и какое воздействие оказал на них? Это — вопросы межплеменных и межнациональных связей.

Румынский лексиколог И. А. Кондря писал: "История культуры народа иногда так верно отражается в его словаре, что употребление слова на большей, или меньшей части лингвистической территории часто указывает на глубокое, или поверхностное влияние культуры другого народа, с которым он соприкасается. Лингвистическая география поэтому тесно связана с историей народа".

Роды, племена, а затем народности и, наконец, нации вступали в различные хозяйственно-экономические, военно-политические и культурные отношения. Одним из видов взаимодействия языков явились заимствования, которые более всего представлены в лексике.

И действительно, трудно найти в истории такой пример, когда какие-либо племена, народности, нации развивались бы неза-

висимо от других этнических групп, в первую очередь, от своих соседей на почве экономических, военных и торговых отношений.

В силу ряда причин говорящие на одном языке всегда вступают в непосредственное и опосредованное общение с говорящими на соседних или культурно влияющих языках, в результате чего заимствуются различные экономические и духовные ценности, а вместе с ними и слова, выражающие соответствующие понятия.

Так появляются лексические заимствования — самый распространённый вид влияния, оказываемого одним языком на другой.

Вопросом большой важности является проблема применительно к румынскому языку, в словарном составе которого, как известно, находятся разнородные элементы: наряду с исконно романским фондом имеется значительное количество слов иноязычного происхождения.

Это вполне понятно, если учесть этнические условия развития румынского языка, который в течение веков находился, да и сейчас находится, в нероманском окружении. А такие обстоятельства не могли не оставить следов в языке, в первую очередь в его словарном составе. Интересна статистика, составленная в России ещё в I-ой половине XIX в. Я. Д. Гунгуловым. В предисловии к своему труду “Начертание правил валахо-молдавской грамматики” Гунгулов так оценивает место славянских элементов среди других компонентов румынской лексики: “За массой романских (народно-латинских) слов следует огромное число славянских”. (Можно допустить следующую приблизительную пропорцию: от 4/10 до 5/10 слов в нём латинских, около 3/10 славянских, остальные же заимствованы большей частью из языков венгерского, турецкого и греческого). Статистика наглядно показывает, что на первом плане находятся слова романского происхождения, а после них следуют славянские элементы.

Б. П. Хашдеу выдвинул теорию “оборота слов”, согласно которой физиономия языка не определяется численным соотношением слов разного происхождения, а “частотой употребления отдельных слов, звуков и грамматических форм”.

Академик А. Граур в своей работе “Fondul principal lexical al limbii romane” доказывает, что в румынском языке 20% славянских слов.

Остановимся на отдельных словах.

Слова, которые обозначают отдельные части человеческого тела:

Grup (тело), obraz (щека, лицо), costiță (коса), gît (горло), crac (нога), gleznă (лодыжка), burtă (живот).

Слова, являющиеся названием родства и терминами обращения:

Rudă (род, родня), nevastă (жена), maică (мать), babă (старуха), lele (тётка).

Слова, обозначающие физические и душевные признаки и состояния:

Gol (голый, пустой), zdravăn (сильный), rumen (румяный), slab (слабый, худой), stirb (беззубый).

Во второй половине XIX в. пуристы типа Лауриана и Массима всячески пытались изгнать из румынского словаря славянские элементы, а яский лингвист Скрибан уже в начале нашего века жаловался на то, что болгарский и русский языки оказали на румынский “достойное сожаления влияние, оставившее, к несчастью, ряд элементов, которые портят его и сейчас”.

История распорядилась так, что языки продолжают взаимобогащаться. Об этом говорят и существующие параллели на уровне лексики.

В качестве примера параллели — слово *coș* — horn.

В румынском языке это слово имеет несколько значений:

1) корзина, 2) ящик для засыпки зерна на мельнице, 3) кузов повозки, 4) откидной верх экипажа, 5) грудная клетка, 6) дымоход.

Это слово заимствовано румынами у славян: русское слово кош (кошёлка), украинское кіш, болгарское кош, сербское кош, словенское kos.

Значение “дымоход” характерно только для болгарского языка. Следовательно, это значение румынами было заимствовано из болгарского языка.

Румынский язык сохраняет в своей структуре (особенно в лексическом составе) много славянских элементов. Эти элементы являются следами исчезнувших языков славян, которые в результате двуязычия ассимилировались с римлянами. Таким образом, славянские элементы в румынском языке являются следами славянского субстрата.

Исторические связи между восточно-романским населением и восточными славянами продолжают существовать. Обратимся к лексико-семантической сфере заимствований румынского языка

из славянских.

Анализ заимствований позволяет объединить слова в группы:

1. Названия различных явлений физической природы:
burană, ciornoziom, toloacă, vicol
2. Названия деревьев, растений, плодов:
agubă, barabulă, ciortopoloc, hriscă, sosna
3. Названия животных, птиц, насекомых:
porcă, sobol, tarpan, plosniță, culic, hulub
4. Названия рыб, предметов, связанных с рыбной ловлей:
caras, lotcă, pescar, setcă, săran
5. Названия различного рода построек, их частей, стройматериалов и родственных понятий:
bască, prispă, a murgii
6. Названия предметов, понятий, связанных с хозяйством крестьянина-земледеца:
druc, boroană, gospodar, lan, lantug
7. Названия предметов, употребляющихся в домашнем хозяйстве:
samfocă, polonic, poloboc, turbincă
8. Названия предметов одежды, обуви, головных уборов, материалов для их изготовления:
casincă, cuscă, surtuc, sapcă, maniscă, prostire
9. Названия продуктов питания, напитков, различных блюд, родственных понятий:
bors, bragă, chisleag, covrig, crohmală, cvas, pască, povidlă, zacuscă
10. Названия людей по профессии, должности или по другим признакам:
cobzar, lipovean, pojarinic, postalion, prostac
11. Эмоционально окрашенные слова:
balamut, farmazon, maladet
12. Абстрактная лексика и качественные прилагательные:
brac, pozvolenie, samovolnic, viteaz
13. Глаголы, обозначающие абстрактные действия:
a bălăbăni, a se hlizi, a mozoli
14. Названия, связанные с армией, войной:
barabană, osor, pihotă
15. Политико-административная и научная лексика:
administrator, miliție, pomosnic, postă
16. Историзмы:
dvor, gospodar, samoderjet
17. Этнографизмы:
balalaică, bandură, izbă, samovar, stepă, troică, tundră

Елена РАЦЕЕВА
**К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ СЛАВЯНО-
МОЛДАВСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XV-XVI ВВ.
(ЭЛЕМЕНТЫ РУМЫНСКО-СЛАВЯНСКОЙ
ИНТЕРФЕРЕНЦИИ)**

На протяжении нескольких веков в Молдавии существовало славяно-молдавское двуязычие. Безусловно, славянский язык, употреблявшийся в Молдавии XV—XVI вв., значительно отличался и от среднеболгарского разговорного языка, и от книжной его формы церковнославянского языка-эталоны, а также от существовавших тогда русского и сербского изводов. В отличие от канонизированной религиозной литературы с ее жесткими орфографическими нормами, язык грамот, летописей и хроник является более проницаемым для различного рода влияний и представляет весьма интересный с многих точек зрения языковой материал. А.И.Яцимирский¹ определяет язык славянских грамот молдавского происхождения как конгломерат особенностей, характерных для русского, белорусского, польского, болгарского и других славянских языков. В отличие от валашских документов того времени, которые представляют большее однообразие, актовый язык славяно-молдавских документов характеризуется "отсутствием последовательности в языке и правописании...", а также известной свободой для отдельных писцов, которые не стеснялись в вопросах языка и налагали на документы индивидуальные черты"². А.И.Яцимирский говорит о русской основе актового языка славяно-молдавских грамот: "с одной стороны официальный западно-русский, с другой — живой галицко-волынский говор". Подобное впечатление оставляют и славяно-молдавские летописи. Та же поразительная пестрота языка, отразившаяся в полной

мере единство и борьбу двух противоположных тенденций: второго южнославянского влияния — с одной стороны, и воздействия стихии разговорного славянского языка, функционировавшего в условиях славяно-молдавского двуязычия в сложной языковой обстановке средневекового Прикарпатья — с другой. Рассмотрим, к примеру, “Бистрицкую летопись”. Здесь наряду с восточно-славянским изъяснением ъ (петок), встречаем южнославянский (сербский) рефлекс *d + j (мегю), вокализацию звука в, которая объясняется, по-видимому, влиянием украинского языка (узл, узла, у Милкови) и т. д.

[Ср. “И прѣбист тѹ въ четвѣртѣк мирно, а в петѣк рано ѹдаршѣ и начашѣ рвати град Келійски” (стр.26) ; “И вышѣ мегю ними многы речи и много ѹмоление от калѹгѣра” (стр.34) ; “В лѣто 6907 мѣсѣца априла 23 стал Александр воевода господарем ѹ Молдавской земли, а Юга воевода ѹзл Мирча воевода” (стр.24)].

Такое обилие разнородных влияний не удивительно, если иметь в виду, что писал это человек, для которого родным являлся молдавский, принадлежащий к другой группе языков. Поэтому различие южной, восточной или западной природы тех или иных процессов и тенденций вполне объяснимо, так же как и восприятие этих разнородных черт в комплексе, даже теоретически невозможном для любого другого из существующих изводов церковнославянского языка.

Славяно-молдавские грамоты, летописи и хроники, фиксирующие славянскую речь молдаванина, представляют интерес также и для романиста, особенно при отсутствии письменных памятников древнего молдавского языка этого периода, так как “в них попадают иногда, к сожалению немногочисленные, черточки местного романского языка, формы тем более драгоценные, что они могут быть древнее XIV–XV вв.”¹⁴. Работа по выявлению этих форм очень кропотливая и нелегкая, но сам факт влияния молдавского языка нетрудно доказать, так как некоторые из встречаемых в подобных текстах отклонения от грамматических норм церковнославянского языка и по сей день являются типичными ошибками в славянской речи для носителей молдавского языка.

В своей работе “Ошибки писцов и лингвистическая интерпре-

тация древних текстов” О.В.Малкова¹⁵ предупреждает исследователя об опасности оказаться на поводу у простой описки, если анализировать ошибки не в системе, а атомистически, каждую саму по себе. Она разграничивает психологические ошибки (описки, ослышки, оговорки, неправильное прочтение и т. п.) от ошибок языковых, продуцируемых при письме и в речи на иностранных языках, т. е. возникающих в звене планирования высказывания. Последние представляют для исследователя интересный лингвистический материал, какой, к примеру, можно извлечь из созданных молдаванами письменных памятников на славянском языке, которые отразили и сохранили примеры интерференционного влияния романского языка того периода.

Разумеется, в различной степени, так как уровень владения славянской речью и уровень грамотности авторов различных летописей, очевидно, не одинаков. В одном случае это блестящее, виртуозное владение церковнославянским языком и орфографией даже по самым строгим требованиям Тырновской правописной реформы, когда не только ни разу, как в летописи Макария, нет погрешного написания коварной ятовой гласной, но и техника “рыгорства съплетения словес” на высоком уровне. В летописях молдаван Макария, Азария и Евтимия романское влияние нужно искать на уровне более тонком — ментально-вербальном, может быть. И все значительно проще в случаях Путненской I летописи, Путненской II летописи, а также “Бистрицкой летописи”, где следы фонетических и грамматических интерференционных влияний на поверхностном уровне, проявленном в орфографии, а точнее в ее нарушениях. Не претендуя на окончательность и бесспорность выводов, назовем несколько типов ошибок, регулярно встречающихся в “Бистрицкой летописи”, которые следует объяснять, на наш взгляд, как результат неправильно запрограммированного на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях речевого действия в условиях недостаточного владения нормами церковнославянского языка и, что особенно важно, под воздействием романских языковых процессов.

1. Наиболее часто встречаются в “Бистрицкой летописи” ошибки при склонении и согласовании имен существительных (заметим, что и сегодня именно этот участок русской граммати-

ки дается носителям румынского языка труднее всего). Не перечисляя всех случаев, остановимся для примера только на ошибках, допущенных писцом при склонении существительного “*воевода*”, функционирующего в качестве приложения к имени собственному. На 19 страницах оригинала, что при издании летописи в книге среднего формата составляет 11 страниц, ошибочное написание и употребление форм этого существительного встречается 8 раз. Например:

“В лѣто 6979 мѣсца 7 в четверток бысть разбой с Радѹлом воеводом ꙗ Бочи.” (стр. 27)

“И великий скиптръ Радѹла воевода възат бысть” (стр. 27)

“И прѣдаде ихъ вогъ в рѣцѣ Стефана воевода и войсцѣй его, и повниен быша от них множество много.” (стр.26)

“И паки понуаша и съ Бъсьрабом на Радѹла воеводи” (стр.26)

“В лѣто 6984 мѣсца юла 26 в пѣток прииде сам царь тѹрскый, нарицаеми Мехмет бег, съ вѣсами своими силами и Бъсьрава воевода съ ними и съ вѣсеа войскоа своеа на Стефана воевода, сътвори съ ними вой ꙗ Бѣлом Потоци...” (стр.29)

“Въ 14 декабря мѣсца в понеделник на вторник бысть съмысль вожий съ Стефана воевода, и нападе ноци на ꙗгрех ꙗ Бани”. (стр.26)

“Въ 24 тогожде мѣсца въ срядѣ приат Стефан воевода град /.../ И възат и госпожда Радѹла воевода и дщерь его, /.../ и вѣса кровнице его... (стр.27)

“В лѣто 6952 майа въ пѣток прѣд съшествием свѣтаго дѹха ять Стефан воевода Илиаша воеводи и ослѣпи его.” / стр.25/

То есть существительное с основой на *-ā* склоняется как существительное с основой на согласный, по аналогии с именем собственным, определением которому приложение *воевода* служит. По этой причине в большинстве приведенных примеров нарушено согласование между определяемым и определяющим компонентами словосочетания.

Кроме этого, сталкиваемся с ошибочным употреблением падежей. Показательно, что смешиваются в основном именительный и винительный падежи, нечеткое различие синтаксических функций которых и по сей день встречается в речи румын, говорящих по-русски.

Встреченное в “Бистрицкой летописи” неразличение функций родительного и творительного падежей в конструкциях с предлогом *с* (“...бысть съмысль вожий съ Стефана воевода...”) также является типичным для современных русско-румынских билингвов.

2. К. Мирчев⁶, анализируя славянизмы в румынском языке, относительно редуцированных гласных *ъ* и *ь* пишет, что в сильной позиции они прояснились соответственно в *о* и *е*, а в слабой позиции (в середине и в конце слова) исчезли бесследно. Обе тенденции на многочисленных примерах прослеживаются в “Бистрицкой летописи” (четверток, петок, брат, братъ, братъ). Однако при этом обращает на себя внимание избирательность в написании краесловного *ь*: *краль*, *дщерь*, *скръзь*, *помочь*, *памать*, и т. п. На фоне последовательного употребления *ь* в конце существительных мягкого склонения, зафиксировано всего 4 случая написания *ь* в конце существительных твердого склонения (*сынъ*, *Стефанъ*, *господинъ*, *братъ*) и дважды *ь* пишется в конце причастий (*сталь*, *ꙗсачень*). Кстати сказать, все остальные причастия употребляются в “Бистрицкой летописи” без редуцированных на конце слова. Рассмотрим подробнее указанные исключения. Все они, кроме существительного *братъ*, заканчиваются на *-л* или *-н*. Эта позиция и по сей день представляет собой “горячую точку” для румын, изучающих русский язык (часто излишне палатализуются краесловные *л* и *н*). Таким образом, есть основания полагать, что в летописях *ь* употребляется для указания мягкости предходного согласного и что отклонения от нормы есть не что иное, как отражение румыно — славянского интерференционного влияния.

3. В “Бистрицкой летописи” из четырехжды встречаемой формы именительного падежа множественного числа существительного *витазь* только одна соответствует норме церковнославянского языка — *витази*, в остальных случаях автор пишет *витажи*. Имея в виду регулярность чередования *з/ж* в румынском языке (ср. в современном румынском языке *viteaz* — *viteji*, *vitejește*, *vitejie* и т.п.), можно предположить неслучайность и данного отклонения от нормы как результат неправильно запрограммированного речевого действия на славянском языке под влиянием романс-

ких тенденций, или как проявление интерференционного влияния. Из приведенных наблюдений над языком “Бистрицкой летописи” можно извлечь некоторые дополнительные сведения, характеризующие молдавский язык дописьменной эпохи, подтверждающие наличие и продуктивность чередования *з/жс*, некоторую специфичность молдавских звуков *л* и *н*, отличающихся от соответствующих звуков среднеболгарского языка большей палатальностью. Обобщение данных об отклонениях на морфологическом и синтаксическом уровнях станет возможным после тщательного анализа всех случаев ошибочного склонения, согласования, управления и т. п. В этой статье ошибки на морфологическом и синтаксическом уровнях рассматривались с целью вычленения из массы разнородных влияний исконно молдавских.

Привлечение к исследованию более широкого круга славяно-молдавских памятников представит интерес для исследователей истории славяно-молдавского билингвизма. Материалы подобного рода исследований могут быть использованы также при воссоздании дописьменного периода в истории молдавского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Протокол заседания Лингвистической секции от 27 октября 1904 года (цит. по: А.И. Яцимирский. Библиографический справочник. Сост. А.Матковский. Кишинев, 1979. С.13)

² Яцимирский А.И. Язык славянских грамот молдавского происхождения, отд. оттиск из Сборника по славяноведению. СПб. 1909. 24 с.

³ Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. Сост. Ф.А.Грекул, М. Наука. 1976 г. С. 24—34.

⁴ В.Ф.Шишмарев. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР // ВЯ. 1952. №1. С.96.

⁵ О.В.Малкова. Ошибки писцов и лингвистическая интерпретация древних текстов // ВЯ. 1979. С.108.

⁶ К.Мирчев. Историческа граматика на българския език. София. Наука и изкуство. 1978. С.80

Райна ПОПОВА (България) ПИСАТЕЛИ-БЪЛГАРИ В МОЛДОВА

ПЕТЪР БУРЛАК-ВЪЛКАНОВ — ТЪЖНИЯТ ПОЕТ НА БЕСАРАБИЯ

Петър Бурлак-Вълканов е поет, който съчетава в творчеството си тънкия лиризм, приглушената интимна нежност, синовната преданост към род, земя, Родина с големите въпроси за философията на живота, опитва се да надникне в загадките на вселената и вижда космичното в човешката душа. В поднебието на неговите поетически видения плуват радости, скърби, хиляди защо. Той търси отговор на нелеките въпроси за преходното и вечното, за дълга, суетата. Поезията на Петър Бурлак-Вълканов е като живота — разнолика, многобагрена, искрена, изстрадана.

И в неговата поезия, както и в творбите на всички бесарабски поети, е засегната болезнената тема за двете родини, за подсъзнателното усещане на връзките със земята на дедите и в същото време преклонението пред Русия. Този мотив е вплетен в цялостното творчество на поета и размислите често са съпроводени от болката на вечното раздвоение, което се превръща в сто въпроса:

— Де е моят дядо с своето време,
де коравите му жили спят?

В стиховете на Петър Бурлак-Вълканов срещаме цялата география на България, която не е просто названия на градове, планини, обекти, а живи рани — спомени, които не заздравяват и нито разстоянията, нито вековете ги лекуват. Поетът се връща към корена на трагедията — преселението, търси родословието си, философията на привързаността към родното старо и ново гнездо — между Тракия и Буджака.

Бе краят ни Буджак пустинно див,
 бе люлка на тревоги и легенди,
 а жилявият ти працядо мълчалив
 в степта безводна се загледа.
 Ще може ли тук да пълни живот,
 ще може ли рода да пусне корен
 под тоя тръгнал към безкрая свод,
 далече от Балкана непокорен?

Мотивът за родината непринудено и естествено се прелива в мотива за родното село, за детството, за песните и хората, за бащиния дом и първата любов. В тиховете за селото и бащиния дом откриваме един нежен, чувствителен лирик, в тях диша неугасващото чувство на селянина към земята. Лиризмът сложно се преплита с болката по отминалото, по невъзвратимото. Връзката с родното събужда не само спомена за минали дни. Родното село, Буджака са като олтар в сърцето на поета, те носят щастливата усещане за вечност, те са метаморфозата на космичното, което живее у човека чрез родното.

Да лежа не ща аз безчастно
 в тебу, Буджак — ти песенен мой кът.
 А поне една бръзда да бъда
 в твойта пръст
 и върхо твойта гръд.

Връзката с родното, с роднага природа е първична и органическа. Тя ни напомня за Вазовото преклонение пред майката природа, която ни прави безсмъртни. У Петър Бурлак-Вълканов определено се чувства това сливане с космичното, преминаването в друга, вечна материя. Природата е част от Вечното. Но човекът присъства в него именно сливайки се с родната земя.

Добър ден нивя, градини
 лъчазарни небеса,
 как ли вас ще ви забравя,
 посребрени от роса?

Петър Бурлак-Вълканов неповторимо лирично, с дълбока синовна обич е посветил няколко стихотворения бисери на майката. Нейния физически портрет така предметно и в същото време символно разкрит носи характерното бурлаковско тъжно-романтично, дълбоко съкровено и изповедно чувство. Във външния портрет, в привычните движения е разкрита цяла епоха, погребана младост, трагичната философия на гордата, но примирена с живота жена.

С торба в ръка. До вежди забрадена.
 С черни дрехи в своя тъжен свят.
 Стои самотна в своите поверия.
 И тъй е мъдра като тая пръст.

В поезията на този син на Бесарабия се усеща и дълбоката тъга на искрения, но неразбран човек. Понякога той е объркан, загубил верния ориентир, самотен и отчужден от света:

Понякога не разбирам как да живея,
 как да курдисам своя живот.
 И се ражда в душата ми горест на времето
 все за мене, за моето същество.

Безсъмнено Петър Бурлак-Вълканов е един от най-талантливите поети на Бесарабия. Неговият лирически герой носи тънка чувствителност, вълнува се от всичко, от което става в света, мъче се да остане честен и човечен, дори когато това му струва дълбока болка.

ГЕОРГИ БАРБАРОВ — НЕСПОКОЙНИЯТ

Георги Барбаров носи по-различен заряд. И макар че като теми, образи и настроение той е близък до Петър Бурлак-Вълканов, поетическият израз се осъществява от по-друг авторски ракурс. Освен това не толкова рядко у него се усеща мъката на словото, понякога дори му липсва езикова прецизност, което поетът сам признава.

Колко тревожно
е да усетиш
слабост в думите си...
Колко необходимо
е да я затриеш
с работа денонощна...

Определен творчески успех за поета е книгата му "Събудена тишина", издадена в Кишинев през 1987 година.

В нея също намираме любимата за бесарабските поети тема за преселението на българите, мотива за родителите и родното село като поетически израз на връзката със земята на дедите, нарисувани са прекрасни пейзажни картини.

Би могло да се каже, макар и твърде условно, че Георги Барбаров е в по-голяма степен "селски" поет, той като че ли повече е свързан със селската психология и здрава селска житейска философия. Селото, полето, пейзажът, селските хора добиват плът и кръв в поезията му.

Темата за преселението е болезнено почувствувана и отразена от всички бесарабски поети. У Георги Барбаров болката от раздялата, страхът от неизвестното и този безкраен път към чуждата — своя земя са намерили поетически изказ, близък до преживяванията на обикновения човек.

Боже, боже,
толкова ли сме
грешни,
че нямаш за нас
друго наказание
освен да напуснем
Родината си?

Лирическият герой на Г. Барбаров изпитва силно насталгично чувство, крепка синовна привързаност. Майката е изобразена като земна, работна, селска жена и като божество — всеопрощаваща грешките на своите деца.

Едно от най-хубавите стихотворения във втората стихосбирка на поета "Продължение на дневниците" "Писмо" е посветено на майката. Рисункът е топъл, тъгата приглушена, настроението елегично.

Завръщай се, сине.
Изпратих ятата
и слънцето топло
в сърцето си скрих.
Очаквам и нощем да
скръпне врата,
гласът ти да чуя:
"Прости закъснях..."

Георги Барбаров разкрива богатото си поетическо вдъхновение и уменията да синтезира в късата лирическа форма и пейзажният рисунок. Някои от тези лирически късове притежават пластичността на библейска картина и на библейска сентенция.

Класовете коленичат
пред слънцето —
узрява зърното...
Идва жътварят
и под своя закрила
взема полето —
жъне...

У Георги Барбаров любовното настроение е често сменящо се, непостоянно, неговият лирически герой се отнася ту игриво-закачливо към любовта и любимата, ту прекалено сериозно. По-често любовта е спомен или трепетно очакване, или тих пристан за ранената душа. Тя дава на поета светла радост и тревожни бурни нощи, и вдъхновение. Но любовта е и другарство, подкрепа, без която сме слаби, без която не можем.

Бих искал да те има
дори и в несполуките.
Ей така, да седнеш
до мене,
да погалиш ръцете ми,
да прибереш дъжда

от челото ми
и топло-топло
да дъхнеш на
сълзите ми.

Стихът е изчистен, искрен, непретенциозен, той носи дълбочина на едно много истинско, много човешки богато преживяване.

Поетът пише и тристишия, издадени самостоятелно в отделни малки книжки. Те също са сполука за автора. Повечето от тези кратки стихотворни форми представляват уловени мигове — късове от реалния живот, изпълнени с житейски опит и горчивина.

Плещите ми не
издържат
тежестта на
отсъстващите
твои ръце.

Болките ни пълнят
с радост,
че живеем!

Несъмнено Георги Барбаров е поет, който има какво да каже на своите читатели. Ще очакваме неговите книги с надеждата за приятна изненада.